

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЕВСКИЙ

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ

Маршалы Сталина

Александр Василевский

**Дело всей жизни.
Неопубликованное**

«Алисторус»

2015

Василевский А. М.

Дело всей жизни. Неопубликованное / А. М. Василевский —
«Алисторус», 2015 — (Маршалы Сталина)

Это воспоминания знаменитого военачальника Маршала Советского Союза А. М. Василевского. Большая часть книги посвящена Великой Отечественной войне, работе Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, решающей роли Коммунистической партии в завоевании Победы. А. М. Василевский рассказывает и о людях, которые учили его, воспитывали в нем воина, командира, – М. В. Фрунзе, И. П. Уборевиче, Б. М. Шапошникове, М. Н. Тухачевском, В. К. Триандафиллове, К. Е. Ворошилове и других выдающихся военных деятелях. Книга подготовлена по последнему прижизненному изданию, в которое уточнения вносил сам автор. Кроме того, в нее включен ряд никогда не публиковавшихся материалов.

© Василевский А. М., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

К читателю	7
Юные годы	9
Новый этап жизни	13
Крещение огнем	17
Первые шаги в борьбе за Советы	25
Против интервентов	32
Полковой опыт	38
На пути к реконструкции	46
Там, где бьется пульс армии	54
Перед «Большой войной»	61
Последние мирные месяцы	67
Война началась	77
Враг под Москвой	98
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Василевский

Дело всей жизни: неопубликованное

© Василевский И.А., 2015

© ООО «ТД «Алгоритм», 2015

* * *

СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ
ПОСВЯЩАЮ

Ф. Жуков

Дорогой Александр Михайлович!
Знаю я Вас около 40 лет.
Все эти годы Вы блестяще справ-
лялись с порученной Вам рабо-
той. Особенно близко узнал я
Вас в годы Великой Отечестве-
нной войны, когда Вы провели
ряд крупнейших стратегиче-
ских операций. Родина наша
никогда не забудет Ваших заслуг
в борьбе со злейшим вра-
гом человечества — немецким фа-
шизмом и по заслугам считает
Вас величайшим полководцем
Советской Армии.

Я с удовольствием вспо-
минаю Ваши умные решения, ко-
гда Вы были начальником Генераль-
ного штаба, представителем Ставки
Верховного Главнокомандования и
Главного командующего войсками на
Дальнем Востоке где Вы умели, в ко-
роткий срок, разгромить квантунс-
кую армию. Хотелось Вам свою книгу
на добрую память.
16/IX-63. Хотелось по-благодарить Ф. Жукова

К читателю

Все дальше уходят в глубь истории грозные годы Великой Отечественной войны. Но время не властно предать их забвению, выветрить из памяти народной. Наша победа над фашистской Германией – это победа над реакционными силами империализма, победа светлого дела социализма.

Много вышло различных книг, посвященных минувшей войне. И все же интерес к ним не уменьшается. Каждое новое правдивое произведение об этой священной для советских людей войне – еще одно свидетельство великого подвига, свершенного нашим народом во имя свободы и независимости своей Родины, мира и прогресса.

В огне ожесточеннейших сражений в годы Великой Отечественной войны прошли испытание на крепость Советское многонациональное государство и его Вооруженные Силы. Были проверены зрелость военного искусства, качество наших военных руководящих кадров, вставших лицом к лицу с фашистским генералитетом, считавшимся до того самым опытным среди буржуазных армий.

Я счастлив и горд, что в труднейшую для Родины годину мог принять посильное участие в борьбе наших доблестных Вооруженных Сил и вместе с ними пережил горечь наших неудач, и радость победы.

В ходе войны росли и закалялись наши военные кадры. Я, как и другие советские военачальники, под руководством Коммунистической партии рос и приобретал боевой опыт.

Великая Отечественная война застала меня на службе в Генеральном штабе, в должности заместителя начальника оперативного управления, в звании генерал-майора.

1 августа 1941 года решением ЦК партии я был назначен начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба, а с июня 1942 и до февраля 1945 года возглавлял Генеральный штаб, будучи одновременно заместителем наркома обороны. В дальнейшем на меня были возложены обязанности командующего фронтом и члена Ставки Верховного Главнокомандования, а затем главнокомандующего войсками Дальнего Востока.

Таким образом, на протяжении почти всей Великой Отечественной войны я имел прямое, непосредственное отношение к руководству Вооруженными Силами. Поэтому я, прежде всего, и больше всего, говорю в книге о деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, ее главного рабочего органа – Генерального штаба и основного руководящего состава наших Вооруженных Сил – командующих фронтами и армиями, их военных советов и штабов.

В основу книги положен фактический материал, хорошо известный мне и подтвержденный архивными документами, значительная часть которых еще не публиковалась. Главная цель моих воспоминаний – показать, как под мудрым руководством Коммунистической партии ковалась грандиознейшая победа, рассказать нашему молодому поколению о тех методах и формах, которые применялись нашими руководящими военными органами в ходе вооруженной борьбы. Были в этой борьбе и ошибки, и просчеты. Скажу я в своей книге и о них. Но, разумеется, не они составляют главное на том многотрудном пути, который прошли наши воины к победе.

В своей книге я стремлюсь показать, как росли день ото дня военное могущество Советского государства, боевые и моральные качества советских воинов, как развивалась военная наука, росли наши военные и особенно руководящие кадры. Надо прямо сказать, что все наши военачальники являлись последовательными выразителями основных принципов советского военного искусства – решительности, гибкости и маневренности. Уже в первые месяцы войны они показали ценнейшие из качеств военного руководителя – полное и глубокое понимание природы и характера современной войны и способность предвидеть ход и исход самых сложных сражений.

В книге уделено достаточное внимание работе представителей Ставки Верховного Главнокомандования.

Я высоко ценю литературу о минувшей войне. Тот подвиг, который совершили армия и народ под руководством Коммунистической партии в борьбе с фашизмом, не имеет себе равного в мировой истории. Трудно переоценить значение пропаганды этого подвига для воспитания советского патриотизма.

Тот факт, что книга моя выходит со значительным запозданием по времени, объясняется рядом обстоятельств. Нужно было провести большую работу в архивах, подготовить фактическую основу книги. В дни войны мне не приходила мысль, что когда-то придется писать воспоминания о ней. Все помыслы и заботы отдавались самой войне. Отдельные авторы книг ссылаются на свои дневники, которые они тогда вели. Ну что же, это, если стоять на позиции мемуариста, их счастье. Они, видимо, имели возможность и находили время для того, чтобы записывать виденное о событиях, людях, и делали это от чистого сердца, и с самыми лучшими побуждениями. Но все же должен сказать, что по решениям Ставки из-за предосторожности и соблюдения секретности они делать это не должны были. Даже нам, ответственным работникам Генштаба, участникам всех заседаний Государственного Комитета Обороны и совещаний в Ставке Верховного Главнокомандования, на которых рассматривались вопросы оперативно-стратегического порядка, запрещалось в свои рабочие тетради записывать что-либо, кроме общих, правда основных, но ничего не говорящих для постороннего человека, фраз и цифр. Партия придавала исключительное значение сохранению государственной и военной тайны на всех уровнях руководства Вооруженных Сил. И нет сомнений, что такая строгость в этом вопросе во время войны была совершенно оправданна. Основными документами по принятым решениям являлись директивы фронтам, разрабатываемые нами и утверждаемые в Ставке. По распоряжению Ставки штабы всех объединений, соединений и воинских частей вели записи о ходе военных действий в своих журналах, которые теперь оказывают огромную помощь авторам, в том числе и мне.

Причиной, объясняющей столь долгое отсутствие моей книги, является и то, что и после войны я длительное время был чрезвычайно занят. В марте 1946 года я снова стал начальником Генерального штаба и первым заместителем министра обороны. В 1949 году был назначен министром Вооруженных Сил, а с 1950 по 1953 год – военным министром. Помешала работе над книгой и моя долгая болезнь.

Первые книги о войне были написаны вскоре после ее окончания. Я хорошо помню два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом – «Штурм Берлина» и «От Сталинграда до Вены» (о героическом пути 24-й армии). Но оба эти труда не получили одобрения И. В. Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию книги.

За время, прошедшее после выхода книги, я получил немало писем. Меня радует отношение читателей к книге, их внимание к ее содержанию, проблемам. С благодарностью принимаю их пожелания и замечания. И хотя с некоторыми из них я не согласен, я с уважением отношусь и к таким высказываниям, ибо они сделаны советскими патриотами искренне, от всего сердца.

В меру возможности я внес в книгу ряд уточнений и добавлений. Написаны также две новые главы – «Героическая оборона Ленинграда» и «В Генеральном штабе», дополнена глава «На Дальнем Востоке».

Автор, январь 1975 года

Юные годы

Первые шаги. – Кинешемские будни. – «Хлебная комиссия». – Кострома и костромичи. – В стенах семинарии. – Накануне войны

Моя биография, вплоть до Великого Октября, не содержит в себе ничего особенного. Я выходец из духовного сословия. Но таких людей в России были десятки тысяч. Я был офицером в царской армии. Но и их в России насчитывалось множество. 1917 год явился рубежом в жизни не только России, но и всего человечества. Перед миллионами граждан встал вопрос: с кем ты? По какую сторону баррикад? И вот тут-то оказалось, что «единая и сплоченная масса» защитников старого строя резко размежевалась. Одни ушли в стан белогвардейцев, другие – а их было довольно много – в ряды защитников Советской власти. Среди них был и я. И с тех пор, вот уже более полувека, я с гордостью несу службу в Вооруженных Силах первого в мире социалистического государства.

Почему так произошло? Каким образом штабс-капитан царской армии стал красным командиром, членом Коммунистической партии, избирался делегатом на ее съезды, членом ЦК? И в этом, как в капле воды, отразилась судьба многих и многих людей моего поколения. Октябрьская революция явилась событием, в корне изменившим всю их жизнь и образ мысли.

Можно сказать, что моя биография в какой-то степени типична...

На границе Ивановской и Костромской областей начинается Среднее Поволжье. Здесь по равнине, еще и сейчас достаточно лесистой, текут реки Унжа, Немда, Лух, Кострома. Вокруг небольших городов теснятся множество поселков, а между ними разбросаны старинные села и деревни. Этот край бедных подзолистых почв и еловых лесов – моя родина. Ниже Костромы, если плыть по Волге и миновать живописный городок Плес, пароходы подходили к пристани в Кинешме, славившейся полотняными изделиями. По обе стороны великой русской реки простирались заливные луга. На юго-запад от Кинешмы шла «чугунка» – железная дорога на Иваново-Вознесенск, а на юг вели два больших тракта: один – к Вичуге, а другой – к большой деревне Никитино. Это было наше волостное село. Рядом с ним, в центре большой равнины, окруженной лесами, лежало торговое село Батманы. К нему лепились деревни помельче. С востока на запад равнину пересекает наша любимая речка Елнать, впадающая в Волгу.

Ничем не примечательный, этот крохотный по своим размерам кусочек нашей Родины мне особенно близок. В западной его части, километрах в пяти от Батман, и находилось тогда село Новопокровское, с которым тесно связаны мое детство и юность. Было в нем всего три дома. Теперь этого села нет. Но я и сейчас отчетливо представляю не только само Новопокровское, а и соседние с ним деревушки Горки, Вахутки, Кобылино, Бардуки, Рагуши и другие. Здесь в детстве я бродил по лесам, изобиловавшим дичью, всевозможными грибами и ягодами. Вместе с крестьянами, лица многих из которых отлично помню и сейчас, косил траву и занимался другими сельскохозяйственными работами. Здесь в церковно-приходской школе начал учебу.

Детство мое прошло в постоянной нужде, в труде ради куска хлеба насущного. Отец мой, Михаил Александрович, лишился своего отца в 17 лет. Его мать, моя бабушка, вскоре вышла замуж за мелкого служащего уездного земства. У нее появилась новая семья, и отец остался предоставленным самому себе. Что делать? Единственное, чем он обладал, это хорошим голосом. Кто-то посоветовал ему устроиться в хор костромского собора. Из Костромы он вернулся к себе в родные места и стал церковным регентом (дирижером хора), и псаломщиком в селе Новая Гольчиха Кинешемского уезда (ныне Вичугский район Ивановской области). Вскоре он женился на Надежде Ивановне Соколовой, дочери псаломщика села Углец, того же уезда. К 1912 году в семье уже было восемь детей. Первенец, Александр, умер. Дмитрий стал врачом,

а затем офицером Красной Армии. Екатерина несколько десятков лет работала сельской учительницей, потеряла в Великую Отечественную войну мужа и сына. Я был четвертым. Евгений стал председателем колхоза и агрономом во Владимирской области; Виктор – штурманом боевой авиации; Елена и Вера – работницами сельских школ; Маргарита – лаборанткой научно-исследовательского института.

Я родился в селе Новая Гольчиха 30(17) сентября 1895 года. Через два года отца перевели священником в Новопокровское. Скучного отцовского жалования не хватало даже на самые насущные нужды многодетной семьи. Все мы, от мала до велика, трудились в огороде и в поле. Зимой отец подрабатывал, столярничал, изготавливая по заказам земства школьные парты, столы, оконные рамы, двери и ульи для пасек.

Наша семья не была исключением: еще беднее жили крестьяне окрестных деревень. На клочках истощенной и почти не знавшей удобрений земли они прокормиться не могли. Поэтому многие мужчины, а нередко и женщины искали заработок на стороне. В нашем уезде, самом промышленном в Костромской губернии, было много ткацко-прядильных фабрик, особенно валяльных. Чаще всего крестьяне уходили на фабрики Коновалова, Разореновых, Кокорева, Морокиных, Миндовского и других богачей. Кормильцы крестьянских семей работали на фабриках круглый год, включая и летнее, самое страдное для деревни время, верст за двадцать от дома. Жили они в фабричных казармах или на постое, дома бывали редко. Кто не хотел уходить далеко от деревни, нанимался на заводы в Вахутках, Кислячихе, Добрынихе, Крутицах, Лагунихе. Подростки с 10–11 лет поступали в ученики на предприятия. Платили им, конечно, еще меньше, хотя порой они выполняли работу взрослых. Крестьяне, остававшиеся в деревнях, подрабатывали в лесозаготовительных артелях; если имели лошаденку, возили на фабрики топливо; валяли на дому обувь по заказам заводчиков. Женщины и девушки вязали варежки, перчатки и чулки.

Тесное общение крестьян с рабочими благотворно влияло на сознание сельского населения, пробуждало в бедняках ненависть к существовавшему строю. А о настроениях местных рабочих могут прямо свидетельствовать события того времени. Некоторые из них сохранились в моей памяти.

В 1907 году в Кинешме возник Совет рабочих депутатов. В историю он вошел под названием «хлебная комиссия», состоявшая из 20–30 рабочих и нескольких крестьян, избранных 15 февраля 1907 года на общегородском многотысячном митинге. 1906 год выдался неурожайным. Цены на зерно и муку резко возросли. Точнее говоря, их взвинтили торговцы, пытавшиеся, как и всегда, нажиться на народном горе. Рабочие кинешемских фабрик объявили забастовку. На городской базарной площади собрались ткачи фабрики Калашникова, белильщики завода Рабкина, лесопилщики заведения Демидова, литейщики завода Подшивалова, гончары мастерской Агапова и многие другие. Состоялась «сходка», как тогда говорили. На ней-то и была создана «хлебная комиссия». Поддержанная трудящимися города и крестьянами ближайших деревень, выполняя наказ участников митинга, она своей властью взяла на учет продовольственные запасы, имевшиеся в Кинешме, и заставила торговцев продавать хлеб по твердой, установленной комиссией цене. Все свои заседания комиссия проводила совершенно открыто в здании городской думы.

Через две недели в Кинешму прислали из Костромы казаков. Власти чинили произвол. Полицейские ворвались в здание думы и арестовали 18 членов комиссии. Начались повальные обыски. Закрыли театр имени А. Н. Островского, а в его помещении устроили казармы для казачьей сотни. Разгромили библиотеку-читальню. «Хлебную комиссию» разогнали.

Местная тюрьма была переполнена. Но и в условиях массовых репрессий большевики распространяли в городе воззвания. «Не века и даже не долгие годы будет царить у нас на Руси произвол. Час возмездия и всенародной расправы близок, товарищи!» – говорилось в одном из них. Как я узнал позднее, большевистская газета «Пролетарий» писала об этих событиях:

«Кинешемский пролетариат, крестьянская и городская беднота получили хороший наглядный урок о тесной связи мучного патриотизма и самодержавного «престол-отечества» с голодными ценами на муку...».

Летом 1909 года я окончил кинешемское духовное училище и осенью начал учиться в костромской духовной семинарии. Иного пути у меня не было. Отец пошел на это, хотя плата за мое содержание в общежитии, составлявшая 75 рублей в год, была очень тяжела. К тому же весной 1909 года нашу семью постигло несчастье: наш дом и все имущество сгорели дотла.

Кострома была значительно крупнее нашего уездного города, но по составу населения – более мещанской, уступая Кинешме как по числу рабочих, так и по количеству фабричных заведений. В центре Костромы была площадь Сусанина с памятником народному герою скульптора В. И. Демут-Малиновского. Здесь же на площади высился восьмигранник городской пожарной каланчи, а рядом с нею стояло нарядное, с колоннадой и коваными железными фонарями перед фасадом, здание гарнизонной гауптвахты. Построенный в начале XIX века ансамбль гостиного двора с красными торговыми рядами – мучными, пряничными, рыбными и другими – и по сей день украшает бывшую Сусанинскую, а ныне площадь Революции. От площади веерообразно расходились прямые улицы. На запад за гостиным двором шла главная в городе улица Русина. Вечерами и особенно в праздничные дни здесь любила гулять учащаяся молодежь. На север от памятника Сусанину проходила центральная в этом веере Павловская улица, с любимым нами городским театром. За красными торговыми рядами лежала Соборная площадь, примыкавшая к общественному саду. Одна шла аллеей сада, созданная на высокой искусственной насыпи, выходила к Волге. Отсюда, из «беседки А. Н. Островского», открывался незабываемый по красоте вид.

Наша семинария размещалась в нескольких корпусах на Верхне-Набережной улице. Весной и осенью мы любили с противоположного берега реки любоваться городом. За местом впадения в Волгу реки Костромы на лугу стоит Ипатьевский монастырь. Его история, его стены и башни, соборы и терема, расписанные чудесными фресками, заслуженно вызывали интерес у наших историков, у всех любителей старины и древнерусской культуры. Справа на холме за Татарской слободой красовалась сосновая роща.

Костромичи гордились тем, что их земляками являлись такие известные люди, как основатель первого русского театра в Ярославле Ф. Г. Волков, известный поэт А. Н. Плещеев, писатель А. Ф. Писемский, мореплаватель Г. И. Невельской. В Домнинской волости Костромской губернии совершил свой подвиг крестьянин Иван Осипович Сусанин. Два костромских воина спасли на Куликовом поле от смерти Дмитрия Донского. В Костроме и ее окрестностях значительную часть своей жизни провел великий драматург А. Н. Островский, проживая обычно в усадьбе Щелыково. Более половины его пьес написано на местные темы («Бесприданница», «Гроза», «Василиса Мелентьева», «Воевода», «Лес», «Волки и овцы», «Таланты и поклонники» и другие). Старики еще помнили тех жителей, с кого А. Н. Островский писал своих героев. Например, в основу драмы «Гроза» положен эпизод из местной уголовной хроники по делу купцов Клыковых. Костромичи служили прототипами классических произведений и других писателей. Крестьянин Савелий из некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо» проживал в Корежской волости Буйского уезда нашей губернии. Персонажи повести Максима Горького «Фома Гордеев» тоже костромичи.

Были среди жителей Костромы начала века и военные деятели. Так, следует назвать начальника гарнизона, командира 2-й бригады 46-й пехотной дивизии генерала Д. П. Парского. Впрочем, в те годы я не имел о нем, конечно, представления и узнал его интересную биографию позднее. Дмитрий Павлович был прогрессивным военным деятелем. После русско-японской войны он опубликовал ряд статей с требованием немедленно провести военную реформу. А в 1918 году он, старый военный служащий, одним из первых вступил в ряды Красной Армии.

Он командовал Северным фронтом, защищая от врагов Советской власти колыбель социалистической революции Петроград.

Помимо духовной семинарии, в Костроме были тогда гимназии, учительская семинария, реальное и епархиальное училища. Нисколько не преувеличивая, скажу, что наша семинария пользовалась среди костромичей немалой популярностью и уж, конечно, не потому, что она была «духовной». Среди других средних учебных заведений она выделялась довольно прогрессивными взглядами своих учащихся. Они вели революционную работу среди рабочих Костромы. Некоторые из них подвергались аресту. Большой известностью пользовались у костромичей ежегодные художественные вечера и концерты, которые устраивали семинаристы.

Упомяну также и о таком, хорошо запомнившемся мне, событии, как забастовка семинаристов. Это произошло в 1909 году, когда учащиеся нашей семинарии присоединились к всероссийской стачке семинаристов, вспыхнувшей в ответ на решение Министерства народного просвещения запретить доступ в университеты и институты лицам, окончившим четыре общеобразовательных класса семинарии. Тогда, насколько я помню, во всех семинариях России почти одновременно были прекращены занятия. К нам в семинарию приехал губернатор. Вместе с ректором он уговаривал учащихся прекратить забастовку, забрать петицию, врученную забастовочной комиссией администрации, и возобновить занятия. Но семинаристы осмелились их, и они вынуждены были покинуть актовое здание. Правда, вслед за тем полиция выдворила всех нас из Костромы в течение 24 часов. Семинарию закрыли, и мы вернулись в нее лишь через несколько месяцев, после того, как наши требования частично были удовлетворены.

Большинство учащихся семинарии стремилось использовать ее как трамплин для поступления в светское высшее учебное заведение. Вот что писала, например, в номере от 16 июля 1914 года наша уездная газета «Кинешемец»: «В истекшем учебном году окончило иркутскую духовную семинарию 16 человек, из которых, как сообщает «Сибирь», только двое изъявили желание остаться в духовном звании, а остальные намерены перейти в высшие учебные заведения... Красноярскую духовную семинарию в текущем году... окончило 15 человек. Желających принять священнический сан среди окончивших нет». Так было и в нашей семинарии. Почти все мы мечтали пойти по стопам таких семинаристов, как Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Все мы отлично знали, что именно в костромской семинарии учились профессор медицины В. С. Груздев, профессор физики Г. А. Любославский. Знали мы и то, что семинаристами были такие крупнейшие ученые, как академики Ф. И. Успенский и В. Г. Васильевский, В. О. Ключевский и И. П. Павлов, тогдашний ректор Московского университета М. К. Любавский.

Заметный след оставили в моем политическом воспитании события, начавшиеся в Костроме весной 1914 года. Рабочие прядильной фабрики «Большой Кинешемской мануфактуры» потребовали тогда повысить заработную плату, отменить штрафы, уволить некоторых мастеров, ввести 8-часовой рабочий день, прекратить преследования за читку прогрессивных газет. Фабриканты отказались удовлетворить эти требования, и прядильщики объявили стачку. Вслед за ними поднялись рабочие других фабрик. В июне бастовали рабочие всех фабрик Вичуги, Родников и Середы. Немалую роль в организации рабочих сыграл тогда депутат IV Государственной думы от Костромской губернии большевик Н. Р. Шагов, уроженец деревни Клиново. Он выступал на фабриках, призывал бастовавших действовать решительнее и смелее. 26 июня забастовка перекинулась в Кострому. Картина закрытых фабричных ворот, возбужденных народных толп навсегда осталась в моей памяти... Забастовка приняла еще больший размах с началом первой мировой войны. В результате массовой забастовки рабочие победили – фабриканты вынуждены были удовлетворить их требования.

Новый этап жизни

Военное училище. – Юнкерский распорядок. – О чем думал молодой прапорщик. – В запасном батальоне

В июле – августе 1914 года, перед последним классом семинарии, я проводил каникулы, как и прежде, у себя дома, работая вместе с другими членами нашей семьи в поле и огороде. Там-то 20 июля (по старому календарю) я узнал о начавшейся накануне мировой войне. Хотя эта война подготавливалась империалистическими государствами длительное время, делалось это в глубокой тайне от народа. Во всяком случае, объявление войны явилось для нас полной неожиданностью. И уж, конечно, никто не предполагал, что она затянется надолго. Как стало известно впоследствии, даже русский Генеральный штаб, разрабатывая оперативно-стратегический план, рассчитывал закончить войну за 4–5 месяцев, и поэтому все запасы предметов снаряжения и боевого имущества для армии готовились именно на этот срок. Этим отчасти и объяснялась полная неподготовленность страны к производству всего необходимого в нужных для войны размерах. Сложное переплетение интересов империалистических держав и противоречий между ними, вовлечение в борьбу за передел мира все новых участников, придало войне не только мировой, но и длительный характер.

Война опрокинула все мои прежние планы и направила мою жизнь совсем не по тому пути, который намечался ранее. Я мечтал, окончив семинарию, поработать года три учителем в какой-нибудь сельской школе и, скопив небольшую сумму денег, поступить затем либо в агрономическое учебное заведение, либо в Московский межевой институт. Но теперь, после объявления войны, меня обуревали патриотические чувства. Лозунги о защите отечества захватили меня. Поэтому я, неожиданно для себя и для родных, стал военным. Вернувшись в Кострому, мы с несколькими одноклассниками попросили разрешения держать выпускные экзамены экстерном, чтобы затем отправиться в армию.

Наша просьба была удовлетворена, и в январе 1915 года нас направили в распоряжение костромского воинского начальника, а в феврале мы были уже в Москве, в Алексеевском военном училище.

Алексеевское военное училище располагалось в Лефортове, сразу же за речкой Яузой, как только перейдешь Дворцовый мост, в так называемых «Красных казармах». В 20-х годах здесь была уже пехотная школа имени народовольца М. Ю. Ашенбреннера; позднее на базе этой школы было создано Тамбовское пехотное училище. В 1945 году ему было присвоено имя маршала Б. М. Шапошникова.

Решение стать офицером было принято мною не ради того, чтобы сделать карьеру военного. Я по-прежнему лелеял мечту быть агрономом и трудиться после войны в каком-нибудь углу бескрайних российских просторов. Я тогда и не предполагал, что все повернется иначе: и Россия будет уже не та, и я стану совсем другим...

В России было более десяти военных училищ. Первым «по чину» считалось Павловское, вторым – Александровское, третьим – Алексеевское. Созданное в 1864 году Алексеевское училище именовалось ранее Московским пехотным юнкерским, а с 1906 года по велению Николая II ему дали название Алексеевского, в честь родившегося наследника престола. Оно заметно отличалось от первых двух, которые комплектовались выходцами из дворян или, по меньшей мере, детьми из богатых семей. В Алексеевское училище набирали преимущественно детей разночинцев. Иной была судьба и его выпускников. Обычно их ожидала «военная лямка» в провинциальном захолустье. Но это не мешало «алексеевцам» гордиться своим военно-учебным заведением. Выпускники имели свой особый значок. 22 октября отмечали день основания училища. Я в праздновании ни разу не участвовал, ибо пробыл там всего четыре месяца.

Начальником училища был генерал Н. А. Хамин, обладавший правами полкового командира. Его помощником по строевой части являлся полковник А. М. Попов – человек крутого нрава.

Он был убежден, что строгого порядка можно добиться только путем дисциплинарных взысканий. Встречая выпускников, замиравших перед ним «во фронт», он обязательно спрашивал, стояли ли они под ружьем. И если слышал в ответ «нет», тут же отправлял юнкеров под ружье с полной выкладкой, говоря при этом: «Как же вы будете наказывать других, не испытав этого сами?».

Во время моего пребывания в училище имелось пять рот, каждая состояла из двух полурот – старших юнкеров и младших. Роты и полуроты комплектовались строго по ранжиру. Я, имея рост 178 сантиметров, в первую роту не попал и был зачислен в 5-ю роту со смешанным ранжиром. Роты были сведены в батальон, которым командовал названный выше полковник Попов.

Командиром нашей роты был капитан Г. Р. Ткачук. Он к тому времени уже побывал на войне, получил ранение и носил Георгиевский крест 3-й степени.

Обучали нас, почти не учитывая требований шедшей войны, по устаревшим программам. Нас не знакомили даже с военными действиями в условиях полевых заграждений, с новыми типами тяжелой артиллерии, с различными заграничными системами ручных гранат (кроме русской жестяной «бутылочки») и элементарными основами применения на войне автомобилей и авиации. Почти не знакомили и с принципами взаимодействия родов войск. Не только классные, но и полевые занятия носили больше теоретический, чем практический характер. Зато много внимания уделялось строевой муштре.

После русско-японской войны иностранцы говорили, что «русские умеют умирать, да только... бестолково». От кого же зависело, чтобы в мировой войне русская армия снискала себе репутацию не только храброй и выносливой, но и умеющей хорошо вести боевые действия? Конечно, прежде всего, от правящих кругов. Многое зависело и от командных кадров. В этом легко было убедиться на примере нашего училища. Нежелание его начальства считаться с требованиями времени отражалось, прежде всего, на подготовке выпускников. Им пришлось постигать многое на фронте, в боевой обстановке, расплачиваясь, порой, жизнью за легкомыслие и косность их учителей. Правда, в нашей роте полевое обучение, благодаря капитану Ткачуку, побывавшему на фронте, было поставлено значительно лучше, чем в других. Пособия, которыми мы пользовались, устарели. Но и в царской армии были люди, которые понимали необходимость перемен в учебном процессе. Одним из них являлся генерал-лейтенант В. И. Малинко. В 1915 году появилось его «Пособие для подготовки на чин прапорщика пехоты, кавалерии и артиллерии». В нем довольно умело были скомпонованы важнейшие сведения из курсов военной администрации, тактики, артиллерии, стрелкового дела, военно-инженерного дела и топографии. Но пособие вышло в свет уже после того, как я окончил училище.

При поступлении в училище нас зачислили юнкерами рядового звания. Через два месяца некоторых произвели в унтер-офицеры (портупей-юнкеры), а через четыре, в конце мая 1915 года, состоялся выпуск по ускоренному курсу обучения военного времени. Царская армия несла большие потери. Остро не хватало командных кадров, и военно-учебное ведомство торопилось. Однако спешка спешкой, а служба службой, так что давно заведенный в училище порядок почти не изменился и в военное время. Распорядок дня у нас был такой. В 5.45 повестка, далее подъем, утренний осмотр, молитва, гимн, чай, занятия. В 12.30 полагался завтрак, потом опять занятия. В 17.45 мы обедали, затем отдыхали и пили вечерний чай. В 21 час в ротном строю мы прослушивали вечернюю зорю, после чего проводились переключка и осмотр, в 23 часа тушили огни. К этому времени все юнкера, за исключением находившихся в суточном наряде, обязаны были лежать и постели. В город нас отпускали редко. Целый кодекс правил существовал для тех, кто был в увольнении. Запрещалось посещать платные места гулянья,

клубы, трактиры, рестораны, народные столовые, бильярдные, бега, торговые ряды на Красной площади и т. д. В театрах и на концертах нам не разрешалось сидеть ближе седьмого ряда партера, и ниже второго яруса лож.

По окончании училища нас произвели в прапорщики с перспективой производства в подпоручики через восемь месяцев службы, а за боевые отличия – в любое время. Каждый из нас получил по 300 рублей на обмундирование (существовал обязательный перечень обмундирования. Его приобретало училище под контролем командира роты) и 100 рублей сверх того. Выдали также револьвер, шашку, полевой бинокль, компас и действующие военные уставы. И вот я – 20-летний прапорщик с одной звездочкой на просвете погона. Мне полагалось уметь обучать, воспитывать и вести за собой солдат, многие из которых уже побывали в боях, были значительно старше меня.

Что же я вынес из стен училища? Каким был багаж моих знаний?

Мы получили самые общие знания и навыки, необходимые офицеру лишь на первых порах. Не задумываясь о социальном назначении армии и ее командиров, я считал тогда непременным качеством хорошего командира умение руководить подчиненными, воспитывать и обучать их, обеспечивать высокую дисциплину и исполнительность.

Нельзя сказать, что четырехмесячное воинское обучение прошло для меня даром. Полезно было понять и сам контраст между той обстановкой, в которой я жил до поступления на военную службу, и той, которая окружила меня в училище. Я жадно впитывал все увиденное и услышанное, старался постичь военную премудрость, меня охватывало сомнение, получится ли из меня офицер? Приходилось ломать себя, вырабатывая командирские навыки. Кое-что дали мне устные наставления моих преподавателей. Много получил я в результате чтения трудов видных русских военачальников и организаторов военного дела, знакомства с их биографиями. Я серьезно изучал сочинения А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Д. А. Милютин, М. Д. Скобелева.

Я твердо усвоил некоторые истины, вычитанные в трудах названных выше авторов. «Не рассказ, а показ, дополняемый рассказом». «Сообщи сначала только одну мысль, потребуй повторить ее и помоги понять, потом сообщай следующую». «На первых порах обучай только самому необходимому». «Не столько приказывай, сколько поручай». «Наше назначение – губить врага; воевать так, чтобы губить и не гибнуть, невозможно; воевать так, чтобы гибнуть и не губить, глупо». Так советовал герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов профессор Михаил Иванович Драгомиров. Кое-какие тезисы я решил сделать твердым правилом на все время военной службы: «Поклоняться знамени». «Служить Отечеству». «Блюсти честь мундира». «Близко общаться с подчиненными». «Ставить службу выше личных дел». «Не бояться самостоятельности». «Действовать целеустремленно». Естественно, что эти тезисы не в полной мере соответствуют нашему пониманию принципов взаимоотношений командира с подчиненным. Да я и не мог тогда в силу своей идейной неподготовленности задумываться над такой проблемой. Для меня было важно стать хорошим командиром, и любые советы на сей счет я принимал как откровение.

Могут сказать, что все в них довольно азбучно. Да, здесь нет великих открытий. Но ведь мне предстояло все делать сначала. У меня не было никакого опыта. Мне дала его сама жизнь. Мировая война, Великий Октябрь, гражданская война и служба в Советских Вооруженных Силах – вот мои университеты.

Первые практические уроки искусства командовать пришлось получить в довольно сложных условиях. В июне 1915 года меня направили в запасный батальон, дислоцировавшийся в Ростове, уездном городе Ярославской губернии. Короткое время пребывания в этом богатом памятниками русской старины городке не забуду никогда. Батальон состоял из одной маршевой роты солдат и насчитывал около сотни офицеров, предназначавшихся для отправки на

фронт. Это были в основном молодые прапорщики и подпоручики, недавно окончившие военные училища и школы прапорщиков. Было несколько человек более пожилого возраста.

Я довольно быстро познакомился с обстановкой, походил по городу, полюбовался кремлем, осмотрел знаменитые мастерские по изготовлению металлических художественных изделий с финифтью (то есть покрытых цветной эмалью).

Дней через десять пришло распоряжение об отправке этой роты на фронт. Собрали всех офицеров. Надо было из желающих отправиться на фронт назначить ротного командира. Предложили высказаться добровольцам. Я был уверен, что немедленно поднимется лес рук, и прежде всего это сделают офицеры, давно находившиеся в запасном батальоне. К великому моему удивлению, ничего подобного не произошло, хотя командир батальона несколько раз повторил обращение к «господам офицерам». В зале воцарилась мертвая тишина. После нескольких довольно резких упреков в адрес подчиненных старик-полковник сказал, наконец: «Ведь вы же офицеры русской армии. Кто же будет защищать Родину?». По-прежнему молчание. Тогда комбат приказал адъютанту приступить к отбору командира роты путем жребия. Мне было очень стыдно за всех находившихся в зале офицеров. Я очень хотел поскорее попасть на фронт, но не решался вызваться добровольно, так как считал пост командира роты для себя очень высоким. Так же, наверное, думали и другие прапорщики. Однако, видя, что никто из более старших не выражает желания сопровождать отправляющуюся на фронт роту, я и еще несколько прапорщиков заявили о своей готовности. Меня поразило, что заявление было воспринято другими с явным удовлетворением. Вспоминая этот факт, хочется заметить, что он совершенно невероятен для офицеров Советских Вооруженных Сил. Но в царской армии был вполне обычным явлением...

На фронт я попал не сразу. До сентября 1915 года пришлось побывать в ряде запасных частей. Наконец, я оказался на Юго-Западном фронте. Командовал им тогда генерал-адъютант Н. И. Иванов, известный тем, что подавлял восстание кронштадтских моряков в 1906 году. В военном отношении он был весьма бездарен.

Крещение огнем

9-я армия. – 103-я пехотная дивизия и 409-й Новохоперский полк. – Первые фронтовые впечатления. – Сердце русского солдата. – Участие в Брусиловском наступлении. – За плечами Северная Буковина. – Новые надежды

Штаб Юго-Западного фронта направил меня в 9-ю армию, составлявшую левое крыло не только нашего Юго-Западного, но и всего русско-германского фронта. С осени 1915 года и вплоть до весны 1916 года эта армия располагалась на позиции от Латача у Днестра до Бонна на Пруте, протяжением около 90 км. На севере она примыкала к позициям 7-й русской армии, а на юге – к румынской границе.

9-й армией командовал генерал П. А. Лечицкий, единственный в то время командующий армией, вышедший не из офицеров Генерального штаба, то есть не получивший высшего военного образования. Но зато это был боевой генерал: в русско-японской войне он командовал полком и был известен в войсках как энергичный военачальник. Уже в начале мировой войны 9-я армия наступала на Галицию с севера, от Варшавы. Весной 1915 года, когда немцы осуществили Горлицкий прорыв, 9-я армия вместе с другими отступила. Осенью 1915 года армия по-прежнему носила 9-й номер, но была совершенно иной по составу. Офицеры в ней были преимущественно из прапорщиков запаса или, вроде меня, окончившие ускоренные офицерские училища и школы прапорщиков, а также из подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Унтер-офицерами, в большинстве своем, стали отличившиеся в боях солдаты. Основную массу пехоты составляли крестьяне, прибывшие из запаса, или крайне слабо и наспех обученные новобранцы.

Генерал Лечицкий часто бывал в войсках, и мне не раз приходилось видеть его в различной фронтовой обстановке. Малоразговорчивый, но довольно подвижный, мне, молодому офицеру, он показался, однако, несколько дряхлым.

Из Каменец-Подольского, где находился штаб армии, мы с Сережей Рубинским, прапорщиком, земляком-кинешемцем, проделали на повозке еще около 30 верст, чтобы попасть в 103-ю пехотную дивизию. Здесь мы стали полуротными командирами: я – во второй роте первого батальона, он – в восьмой второго батальона 409-го Новохоперского полка. Здесь и началось мое боевое крещение. Я впервые оказался под обстрелом, узнал, что такое артиллерийская шрапнель, граната, минометный огонь. Вот когда я по-настоящему почувствовал, что мирная жизнь осталась далеко позади.

Войска 9-й армии в течение осени и зимы 1915 года занимали невыгодную для обороны линию и вели позиционные бои, в районе к западу от города Хотин против войск 7-й австро-венгерской армии генерала Пфлянцер-Балтина. Обе воюющие стороны вросли в окопы. Первый батальон нашего полка, а с ним и моя вторая рота, занимали позиции непосредственно западнее деревни Ржавенцы, где размещался штаб полка. Окопы производили самое жалкое впечатление. Это были обыкновенные канавы, вместо брустверов хаотично набросанная по обе стороны земля, без элементарной маскировки по ней, почти без бойниц и козырьков. Для жилья в окопах были отрыты землянки на два-три человека, с печуркой и отверстием для входа, а вернее – для вползания в нее. Отверстие закрывалось полотнищем палатки. Укрытия от артиллерийского и минометного огня отсутствовали.

Примитивны были и искусственные препятствия. Там, где вражеские окопы приближались к нашим на расстояние до ста и менее метров, солдаты считали их полевые заграждения как бы и своими.

Оборонительные позиции врага выглядели неплохо оборудованными, в чем мы смогли убедиться, овладев ими. Русские солдаты, к сожалению, не имели таких условий. И от ливней,

и от заморозков они спасались под своей шинелью. В ней и спали, подстелив под себя одну полу и накрывшись другою; на ней же зачастую выносили из боя раненых. А солдатским оружием по тому времени была трехлинейная винтовка образца 1891 года, многократно проверенная и испытанная. Она не боялась непогоды и грязи, была проста и надежна. Своих винтовок царской армии уже не доставало. Многие солдаты, в частности весь наш полк, имели на вооружении трофейные австрийские винтовки, благо патронов к ним было больше, чем к нашим. По той же причине, наряду с пулеметами «Максим», сплошь и рядом в царской армии можно было встретить австрийский Шварцлозе. Не лучше было и с артиллерией. Правда, орудия отечественного производства были хорошими, артиллеристы стреляли метко. Но не хватало гаубиц, тяжелых пушек и артиллерийских снарядов всех систем.

Весной 1916 года 9-ю армию основательно пополнили личным составом, готовя ее к наступлению. В 103-й дивизии имелось 16 батальонов по тысяче человек в каждом, но лишь 36 легких полевых орудий и 30 бомбометов при 32 штатных пулеметах. К тому времени большинство офицеров дивизии уже побывало в боях, однако кадровых командиров, как уже говорилось, оставалось сравнительно мало, не более 8–10 на полк, ибо значительная их часть погибла. Так, сильный урон понесли мы в середине декабря 1915 года, когда в течение недели пытались прорваться западнее Хотина. Удалось оттеснить австрийцев верст на 15 и продвинуться до линии Доброновце – Боян. А затем армия вновь перешла к позиционной войне.

В течение зимы полк неоднократно выводился из окопов на отдых в дивизионный резерв. Эти дни использовались, прежде всего, для санитарной обработки солдат в полевых банях-землянках, построенных их же руками, для починки или замены износившегося обмундирования, снаряжения и оружия и, конечно, для отдыха. Если нахождение в резерве затягивалось, занимались и военной учебой. С нами, младшими офицерами полка, занятия вели командиры батальонов. Как правило, дело сводилось к коллективной читке уставов – строевого, полевого, дисциплинарного и внутренней службы. Солдат же в основном изводили муштрою, надеясь тем самым добиться от них дисциплинированности. Еще по прибытии в полк многие офицеры предупреждали меня о низкой дисциплине, причем не только среди рядовых, но даже среди унтер-офицеров. Кое-кто советовал мне при этом меньше либеральничать и побольше следовать старому прусскому правилу, гласившему, что солдат должен бояться палки капрала сильнее, чем пули врага.

Я не собирался следовать подобным советам. Мне было хорошо известно, что в армии царской России среди командного состава наблюдались две тенденции. Одна из них, преобладавшая, порождалась самим положением армии в эксплуататорском государстве. Офицеры, выходцы главным образом из имущих классов, дети дворян-помещиков, банкиров, заводчиков, фабрикантов, купцов и буржуазной интеллигенции, с недоверием относились к одетым в военную форму рабочим и крестьянам. Большинство офицеров видело в палке капрала главное средство воспитания солдат. Грубость с подчиненными, надменность и неприкрытая враждебность к ним были нормой поведения офицерства, в частности начальника нашей дивизии генерала И. К. Сарафова.

Но в военной обстановке такие взаимоотношения солдат и командиров были немыслимы. Повиновение, держащееся на страхе перед наказанием, немного стоит. Лишь только армия попадет в тяжелые боевые условия, от такого повиновения не остается и следа. Чтобы выиграть сражение, одного повиновения мало. Нужно, чтобы подчиненные доверяли командирам. Это всегда прекрасно понимали передовые русские офицеры. Они строили свои взаимоотношения с подчиненными на уважении их человеческого достоинства, заботились о них. Такими были генералиссимус Л. В. Суворов и генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов, офицеры-декабристы, поручики наиболее передовой части русского офицерства. Такие офицеры находили путь к сердцу и разуму солдат, хотя из-за классового антагонизма, существовавшего в царской армии между солдатами и офицерами, путь этот был непростой.

Что касается меня, то я старался следовать науке обращения с подчиненными, которую извлекал из прочитанных книг. Особенно запали мне в сердце слова М. И. Драгомирова. Он еще в 1859 году, находясь при штабе Сардинской армии, во время австро-итало-французской войны, начал разрабатывать свой тезис о решающем значении нравственного фактора в воинском деле. У меня на фронте были с собой выписки из его работ.

Понятно, что не все и не сразу получалось у меня гладко. Интересы солдат и цели воевавшей царской армии были слишком различными. Однако я оставался верным принципам Драгомирова. Постепенно это дало свои результаты. В частности, у меня, как правило, почти не возникало никаких недоразумений с подчиненными, что в то время было редкостью.

Весной 1916 года, незадолго до начала Брусиловского прорыва, я был назначен командиром первой роты. Через некоторое время командир полка полковник Леонтьев признал ее одной из лучших в полку по подготовке, воинской дисциплине и боеспособности. Как мне кажется, успех объяснялся доверием, которое оказывали мне солдаты. Я до сих пор помню некоторых солдат. Через много лет после Великой Отечественной войны я получил несколько писем от своих сослуживцев, живо напомнивших мне то нелегкое время. Я был очень благодарен им и позволю привести из их писем выдержки, которые мне очень дороги.

В январе 1946 года бывший рядовой первой роты 409-го Новохоперского полка А. Т. Кисличенко (село Студенец, Каневского района, Киевской области) на мой ответ на его первое письмо писал мне: «Через 28 лет Вы не забыли, с кем влачили окопную жизнь на фронте... В эту Отечественную войну я опять был в армии, не холост, как в ту войну, а вместе с сыном – политруком Васей, который погиб под Ленинградом в марте 1942 года... Фашисты поглумились над моей родной деревней, сожгли все 200 дворов, разрушили колхозное хозяйство, но мы уже на 60 % восстановили. Живу в колхозе... На память посылаю Вам собственное стихотворение». Начиналось оно словами:

Мне помнятся те дни невзгод, страданий
В ущельях вздыбленных Карпат...

Эти воспоминания хранят и другие мои боевые товарищи. Житель финского города Турку (Або) А. В. Эйхвальд писал мне в 1956 году: «Осенью текущего года исполнится 40 лет со времени боев на высотах под Кирлибабой. Помните ли Вы еще Вашего финского младшего офицера первой роты славного 409-го Новохоперского полка, участвовавшего в них?».

И сейчас пишет мне из Киева бывший младший офицер нашей роты, старый партизанин, ныне персональный пенсионер, Михаил Васильевич Кравчук. Несмотря на то, что прошло более полувека с тех пор, моя дружба с этим изумительнейшей души человеком нисколько не увяла.

Приятным сюрпризом была для меня еще одна встреча с прошлым, которая произошла благодаря уфимцу Ф. Т. Мухаметзянову. Он прислал мне фотографию, на которой изображены мы с бывшим адъютантом 409-го полка Константином Дмитриевичем Бездетновым. Мы были с ним очень дружны. До назначения на должность адъютанта он был офицером одной из рот, в полк поступил примерно в одно время со мной, тоже по окончании школы прапорщиков. Снимок сделан в августе 1917 года в Одессе, куда я, временно исполнявший в те дни должность командира батальона, был командирован после серьезных боев, а К. Д. Бездетнов находился там на излечении. С фотографии глядят два молодых бравых поручика. Ф. Т. Мухаметзянов пишет, что в декабре 1971 года вместе с фотокорреспондентом газеты оказался в деревне Вечтомовке, Бураевского района, Башкирской АССР, у учителя-пенсионера Дмитрия Григорьевича Рябова, бывшего также моим другом по 409-му полку, который и показал им фото. На обороте моей рукой написано: «На добрую память Мите. 12. VII. 17 г.» Поверх снимка видны два адреса – К. Д. Бездетнова и мой. Как сообщил Д. Г. Рябов, он и Бездетнов, вместе служили

в 409-м полку, где Дмитрий Григорьевич Рябков был командиром роты. Он работал учителем начальной школы в башкирских деревнях, открывал там первые русские классы. Теперь ему за 80. Эта фотография всколыхнула пережитое, навела воспоминания. Я припомнил наши многочисленные беседы, которые мы вели в те дни с Дмитрием Григорьевичем. В них я который раз убеждался, что передовая часть старого офицерства неизбежно должна была прийти к мысли, что ее долг – всегда и во всем быть вместе со своим народом, служить ему, защищать его интересы. Именно эти офицеры сразу признали Советскую власть, хотя пришли к этому признанию по-разному.

Но вернусь к фронтовым будням. Весной 1916 года подготовка к весенне-летней кампании и разработка плана действий войск на русско-германском фронте проходила под сильным нажимом объединенного командования англо-французских войск на западноевропейском театре военных действий. От России требовали начать крупное наступление сразу же по окончании весенней распутицы, чтобы не дать противнику возможности перебросить свои войска с Восточного фронта на Западный. По утвержденному царской ставкой плану главный удар из района Молодечно на Вильно должен был нанести Западный фронт, которым командовал генерал Эверт. На Юго-Западный фронт, в командование которым в конце марта 1916 года вступил генерал А. А. Брусилов, возлагалась задача нанести предварительный энергичный удар на Луцк и далее на Ковель силами 8-й армии из района к северу от Дубно. Это облегчило бы наступление войск Западного фронта. Сосредоточив на направлении главного удара 8-й армии А. М. Каледина большое количество сил и средств, А. А. Брусилов решил наступать одновременно сразу на участках всех своих армий, с тем, чтобы лишить врага возможности маневрировать резервами. Южнее 8-й армии должна была нанести удар на Броды и далее, на Львов, 11-я армия генерала В. В. Сахарова. Еще южнее, на Галич, наступала 7-я армия генерала Д. Г. Щербачева, и, наконец, наша, 9-я армия двигалась на Коломыю.

Войска 9-й армии за зиму несколько отдохнули, оправались от неудач 1915 года и заблаговременно готовились к наступлению. Против нас по-прежнему стояла 7-я австрийская армия генерала Пфлянцера-Балтина; солдаты, а в некоторой мере и офицеры, радовались, что нам придется иметь дело не с немцами, а с австрийцами, которые были слабее. В начале каждой артиллерийской перестрелки мы поглядывали на цвет разрыва и, увидев знакомую розовую дымку, которую давали австрийские снаряды, облегченно вздыхали. В составе 9-й армии готовились к наступлению 33-й, 41-й и 11-й пехотные корпуса. На ее левом фланге дислоцировались не входившие в постоянные корпуса 82-я и наша, 103-я, пехотные дивизии, а еще левее – 3-й кавалерийский корпус. Две упомянутые дивизии длительное время сражались рядом, и нередко их объединяли в сводный корпус, которым в этих случаях командовал почти всегда начальник 82-й дивизии генерал М. Н. Промтов.

Перед Брусиловским наступлением обе бригады нашей дивизии занимали 10-верстный участок северо-западнее Бонна. Перед нами расстилалась водная гладь реки Прут шириной в 40 м и глубиной в 4 м. Мосты через реку были взорваны, весеннее половодье сделало реку многоводной, закрыло броды. Правый берег реки был выше левого, и противнику было легче просматривать наши позиции.

Наступать в полосе сводного корпуса в условиях весенней распутицы казалось нелегким делом. И все же мы с нетерпением поглядывали вперед, хотя и знали, что нас ждут сильные вражеские укрепления и огонь тяжелой артиллерии. От непогоды траншеи наших окопов раскисли. В убежищах для отдыха было крайне сыро и неудобно. «Лисьи норы», сделанные в течение зимы, в которых мы укрывались при артобстреле, осели. Ходы сообщения были очень узкими. Встречным в них трудно было разойтись, а переноска раненых требовала чуть ли не цирковой ловкости. Вдали виднелись уступы Восточных Карпат, покрытые лесами. Все надеялись, что там, сбив неприятеля с его позиций, мы обретем более сносные условия. И вот, снова и снова, мы изучаем ряды кольев с проволокой перед чужими окопами, считаем рогатки, под-

таскиваем по ночам пулеметы к гнездам с трехсторонним обстрелом, продолжаем устраивать бойницы для дополнительного наблюдения.

Артиллерийской подготовкой 22 мая началось знаменитое наступление войск Юго-Западного фронта, вошедшее в историю под названием «Брусиловского прорыва». И хотя его результаты по вине соседнего, Западного фронта и верховного командования, в должной мере, использованы не были, оно приобрело мировую известность, повлияв на ход и исход Первой мировой войны. Немалое значение имело оно и для меня лично, так как по-своему способствовало формированию моих взглядов на ведение боя. Закалка, которую я приобрел во время наступления, помогла мне в дальнейшем, а опыт организации боевых действий в масштабах подразделений разного рода пригодился в годы Гражданской войны. Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освобождать Карпатские земли.

Должен сказать, что картины, которые пришлось наблюдать, после того, как Буковина осталась позади, укрепляли в нас именно это представление. Местные жители, которые именовались тогда русинами, встречали нас с распростертыми объятиями и рассказывали о своей нелегкой доле. Австрийские власти, смотревшие на них как на чужеземцев, яростно преследовали всех, кого они могли заподозрить в «русофильстве». Значительная часть местной славянской интеллигенции была арестована и загнана в концентрационный лагерь «Телергоф», о котором ходили страшные легенды. Провинция, плодородная и обычно довольно богатая, была сильно опустошена. Война повсюду оставила свои зловещие следы.

Наступление развивалось так. В первые же дни мая 41-й и 11-й корпуса нанесли удар на участке Онут – Доброновце. Наш сводный корпус двинулся 24 мая. Тут, в районе Нейтральной горы, австрийцы произвели газобаллонную атаку, и в 412-м пехотном полку, как рассказывали, пострадало до сорока человек. Началась паника. Суток двое напряженно, до рези в глазах, все вглядывались в сторону позиций противника. Принимали за газы каждое облачко или небольшой сгусток тумана и радовались, когда ветер дул не в нашу сторону. Положение изменилось 28 мая, когда линия вражеской обороны была прорвана. Между прочим, австрийские укрепления отличались от немецких той особенностью, что немцы вторую и третью линии обороны делали едва ли не сильнее первой, австрийцы сосредоточивали главные усилия именно на первой. Прорвешь ее – и покатился фронт вперед!

Так было и на сей раз. Пока правый фланг продвигался к Садагуре и Котцману, а оттуда стал поворачивать на северо-запад к Станиславу (Ивано-Франковску) и Делятину, наш левый фланг форсировал Прут, захватил Черновицы (Черновцы) и устремился на юго-запад и юг. 9-я армия шла с боями как бы веером, расширяя свое оперативное пространство. 3-й кавкорпус направил свои дивизии вдоль румынской границы, отсекая Румынию от Австро-Венгрии, а наша пехотная дивизия, его ближайший сосед, преодолела хребты Обчина-Маре и Обчина-Фередэу. В приказе по армии сообщалось, что при взятии Черновиц отличился командир роты Новоузенского пехотного полка капитан Самарцев, первым ворвавшийся в город.

Между тем местность заметно повышалась. В долине Прута предгорья поднимались на 120 м, в долине реки Серет-Молдавский мы находились на высоте уже 270 м над уровнем моря, в долине Сучавы – на 360 м, в долине Молдовы – на высоте 430 м. Нам приходилось форсировать ряд мелких речушек. Дороги, которыми мы шли в густых лесах, по мере продвижения переходили в горные тропы. Пейзаж становился все более суровым: угрюмые ущелья, высокие, до двух километров пики.

Нижняя Буковина осталась позади. Начались селения гуцулов. Все чаще нам приходилось располагаться под открытым небом. Этот период быстрого наступления помог мне приобрести недостающий опыт руководства подразделением во встречном бою и на марше. Я внимательно наблюдал за действиями старших по должности. Подмечал не только их приемы вождения войск, но и методы общения с «нижними чинами». И снова бросалось в глаза нали-

чие тех же тенденций. Одни офицеры вообще считали излишним думать об этом и поступали как бог на душу положит; другие полагали, что лучшее средство повседневного общения с солдатами – жестокость и как можно более строгие наказания. Третьи пытались найти дорогу к сердцу подчиненного, однако каждый – по-своему. Расскажу, в частности, о том, как делал это командир 3-го кавкорпуса граф Ф. А. Келлер, храбрый солдат, но посредственный, мягко говоря, военачальник.

Познакомиться с ним мне довелось при следующих обстоятельствах. Дойдя в Карпатах до долины реки Бистрица, мы надеялись в несколько дней добраться до перевалов на хребте Родна и спуститься в Трансильванию. Однако темп наступления замедлился.

Австрийцы зацепились за перевалы. 9-я армия потеряла в ходе черновицкого прорыва до половины личного состава, и мы топтались в течение июля и августа на месте, в районе Кирлибаба, Кимполунг, Якобени, Дорна-Ватра, а затем вообще остановились. Однажды генерал Келлер потребовал для охраны своего штаба, разместившегося в Кимполунге, пехотный батальон. Наш 409-й полк, находившийся в резерве, оказался подчиненным ему. Послали первый батальон, во главе которого, после потери в боях большого числа офицеров, оказался я. Прибываю в расположение кавкорпуса и докладываю начальнику штаба. Тот удивленно смотрит на меня, интересуется, сколько мне лет (мне шел тогда 22-й год), и уходит в другую комнату здания. Оттуда выходит Келлер, человек огромного роста, с улыбкой смотрит на меня, затем берет мою голову в свои ручки и басит: «Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут у нас генералами!».

Именно тогда, находясь несколько дней при штабе кавкорпуса графа Келлера, мне довелось наблюдать картины, вроде, например, такой. В стороне от нашего батальона, проводившего занятия на небольшом плацу, на опушке леса по дороге прогуливался граф. Едет мимо казак. Командир корпуса, будучи по самой природе своей до мозга костей монархистом и держимордой, но разыгрывая из себя на глазах подчиненных демократа, подзывает его, садится рядом с ним на срубленное дерево, угощает табачком и ведет непринужденную беседу. Затем отпускает «осчастливленного» солдата. Мне, однако, такой «метод» общения был ни к чему, ибо я и без того проводил все дни и ночи вместе с батальоном.

14 августа 1916 года Румыния, преодолев двухлетние колебания, объявила Австро-Венгрии войну. Ближайшие же месяцы показали, что наша новая союзница совершенно не была готова к военным испытаниям и уже к ноябрю потерпела поражение. Пал Бухарест. Треть всей румынской армии попала в плен. Оставшиеся боеспособные части отвели в провинцию Молдова, и в декабре они заняли позиции от Монастырки до Ирештидевице. Русскому командованию пришлось сдвинуть весь фронт на юг, чтобы прикрыть Бессарабию. Возник новый, Румынский фронт: севернее 2-й румынской армии теперь стояла наша 9-я армия, а русские 4-я и 6-я армии заслонили открытый участок фронта, от Ирештидевице до Черного моря. 103-ю дивизию бросали с участка на участок. Мы то прикрывали от наступающих через Румынию немцев город Бакэу, то в районе Гимеша держали оборону против соединений германской армии генерала Герока. Не раз приходилось сражаться бок о бок с новыми союзниками, и мы вдоволь насмотрелись на бытовавшие у них в армии и возмущавшие нас беспорядки.

Между тем положение резко осложнилось. 9-я армия стояла на участке протяженностью в 200 верст. Снабжение стало плохим. Среди румын росла германофильская пропаганда, и к нам они относились не очень-то дружелюбно. Ряд высокопоставленных румынских военнослужащих перешли на сторону противника. С получением в марте 1917 года известия о том, что в Петрограде революция, что царь отрекся от престола, в жизни нашего полка, дивизии, армии, Румынского фронта и всей России началась новая полоса.

Не успели войска присягнуть новой власти, как обстановка снова круто изменилась. Возникли солдатские Советы и комитеты. Большевики повели борьбу за народные массы, а на фронте – прежде всего за солдат, основную часть которых составляли крестьяне. Большевист-

ская ячейка, вскоре появившаяся в Новохоперском полку, действовала активно и целеустремленно, стремясь оторвать солдат от мелкобуржуазных соглашателей и повести за собой «нижние чины». Приводя в беседах с рядовыми простые, понятные, хорошо знакомые примеры из фронтовой жизни, агитаторы-большевики Киченко, Середа и другие разъясняли солдатам программу своей партии, агитировали против продолжения империалистической войны, рассеивали иллюзии «революционного оборончества» и веру во Временное правительство.

Рост влияния большевиков определялся отчасти тем, как далеко находились армии от столицы. Северный фронт революционизировался быстрее Западного, Западный – быстрее Юго-Западного, а тот – быстрее Румынского. На нашем, Румынском, фронте реакционные силы имели значительное влияние и всячески противодействовали политической работе большевиков.

Русскими войсками на Румынском фронте командовал монархистски настроенный генерал Щербачев, сменивший своего единомышленника генерала Сахарова, который возглавлял до него русские вооруженные силы в Румынии. Эсерово-меньшевистский центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод) активно поддерживал политику Временного правительства. Возникший в те дни «Военно-революционный комитет фронта» находился всецело в руках эсеров и меньшевиков. Таким же в большинстве своем оказались и комитеты, созданные в армиях, корпусах и дивизиях. И командование, и эти комитеты прилагали все усилия к тому, чтобы помешать проникновению в войска сведений о революционных событиях в стране, особенно в Петрограде. Только благодаря большевикам правдивые вести все же просачивались в полки. Командование всячески стремилось не допустить «самочинных» солдатских собраний и митингов. Тем не менее, в частях все чаще слышались прямые призывы к невыполнению распоряжений офицеров и Временного правительства, ибо эти распоряжения шли вразрез с чаяниями и думами солдатских масс. Особенно усилились брожения среди рядовых в конце июня, когда провалилось наступление войск Юго-Западного фронта под Львовом. Приехавшие к нам эсерово-меньшевистские делегаты I Всероссийского съезда Советов тщетно призывали к продолжению войны. Солдаты рвались домой. Провалилось и июльское наступление на Румынском фронте.

Среди офицерского состава, в том числе и в нашем полку, чувствовалась некоторая растерянность. Значительная часть кадрового офицерства, монархически настроенная и не желавшая вообще никакой революции в стране, откликнулась в августе на призыв нового верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова и была официально направлена в его распоряжение. Другая часть офицеров, особенно из тех, что пришли в армию в период войны (прежде всего наиболее прогрессивная в 26-м корпусе нашего фронта), постепенно сближалась с солдатскими массами.

Этой дорогой, сначала медленно, а затем все быстрее, шел и я. Падение монархии я встретил с энтузиазмом. Теперь мне казалось, мы будем отстаивать республику и интересы революционной отчизны. Но вскоре я увидел, что эти интересы разные люди понимают по-разному. Армия раскололась. По одну сторону остались солдаты и передовое офицерство, а по другую – те, кто продолжал призывать к «защите отечества». Может ли истинный патриот быть не со своим народом? Нет! – отвечал я сам себе. Значит, правда не там, где я искал ее раньше. Окончательный удар по моим иллюзиям нанес Корниловский мятеж. Я постепенно стал осуждать войну, проникся недоверием к Временному правительству.

Полк наш после тяжелых боев восточнее Дорна-Ватра, находясь в резерве 4-й армии генерала А. Ф. Рагозы, отдыхал под городом Аджуд-Ноу. Мы ловили каждое слово, доносившееся до нас из тыла, внимательно слушали рассказы о демонстрациях гражданского населения и гарнизонов в Яссах, Кишиневе, Одессе и других крупных городах и ждали решающего поворота в событиях, понимая, что существующая неопределенность – временное явление. Под Аджуд-Ноу и застало нас потрясшее всех сообщение о грянувшей Октябрьской революции.

Солдаты бурно обсуждали Декреты о мире и о земле, бросали винтовки, братались с австрийскими солдатами, открыто высказывали недовольство начальством и приветствовали новую власть, выражающую интересы народа.

Ненавистным офицерам порой грозил самосуд. Углубился раскол и в среде офицерства. Еще недавно мы сидели за одним столом, а теперь бывшие товарищи по оружию злобно глядят друг на друга. Видел такие злые взгляды и я – за то, что признал Советскую власть, «якшаюсь с большевиками» и бываю в Совете солдатских депутатов.

Назревало и во мне решение оставить военную службу. Нам было известно, что правительство рабочих и крестьян ведет переговоры о заключении мира. Началась стихийная демобилизация. Почему же я должен сидеть в Румынии во имя неведомой мне цели? Было время, когда я вел солдат в бой и полагал, что исполняю долг русского патриота. Теперь выяснилось, что народ обманывали, что ему нужен мир. Старая армия и Советское государство несовместимы. Значит, военной карьере пришел конец. С чистой совестью готовился я отдаться любимому делу, трудиться на земле. В конце ноября 1917 года я уволился в отпуск. С одними товарищами обнялся на прощанье, другие не пожелали подать мне руки, третьих я сам не хотел видеть...

С трудом миновав Украину, где обстановка осложнялась с каждым днем, я добрался до коренных русских губерний. И здесь политические страсти кипели вовсю. Жадно впитывая в себя новые впечатления, но, не задерживаясь нигде на долгое время, я торопился увидеть родные места и в декабре был уже дома.

Первые шаги в борьбе за Советы

Инструктор всевобуча. – Смена профессии. – Опять в деревне. – Подъяковлевская школа. – Снова за оружие! – Доверие партии. – Тульская дивизия...

Отдых в родных местах длился недолго. Я быстро убедился, что обстановка в стране не такая, чтобы думать о сельскохозяйственном вузе. Встал вопрос: чем заняться? Нужно было искать средства к существованию, а главное – подумать о твердом выборе дальнейшего жизненного пути. И как раз в это время, в конце декабря 1917 года, Кинешемский уездный военный отдел при местном Совете переслал мне телеграфное сообщение о том, что общее собрание 409-го полка, в соответствии с действовавшим тогда в армии принципом выборного начала, избрало меня командиром полка. Поэтому солдатский комитет предлагал мне немедленно вернуться в свою воинскую часть и вступить в командование. Однако военотдел, ссылаясь на сложившуюся на Украине обстановку, рекомендовал мне остаться дома и искать себе применение на месте.

Что же происходило в те дни на Украине? 31 октября 1917 года власть в Киеве перешла в руки Советов. Но буржуазно-националистическая Центральная рада, возникшая еще при Временном правительстве, свергла Советы, заявила о неподчинении Петрограду, вступила в союз с мятежным донским атаманом Калединым и договорилась с командующим войсками Румынского фронта Щербачевым, что Румынский и Юго-Западный фронты сливаются под его руководством в единый Украинский фронт, подвластный раде. Советская власть сохранилась в Харькове, где I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину социалистической республикой, но на большей части ее территории пока распоряжалась рада. 409-й полк, вместе с другими воинскими частями, которые оказались временно под командованием Щербачева, могли быть втянуты в антисоветскую авантюру. В этих условиях разумнее было прислушаться к рекомендации нашего военотдела. Я обратился туда с просьбой использовать меня на военной работе. И через некоторое время меня назначили инструктором всевобуча в Углецкой волости Кинешемского уезда.

В первой половине 1918 года всевобуч прошел через несколько этапов своего развития. 15 января 1918 года был издан декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и при Наркомате по военным и морским делам создана Всероссийская коллегия по формированию РККА. Она развернула активную работу в центре и на местах. В частности, были взяты на учет все военные специалисты и кадровые офицеры. В марте 1918 года VII съезд РКП(б) принял решение о всеобщем обучении населения военному делу. Накануне «Известия ВЦИК» напечатали призыв: «Каждый рабочий, каждая работница, каждый крестьянин, каждая крестьянка должны уметь стрелять из винтовки, револьвера или из пулемета!». Руководить их обучением, уже практически начавшимся в губерниях, уездах и волостях, должны были военные комиссариаты, образованные согласно декрету Совнаркома РСФСР от 8 апреля. При Всероссийском главном штабе 7 мая был учрежден Центральный отдел всевобуча во главе с Л.Е. Марьясиным, местные же отделы создавались при военкоматах. 29 мая ВЦИК издал первое постановление о переходе от комплектования армии добровольцами к мобилизации рабочих и беднейших крестьян.

В июне 1918 года состоялся I съезд работников всевобуча, принявший важные решения. В соответствии с ними строилась и деятельность органов всевобуча на местах. Еще в январе в Костроме возник губернский военотдел с учетным подотделом. Наркомат по военным делам опубликовал инструкцию о порядке работы таких органов, были открыты вербовочные пункты для записи добровольцев в РККА, и впервые развернулось широкое обучение военному делу. В феврале – марте костромичи и кинешемцы, преимущественно рабочие, записываются в проле-

тарские красноармейские отряды. Военотделы занимались их обучением. 21 марта, в тот самый день, когда было отменено выборное начало в Красной Армии (приказом Высшего военного совета РСФСР), Всероссийская коллегия обратилась к специалистам военного дела, ко всем офицерам старой армии с призывом идти в РККА на командные должности.

У нас в губернии сразу же нашлись десятки желающих отдать свои знания и способности молодой Советской власти. 31 марта были образованы военные округа, и Костромская губерния вошла в Ярославский военный округ, который возглавили окружной военный руководитель Н. Д. Ливенцев и комиссары В. П. Аркадьев и С. М. Нахимсон. Уже к июню 1918 года в РСФСР было 1,3 тыс. инструкторов всеобщего обучения.

Бывшие офицеры являлись преимущественно сотенными инструкторами; бывшие унтер-офицеры – взводными и отделенными инструкторами. Сначала во всеобщем обучении привлекались в основном рабочие, с весны 1918 года – бедное крестьянство, а с лета – уже и середняки. Обучаемых (в возрасте от 18 до 40 лет) распределяли на группы: проходивших ранее военную службу и не проходивших. Первых частично доучивали, а потом многие из них становились инструкторами. Ротам, как правило, присваивали названия по поселкам, откуда было большинство обучавшихся. Учили сначала одиночек, затем звеньями, отделениями, взводами, поротно. В конце занятий проводили общее показательное учение. Занятия продолжались шесть или два часа ежедневно – в зависимости от того, были обучаемые оторваны от производства или нет. Первую официальную программу проведения всеобщего обучения, очень краткую, мы получили в апреле. Затем появились расширенные программы. Я помню их три – недельную, 7-недельную и 14-недельную.

Во вступлении к краткой программе объяснялась политическая обстановка, вызвавшая необходимость обучения. «С часу на час можно ожидать открытого выступления врага, – говорилось в нем, – чтобы покончить с Великороссией, как это сделано с Украиной, и лишить народ всех достигнутых революцией завоеваний. Нельзя поэтому рассчитывать не только на 4-месячный срок обучения, как это делалось для новобранцев, но и на 8-недельный, как это делалось в запасных частях. Может встретиться надобность в обучении населения военному делу в недельный срок и воспользоваться для показательных тактических учений, если противник даст время, еще тремя днями».

Недельная, 42-часовая программа предусматривала обучение стрелковому делу (устройство винтовки, уход за ней), ведению стрельбы, строевому делу (построения, команды, порядок огневого боя), полевой службе (охранение, разведка), окопному делу (рытье ячеек и окопов, использование гранат). Если появлялась возможность удлинить обучение еще на три дня, 18 часов, обучали еще и наступлению, ночному бою и подрывному делу.

7-недельная программа при двух часах занятий ежедневно состояла из 26 учебных часов тактики, 35 – стрелкового дела, 8 – окопного дела, 8 – на гранату и пулемет, 8 – на устав, 13 часов – на практическую проверку. При обучении пользовались старыми, давно проверенными правилами элементарной методики: «Учи показом, а поясняй рассказом»; «Показывай так, чтобы видели все, а проверяй усвоение по одному»; «Об умении судить по исполнению, а не по рассказу».

Не хватало винтовок, патронов, наглядных пособий. Инструкторам приходилось во многом полагаться на собственную изобретательность и на энтузиазм обучаемых. Особенно активизировались занятия после июня, когда начались развернутые призывы в РККА по мобилизации. Число инструкторов резко возросло. Из них примерно пятая часть являлась бывшими офицерами, остальные – унтер-офицерами. Дело налаживалось. Неплохо шло оно, как мне казалось, и у меня. Однако я все же не получал полного удовлетворения. Мне казалось, что я мог бы принести больше пользы, так как имел уже некоторый боевой опыт. Однако военотдел не привлекал меня к более активной работе по защите Советской Родины. Видимо, сказывалось некоторое недоверие ко мне, как к выходцу из семьи служителя культа, офицеру царской

армии, имевшему чин штабс-капитана. Я понимал, что такая осторожность в условиях ожесточенной классовой борьбы вполне объяснима, и старался спокойно и упорно выполнять полученное задание, ибо только честным трудом можно было завоевать доверие Советской власти. Но время шло, а на более активное использование моего военного опыта намек так и не было. Как-то, в августе, я прочел сообщение в газете о наборе кадров для работы в сельских школах Тульской губернии. Диплом об окончании духовной семинарии давал мне право стать учителем начальной школы. В семинарии мы проводили практические занятия в существовавшей при ней начальной школе. Мои уроки признавали удачными. Сообщение в газете натолкнуло на размышление, а не стать ли мне сельским учителем? Ведь можно служить трудовому народу и на этом поприще. Стране, как никогда, нужно грамотное молодое поколение, которому в будущем придется сменить старших и строить новую жизнь. И я, с разрешения Уездного военкомата, подал заявление с просьбой зачислить меня учителем.

Довольно быстро мне дали назначение, и в сентябре 1918 года я прибыл сперва в начальную школу села Верховье, а затем села Подъяковлево, Голунской волости, Новосильского уезда.

Новосиль, в котором мне пришлось побывать много лет спустя в период Великой Отечественной войны, стоит в самом центре старорусских земель. Входя ныне в Орловскую область, этот городок находился тогда на территории Тульской губернии, неподалеку от станции Залегощь железной дороги Брянск – Елец. Места здесь удивительно красивые. Долина живописной реки Зуши, одного из верхних притоков Оки, пересекается холмами, широкие дубовые леса перемежаются с лесостепью.

Климатические условия здесь более благоприятны для земледелия, чем в моей родной стороне. Но крестьян заедало малоземелье. Аграрная проблема была здесь наиболее острой. Противоречия между кулаками, середняками и бедняками выливались в ожесточенную классовую борьбу, свидетелем которой мне сразу пришлось стать.

В то время создавалась новая, советская система среднего образования. Возникла единая трудовая школа. Кадров для нее не доставало. К тому же многие учителя шли за Всероссийским учительским союзом (ВУС), который стоял на антисоветских позициях. Большую роль в жизни местной школы сыграл состоявшийся в сентябре 1918 года I Тульский губернский съезд учителей и деятелей народного образования. Съезд призвал губернское учительство порвать с ВУСом, активно помогать Советской власти и служить трудовому народу. Началось размежевание. Одни преподаватели пытались вести обучение по-старому, другие стали на новый путь.

Этот процесс был отражением больших политических событий в стране и в уезде. Шла гражданская война. В тылу Красной Армии, в борьбе с привычками и пережитками старого мира, постоянно рождалось новое. Возглавляла эту борьбу партия большевиков. В сентябре 1918 года состоялась первая Новосильская уездная конференция РКП(б), в октябре – вторая, в ноябре – третья. Решения конференций отражались на повседневной жизни села Подъяковлево, на семьях тех крестьян, чьих детей я обучал. Трудовые крестьяне стали объединяться в сельскохозяйственные коммуны. Комитеты бедноты сливались с сельскими Советами. Бедняки активно помогали Советам реквизировать хлеб у спекулянтов, везли зерно на ссыпные пункты. В октябре 1918 года по решению II уездного съезда новосильской бедноты в подарок рабочим Москвы и Петрограда был отправлен целый эшелон хлеба. Кулаки яростно сопротивлялись мероприятиям новой власти. Они прятали хлеб, спекулировали им, тянули за собой середняков.

В конце 1918 года по ряду уездов Тульской губернии, в том числе по Новосильскому, прокатилась волна кулацких мятежей. Сельские богатеи стремились расправиться с беднотой и с работниками советского аппарата, нападали на продотряды.

Мы, учителя, не могли стоять в стороне от этих событий. Помимо работы в школе, мы занимались политическим просвещением взрослого населения. 26 декабря по губернии был

разослан циркуляр о мобилизации всех грамотных для читки газет и официальных постановлений. Чаще всего мы пользовались материалами газеты агитационно-пропагандистского отдела Тульского губисполкома «Коммунар» и Тульского губвоенкомата «Вооруженный пролетарий», а также уездными листками «Голос пахаря» и «Новосильская беднота». Печатавшиеся там материалы были близки нам, ибо отражали то, что происходило на наших глазах или в соседних уездах.

В селе Подъяковлево были две школы. Наша находилась в центре села. В трех ее отделениях обучалось около сотни ребят из Подъяковлева и ближайших к нему деревень. Я работал с огромным энтузиазмом. Мне охотно помогали коллеги по школе – сестры Евдокия и Варвара Наумовы, имевшие уже некоторый опыт учительства. Евдокия Петровна, заведующая школой, поручила мне вести младшее отделение. И с учителями, и с родителями учеников у меня быстро установился полный контакт. Казалось бы, я обрел, наконец, ту житейскую пристань, к которой я стремился. Школа отнимала все мое время, да и сам я старался загрузить день до предела, чтобы вознаградить себя за долгие поиски истинного призвания. Однако ни удачные уроки, ни привязанность ребят, ни дружба с коллективом школы все же не заполнили меня до конца.

Чего же мне не хватало? Я понял это в апреле 1919 года, когда был призван Новосильским уездным военкоматом на службу в РККА и направлен в четвертый запасный батальон, дислоцированный в городе Ефремове. Запасные батальоны были образованы приказом Реввоенсовета Республики в сентябре 1918 года для подготовки резервов в военных округах. И вот, наконец, осуществилась моя мечта, которую я вынашивал чуть ли не с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. В мае 1919 года я был зачислен в Красную Армию, стал ее командиром. Отныне мой дальнейший жизненный путь был для меня прям и ясен.

Командиром батальона являлся бывший подполковник царской армии Донченко, а военкомом – бывший прапорщик Комин. Забегая вперед, скажу, что, распрощавшись осенью того же года с товарищем Донченко, получившим другое назначение, я имел удовольствие вновь встретиться с ним в 1926 году на высших стрелково-тактических курсах «Выстрел», где он вел занятия по методике боевой подготовки...

Хотя четвертый запасный батальон сформировали всего лишь несколько месяцев назад, он поразил меня четкостью внутреннего распорядка, внешней чистотой и опрятностью бойцов, крепкой и сознательной дисциплиной, столь необычными для старой армии. Новыми были и взаимоотношения между рядовым и командным составом: они основывались на доверии друг к другу.

Руководящую роль во всей повседневной жизни батальона, в воинской учебе, в воспитании личного состава играла большевистская партийная организация, хотя партийная прослойка в подразделениях батальона была в то время крайне незначительной.

Батальон был целиком укомплектован; роты имели по несколько литерных маршевых рот, готовившихся к отправке на фронт. В средний командный состав подразделений входили бывшие офицеры или унтер-офицеры старой армии. Меня назначили взводным инструктором (помощником командира взвода).

Не прошло и месяца, как мне довелось принять участие в боевых действиях. В начале июня в Ступинской волости Ефремовского уезда кулаки убили губернского представителя, возглавившего работу по осуществлению продразверстки. Распоряжением Тульского губревкома была создана специальная комиссия по борьбе с кулачеством и бандитизмом в волости. Во главе комиссии стоял ефремовский уездный военный комиссар М. В. Медведев. Нашему батальону приказали выделить в распоряжение комиссии воинский отряд численностью в 100 человек. Командиром отряда назначили меня. Парторганизация батальона направила в помощь отряду нескольких опытных партийцев во главе с товарищем Мазуровым. На этих товарищей я и опирался, выполняя первое боевое задание большевистской партии.

Город Ефремов, стоящий на реке Красивая Меча, – типичный уездный городок: 2 бывшие гимназии, 2 училища, 2 больницы и 7 церквей; склады элеватора, картофельно-мучной и винокурный заводы, многочисленные сады. Отсюда мы направились в Ступинскую волость. Отряд провожали взгляды местных жителей: одни – приветливые, другие – злобно-настороженные. Наш путь лежал через балки и перелески, в которых прятались бандитские шайки. Круглые сутки приходилось быть в полной боевой готовности. В своих «Записках охотника» И. С. Тургенев, описывая места вдоль Красивой Мечи, восторгался изумрудными листьями речных зарослей, золотисто-черной зеленью рощ, лучезарным воздухом, облитым то солнечным, то лунным светом. Шагая в походном строю во главе своего отряда, я вспоминал эти строки. Их лиризм был так далек от обстановки, которая окружала нас. Ночную темень, все так же пронизанную сладостным ароматом, внезапно прорезали огненные вспышки, а соловьиные рулады прерывались глухими выстрелами кулацких обрезов...

Неутомимая деятельность партийной группы, исключительная сознательность и преданность своему долгу отобранных в отряд бойцов, активная поддержка со стороны сельской бедноты и части среднего крестьянства позволяли отряду быстро и правильно выполнять все задания комиссии. За короткий срок комиссии и отряду удалось конфисковать многие тысячи пудов хлеба, спрятанного кулачеством, направить в распоряжение Ефремовского ревкома тысячи задержанных или добровольно явившихся крестьян, ранее уклонявшихся от призыва в Красную Армию.

Этот непродолжительный по времени период имел для моей дальнейшей жизни и работы исключительное значение. Став красным командиром, ощутив доверие партии, я понял, что военная служба – мое единственное призвание. Именно тогда во мне зародилось стремление – во что бы то ни стало, рано или поздно, быть в рядах большевистской партии, подлинной защитницы интересов народа. Я все больше осознавал, что Великая Октябрьская социалистическая революция – подлинно народная революция. Под ее воздействием формировалось и мое политическое сознание. Полнее стало понятие Родины, патриотизма. Родина – это Советская Россия, страна трудового народа, ниспровергшего мир насилия и несправедливости, и решившего осуществить на своей земле идеалы лучших умов человечества, идеалы социализма. Советской Родине нужны своя армия, свои командные кадры, в том числе и военные специалисты. И я поклялся верой и правдой служить народной власти. «Советская Россия или смерть!» – вот слова, ставшие тогда девизом миллионов людей, в том числе и моим девизом.

Но изменилось не только мое политическое мировоззрение. Гражданская война внесла много нового в военное дело, в самое построение вооруженных сил. Некоторые профессиональные понятия пришлось в корне пересматривать, изучать заново. Впрочем, напряженно учиться пришлось всю жизнь. Такова профессия военного человека. Она требует от любого серьезного специалиста, а особенно от советского офицера, не только обширных знаний, серьезной политической подготовки и общей культуры, но и постоянного пополнения этих знаний, расширения кругозора.

Летом 1919 года военно-политическая обстановка еще более обострилась. К Тульской губернии быстро приближался Южный фронт. Его 14-я, 13-я и 8-я армии с боями отходили на север, пытаясь задержать наступление деникинцев. Путь на Тулу прикрывала 13-я армия, которой командовал, известный мне по Румынскому фронту, бывший ротмистр Анатолий Ильич Геккер. На нее наседали белогвардейский корпус генерала Кутепова, состоявший из «именных» дивизий (дроздовской, алексеевской, корниловской и марковской), Добровольческой армии генерала Май-Маевского, рвавшейся от Харькова к Курску, Орлу, Туле и Москве. 9 июля было опубликовано письмо ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!». В нем говорилось: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции».

Главное внимание Советской страны переключилось на Южный фронт. 23 августа Тульская губерния была объявлена на военном положении. Возникли уездные советы обороны. М. В. Медведев стал членом Ефремовского Совета обороны. Тульский укрепленный район обязан был прикрыть отдаленные подступы к Москве с юга. В его военный совет вошли такие закаленные бойцы, как латышский рабочий, заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петере, один из организаторов Красной гвардии на Украине В. И. Межлаук, руководитель губернской парторганизации Г. Н. Каминский.

Вокруг Тулы и на подступах к ней с помощью местных жителей рыли окопы, ставили проволочные заграждения, сооружали пулеметные блокгаузы. Военизировалось гражданское население, формировались, вооружались и обучались воинские отряды. Перед бойцами часто выступали губернский военный комиссар Д. П. Оськин, член губкома РКП(б) П. Ф. Арсентьев, начальник местного политпросвета Н. А. Русаков. В городе и в соседних уездах срочно формировалась Тульская стрелковая дивизия. Ядром ее служили запасные батальоны, дислоцированные на территории губернии. В Тулу из Ефремова был переведен и наш четвертый запасный батальон, развернутый к тому времени в полк двухбатальонного состава. Меня назначили сначала командиром одной из рот, а по прибытии в Тулу, когда полк приступил к формированию третьего батальона, командиром этого батальона.

Основным костяком местной обороны, как и личного состава нашей дивизии, явились рабочие, преимущественно Оружейного и Литейного заводов. Еще 11 июля 1919 года президиум губернского съезда металлистов послал В. И. Ленину телеграмму о том, что съезд постановил удешевить производство оружия, осуществить среди рабочих воинское обучение, сформировать пролетарские полки и принес «социалистическую клятву металлистов умереть или победить»¹. Свою клятву туляки сдержали, сцементировав силы укрепленного района и придав его воинским формированиям дух негибаемой воли и железного упорства.

Фронт подкатывался все ближе к Туле. Напряжение росло, дивизия непрерывно пополнялась. Военные занятия не прерывались ни на один день. 20 сентября деникинцы захватили Курск, а 22-го был создан Московский сектор обороны, включавший, в частности, и Тульскую губернию. Между Орлом и Тулой выросли первая и вторая оборонительные линии. Наша дивизия расположилась на третьей, а севернее пролегла еще и четвертая линия. 30 сентября Тульский губком РКП(б) получил от ЦК партии письмо, в котором говорилось: «Основная военная и, вместе с тем, и политическая задача ближайшего момента, во что бы то ни стало, ценой каких угодно жертв и потерь, отбить наступление Деникина и отстоять Тулу с ее заводами, и Москву, затем, имея огромное преимущество в пехоте, перейти в наступление против скованной бездорожьем и распутицей деникинской кавалерии».

По приказу ревкома, в начале октября я вступил в командование полком, сформированным на базе Ефремовского батальона и вскоре переименованным в 5-й стрелковый полк Тульской стрелковой дивизии. На его укомплектование из губвоенкомата прибывали революционно настроенные призывники. Большинство из них были солдатами царской армии и участвовали в первой мировой войне. Они легко поддавались воспитанию, которым неустанно занималась партийная организация. Коммунисты умело и быстро сколачивали вокруг себя беспартийный актив, положительно влияя и на командный состав, большинство которого было выходцами из офицеров военного времени или унтер-офицеров старой армии. Призывники из крестьян-бедняков также становились активистами, охватывая своим влиянием и призывников из середняков.

В октябре наш полк занял Яснополянский сектор укрепленного района. Полковой штаб из пригорода Мяново перебрался в село Зайцево. Здесь-то и застало нас известие о падении Орла. Советская республика оказалась в самом тяжелом положении за все годы граждан-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 379.

ской войны. 15 октября 1919 года Политбюро ЦК РКП(б) на заседании, которое проходило под председательством В. И. Ленина, разработало ряд срочных мероприятий, направленных на усиление обороны и, в первую очередь, на укрепление Южного фронта, на повышение бое- способности его войск. Политбюро постановило ни в коем случае не сдавать противнику Тулу, Москву и подступы к ним, признало необходимым сосредоточить основные усилия Красной Армии на защите Московско-Тульского района и подготовить затем контрнаступление.

20 октября В. И. Ленин направил в Тульский ревком телеграмму, в которой говорилось:

«Значение Тулы сейчас исключительно важно, – да и вообще, даже независимо от близости неприятеля, значение Тулы для Республики огромно.

Поэтому все силы надо напрячь на дружную работу, сосредоточивая все на военной и военно-снабженческой работе... Обязательно сугубая интенсивность работы среди войска, среди запасных, среди рабочих, среди работниц...

За обороной следить, не спуская глаз... Формирование войска имеет исключительное значение»².

21 октября тульские профсоюзы на своей губернской конференции объявили мобилизованными всех членов профсоюза. Началась «партийная неделя». Проводились массовые собрания и митинги. Коммунисты в выступлениях на них воодушевляли трудящихся и красноармейцев, призывали их стать непреодолимой преградой на пути белогвардейцев. Из Москвы прибыл агитационный поезд «Октябрьская революция» с бригадой руководящих деятелей партии. Перед туляками выступил председатель ВЦИК Советов М. И. Калинин.

Все готовы были скрестить штыки с деникинцами. Но к Туле враг не сумел подойти. В последней декаде октября белые потерпели жестокое поражение под Орлом и Кромами, а затем покатались на юг. Наш полк так и остался к юго-западу от Тулы. Когда стало совершенно ясно, что на Южном фронте достигнут перелом, командование дивизии отдало частям распоряжение перейти к выполнению новых задач. Мы гадали, где придется нести боевую службу, полагая, что нас направят в 13-ю армию. Однако наши ожидания не оправдались. Вскоре, вместо среднерусской лесостепи, нас встретили белорусские болота и озера.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 65.

Против интервентов

Между Себежком и Полоцком. – Майский рывок. – Временное затишье. – Новый удар. – Горькая неудача. – О моих наставниках

В декабре 1919 года Тульская дивизия получила приказ отправиться на Западный фронт. Местное название, присваивавшееся тогда резервным и запасным соединениям, отменялось, дивизия получила очередной порядковый номер в рамках действующей армии и стала именоваться 48-й стрелковой, а наш полк, соответственно, превратился в 427-й полк 143-й стрелковой бригады. Командиры и комиссары воинских частей докладывали на заседании губернского ревкома о состоянии войск. Я тоже докладывал. Сообщил о полной боевой готовности полка, но добавил, что не имею опыта командования полком в условиях боевой обстановки и поэтому прошу ревком назначить в полк более опытного командира, оставив меня его помощником либо командиром батальона. После нескольких попыток уговорить меня снять свою просьбу, члены ревкома приняли мое предложение. Вскоре на должность комполка был назначен товарищ Соборнов, я же стал его помощником.

Место назначения дивизии – покрытый холмами и лесами Себежский уезд Витебской губернии, входивший в сферу действий 15-й армии (бывшей Латвийской). Растянувшись от Чудского озера до Украины, Западный фронт в то время держал оборону против буржуазно-националистических войск прибалтийских государств и Польши. Командовал 15-й армией сын эстонского крестьянина, выпускник Чугуевского пехотного училища и Николаевской военной академии, подполковник старой армии, 32-летний Август Иванович Корк, проявивший себя ранее при обороне Петрограда. Членами Реввоенсовета армии были в разное время такие стойкие большевики, как латышский рабочий, член партии с 1899 года, бывший народный комиссар внутренних дел Советской Латвии Ян Давыдович Ленцман, активный участник Октябрьской революции, прежний заместитель наркома по военным и морским делам РСФСР Константин Александрович Мехоношин и другие товарищи. Командовал фронтом тогда отличившийся уже на Северном и Южном фронтах гражданской войны Владимир Михайлович Гиттис, а затем известный герой гражданской войны, командовавший 1-й, 8-й, 5-й армиями и Кавказским фронтом, 27-летний Михаил Николаевич Тухачевский. Членами Реввоенсовета фронта были видные деятели польского и русского революционного движения Феликс Эдмундович Дзержинский, Иосиф Stanisлавович Уншлихт и другие бойцы ленинской партии. Отличные командиры и комиссары возглавляли корпуса, дивизии, основную часть бригад, полков и даже подразделений. Воевать бок о бок с ними было отменной школой, и я, как командир, даже с чисто профессиональной точки зрения, рос несравненно быстрее, чем в годы Первой мировой войны, находясь на Юго-Западном и Румынском фронтах.

По прибытии на фронт выяснилось, что 48-я дивизия не останется в прежнем составе. В частности, 143-ю бригаду направили на доукомплектование 11-й Петроградской стрелковой дивизии, считавшейся на фронте одной из лучших. Она возникла годом раньше из слияния двух других дивизий – 4-й Петроградской (бывшей Лужской) и 1-й Нижегородской – и прошла боевую закалку в сражениях с войсками генерала Юденича. Наш 427-й полк поступил на пополнение 32-й стрелковой бригады. Меня назначили помощником командира 96-го полка. Прибывший вместе с нами 428-й (прежний 6-й Тульский) полк тоже влился в 32-ю бригаду. Наряду с ней в 11-ю дивизию входили 31-я и 33-я бригады. 32-я бригада в тот период составляла дивизионный резерв.

11-я дивизия в течение февраля, марта и апреля 1920 года весла оборону в районе Юховичи – Кохановичи – Дрисса от наскоков белолатышей. Для меня, как красного командира, это был второй этап боевой выучки, о котором я вспоминаю с большим удовлетворением. Здесь

я еще раз убедился в коренных различиях методов действий регулярных соединений царской армии и армии победившего народа. Единение красноармейцев, комиссаров и командиров, принципиально иное отношение к своему воинскому долгу, высокая политическая сознательность бойцов делали Красную Армию могучей и непобедимой.

Буржуазно-помещичья Польша готовила в то время очередную военную кампанию против Советской республики. Пилсудчикам прислали из Франции 1,5 тыс. орудий, 350 самолетов, около 3 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок. Боевой состав польской армии был доведен до 200 тыс. штыков и сабель. Советские мирные предложения белополяки отвергли и в апреле 1920 года перешли в наступление. На нашем участке первоочередной задачей стало прикрыть «Смоленские ворота» – пространство между Полоцком и Лепелем, позволяющее обойти с севера болота и леса в бассейне Березины. 96-й стрелковый полк, переброшенный в район озера Жеринского, базировался в треугольнике населенных пунктов Лукьянове – Замошно – Пожинки. Постепенно к Полоцку подтягивалась вся 11-я дивизия. Западный фронт готовился к контрудару. На его правом фланге сосредоточились части ударной (Северной) группы Е. Н. Сергеева (48-я дивизия и 164-я бригада). Южнее расположилась 15-я армия в составе шести стрелковых дивизий (в том числе наша 11-я) и одной кавалерийской. Еще южнее стояла 16-я (бывшая Белорусско-Литовская) армия Н. В. Сологуба. Она должна была нанести вспомогательно-отвлекающий удар в направлении от Борисова на Минск, а главный удар выпал на нашу долю. Осью боевых действий тут служила железнодорожная линия Полоцк – Молодечно. Северная группа наступала на нее с севера, от Диены; 15-я армия – с востока, от Уллы. Разрезав фронт противника в верховьях Березины, наши объединения поворачивали на юго-запад, чтобы развить успех вдоль литовской границы и выйти в Западную Белоруссию.

Развернувшись на 60-километровом фронте сразу всеми дивизиями, 15-я армия нанесла 14 мая внезапный удар по врагу. В нашей дивизии насчитывалось всего 2,5 тыс. штыков. Но зато они были в руках бойцов, воодушевленных идеей отстоять Советскую Родину от интервентов. Сразу же после начала наступления 11-я стрелковая дивизия, как самая правифланговая, вошла в контакт с ударной группой и затем была включена в ее состав.

Мы быстро прорвали польский фронт, и 96-й полк стал продвигаться вперед, тесня противника. Боевая операция развертывалась все время вдоль железной дороги, в естественных проходах между многочисленными озерами, возникшими здесь, вероятно, еще в ледниковый период. Первое серьезное сопротивление мы встретили 18 мая, когда столкнулись с вражеской Познанской дивизией. Завязалось ожесточенное сражение за станцию Крулевщина. Понеся тяжелые потери, полк попал на несколько дней в дивизионный резерв, 27 мая нас снова ввели в бой. Сбивая противника с одной позиции за другой, мы переправились южнее Долгиново через реку Вилия и уже готовились наступать на Вилейку, когда подверглись внезапному контрудару польской кавалерии. Часть бойцов полка не выдержала натиска конников и рассеялась. Пришлось прямо на ходу сколачивать разрозненные подразделения. Это был для меня еще один урок.

В последующие дни, отражая удары белополяков, мы встретились и с вражескими бронемашинами. С переменным успехом бой длился до 2 июня, после чего 11-я дивизия, как и весь Западный фронт, начала отходить. Через Докшицы, станцию Подевиле и район озера Плисса, непрерывно контратакуя, мы отступали к перешейку между озерами Долгое и Сшо. Там закрепились, отрыли окопы, поставили проволочные заграждения и, отбивая ежедневно по несколько атак, держали позицию до 15 июня. Убедившись, что оттеснить нас далее не удастся, противник прекратил наскоки. Наступило полумесечное затишье. Тут мы начали разбираться, почему наш майский рывок неожиданно заглох. Выяснилось, что поляки, отбросив сначала за Березину 16-ю армию, подтянули с юга резервы и ударили по флангам 15-й армии, растянувшейся по фронту на 180 км, чтобы отсечь ее и прижать к литовской границе. Понеся большие потери в майских схватках, 15-я армия тоже вынуждена была отступить. У реки Мнюта она

оказала ожесточенное сопротивление врагу, и пилсудчики не смогли продвинуться далее ни на шаг. Березинское сражение закончилось.

Началась перегруппировка сил. Фронтовые и армейские тылы несколько пополнились. Так, в нашей 11-й дивизии стало 5,5 тыс. штыков. 48-ю дивизию командование отвело на крайний правый фланг, к латвийской границе, в качестве боевого охранения на случай авантюры со стороны белолатышей. Расширившуюся Северную группу войск преобразовали в 4-ю армию. 11-я дивизия осталась в 15-й армии, левый фланг которой, усиленный несколькими соединениями, превратился в 3-ю армию под командованием выдвинувшегося ранее на Восточном и Южном фронтах В. С. Лазаревича. Южнее стояли 16-я армия и Мозырская группа войск. Основные усилия в июльском наступлении надлежало проявить трем северным объединениям на фронте в 135 км – от Дриссы до озера Пелик. Особая задача ставилась перед занимавшим крайний правый фланг 3-м конным корпусом во главе с героем боев на Восточном и Южном фронтах Г. Д. Гаем. Из района Диены этот корпус должен был далеко с севера обойти левый фланг польской армии и, нависая над ее тылами, выйти западнее озера Нарочь к литовской границе, прорваться к Ошмянам и отрезать врагу в районе Лиды пути отступления. Тем временем, 15-я армия с соседями обязана была повторить майский рывок на Молодечно, а южные объединения Западного фронта – наступать на Минск, Слуцк и Пинск. Общая задача нашего фронта сводилась к тому, чтобы заходящим справа ударом отбросить белополяков к Полесским болотам.

Новое наступление началось 4 июля. Развивалось оно чрезвычайно успешно. Ломая сопротивление противника, весь Западный фронт быстрыми темпами устремился вперед. 15-я армия в течение нескольких дней преодолела пространство, которое мы оставляли в мае, и продолжала насаждать на белополяков. Позади были Глубокое, Парафьяново, Молодечно. Двинулись на Лиду. Сюда повернулась от Докшиц и 3-я армия, наш левый сосед. 16-я армия от Минска шла на Барановичи. Наш правый сосед, 4-я армия, взяв Поставы, рванулась к Вильно. Чудеса творил конный корпус Гая. Его кавалеристы захватили с налета форты Гродненской крепости и удержали их до подхода пехоты. Впереди были уже берега Немана. Но сначала нужно было пройти через линии укреплений, возведенных здесь немцами в годы мировой войны. Белополяки зацепились за эту полосу обороны и попытались остановить победное шествие рабоче-крестьянских полков. В районе Сморгони 15-я армия натолкнулась на военно-инженерные препятствия. Завязалось ожесточенное сражение. Дорога к Неману далась нелегко.

В самый разгар боев, в конце июля, я неожиданно получил приказ: мне предлагалось немедленно отправиться на должность командира 427-го стрелкового полка в свою прежнюю 48-ю дивизию. С большим, признанием, сожалением попрощался я с дружным и опытным коллективом 96-го полка, в котором принял военно-политическое крещение как красный командир, в борьбе уже не с бандитами, а с регулярными войсками противника. Мы тепло распрощались с командиром полка Ковалевым, военным комиссаром Жестянниковым, полковым адъютантом Доброхотовым и другими товарищами.

48-я дивизия была на марше в районе Вильно. Ее первый начальник товарищ Логофет был в то время заместителем командующего 4-й армии, в состав которой входила эта дивизия, а новым начдивом стал Ефим Викентьевич Баранович, в 1919 году возглавлявший запасный батальон в городе Белеве, Тульской губернии, а затем полк 48-й дивизии. Командир и комиссар 143-й стрелковой бригады – латышский рабочий, герой Московского вооруженного восстания 1917 года, очень смелый, но резковатый, Оскар Юрьевич Калнин сообщил мне, что должность, на которую я был назначен, уже занята. Поэтому мне было предложено отправиться в распоряжение начальника дивизии. Я меньше всего думал о работе обязательно в должности командира полка. Меня больше привлекала уже знакомая работа в должности помкомполка

или комбата. Поэтому я упросил комбрига послать меня на одну из этих должностей у себя в бригаде и в результате стал помощником командира 429-го стрелкового полка.

До середины августа наша дивизия находилась в районе Вильно, неся гарнизонную службу. Полк произвел на меня, особенно в политико-моральном отношении, очень хорошее впечатление. Он был укомплектован в основном уже побывавшими в боях красноармейцами или прошедшими подготовку в запасных частях. Отличные отношения установились у меня с командованием полка, в том числе и с самим командиром товарищем Дрейвичем (хотя в бригаде меня предупреждали о его нелегком характере). Партийная организация полка была боевой, сплоченной. Это меня более всего радовало. Даже короткий опыт службы в рядах РККА убедил меня в том, что наличие в воинской части сильной большевистской организации – серьезный залог успеха во всех ее делах.

Западный фронт к тому времени успел пожать радостные плоды июльских побед и не менее горькие плоды августовских разочарований. Красная Армия дошла до Варшавы, но там была остановлена. Истощенная 500-километровым переходом, понесшая в непрерывных сражениях большие потери, оторвавшаяся от баз, лишенная снабжения пополнением и боеприпасами, она наткнулась на превосходящие силы пилсудчиков, опиравшихся на техническую мощь Антанты. А затем произошло то, что буржуазная печать окрестила «чудом на Висле», – отход наших войск. Отрезанная от соседей и обессиленная 4-я армия, с 3-м конным корпусом, смогла уйти только в сторону Восточной Пруссии, перешла немецкую границу и была интернирована. 3-я и 15-я армии в трудных условиях отступали, первая – к Гродно, вторая – к Волковыску. Сюда-то и направили нашу дивизию. Она должна была задержать наступавшего врага, помочь соединениям 15-й армии.

Через Волковыск, куда мы прибыли 18 августа, тянулись тылы отходивших войск: обозы, артиллерийские парки, кухни. Порою попадались разрозненные группы бойцов. На них было больно смотреть. Почерневшие, изможденные, многие в кровавых повязках, они хмуρο шагали по обочине дороги. Юго-западнее Волковыска мы встретились с врагом, стремившимся развить свой успех. Сбив с позиции заслоны, выставленные 15-й армией, он ворвался в Пружаны и Беловежскую пушу. Наш полк принял удар белопольских войск в районе Свислочи. В результате упорного боя 48-я дивизия отбросила противника, захватила пленных, трофеи и заняла оборону на подходе к Беловежской пуше. Где-то здесь находился созданный из белорусских крестьян партизанский отряд Рубо, но установить с ним контакт мы никак не могли. Форсировав реку Нарев, 429-й полк в течение двух недель с переменным успехом сражался с белополяками.

Нашим левым соседом был 427-й полк. Однажды противнику удалось прорвать его фронт. Чтобы обезопасить фланг, командир 429-го полка Дрейвич решил использовать находившийся в резерве второй стрелковый батальон и контратаковать врага. Атака оказалась успешной, белополяки отступили, а за открытым флангом полка мы сумели создать заслон. Я командовал вторым батальоном. Попытки установить связь с 427-м полком оказались тщетными. Из сообщений отдельных бойцов этого полка, отошедших во время боя в наш район обороны, выяснилось, что их полк, понесшая потери, в беспорядке отступил.

Вечером того же дня Дрейвич вызвал меня в штаб и вручил телефонограмму от командира бригады Калнина, в которой тот обязывал меня немедленно вступить в командование 427-м стрелковым полком, и уже к утру во что бы то ни стало восстановить утраченное им положение. Связавшись по телефону с комбригом, я доложил ему о получении приказа. На мой вопрос, где можно найти 427-й полк, его штаб и прежнего командира, комбриг назвал район, фактически занимаемый тем самым батальоном, из которого я только что прибыл. Описав истинную обстановку на этом участке, я посоветовал срочно выдвинуть в район прорыва из бригадного резерва 428-й стрелковый полк и попросил дать мне хотя бы одну ночь на сбор

и приведение в порядок 427-го полка, оказав при этом помощь в людях. В ответ последовал приказ немедленно явиться в штаб бригады, расположенный в деревне Вейки.

В штабе комбриг в категорической форме повторил прежний приказ. Я доложил, что при всем желании выполнить этот приказ не смогу. Меня тут же взяли под стражу и направили в ревтрибунал, находившийся в Волковыске. Не успели мы отойти версты четыре, меня вернули в штаб бригады и вновь повторили приказ. Я ответил, что по-прежнему считаю его невыполнимым. Мне немедленно вручили письменное предписание, согласно которому «за саботаж и нелепую трусость» я смещался с должности помкомполка-429 и назначался командиром взвода в одну из стрелковых рот того же полка. С этим предписанием я и возвратился к крайне удивленным, и взволнованным всем происшедшим, командиру и военкому 429-го полка, а от них, несмотря на их настойчивое предложение переночевать с ними, отправился в свой взвод шестой роты того самого второго батальона, с которым был вместе в бою весь минувший день. Сложны порой военные пути и перепутья...

Глубокой ночью я нашел роту как раз на том рубеже, где оставил ее днем. Взвод, в командование которым я вступил, занимал оборонительную позицию на открытом фланге полка. Вскоре к нему примкнули подразделения 428-го полка, только что выдвинутого по приказанию комбрига из резерва (об этом я и просил его). А через несколько дней упорных боев, когда я успел уже оценить ни с чем не сравнимую стойкость и мужество бойцов своего взвода, пришел приказ начальника 48-й дивизии прибыть в его распоряжение. В штабе начальник дивизии Е. В. Баранович и военный комиссар Индриксон объявили мне, что в результате тщательного расследования, проведенного партийными и следственными органами дивизии, предъявленное мне командованием бригады обвинение совершенно не подтвердилось. Отзывы командования и парторганизаций 96-го и 429-го стрелковых полков обо мне вполне положительные. Командование и политотдел 11-й стрелковой дивизии сообщили, что за успешные и умелые действия в боях на реке Шоша в начале июля 1920 года был поставлен вопрос о представлении меня к ордену Красного Знамени. Приказ комбрига был отменен, а меня, с согласия командарма А. И. Корка, назначили временно, впредь до освобождения должности комполка, командиром формировавшегося отдельного батальона нашей же дивизии.

Во второй половине сентября 48-я дивизия продолжала, как и весь Западный фронт, отход на восток, оказывая врагу ожесточенное сопротивление. Наш отдельный батальон постоянно участвовал в отражении атак противника. Трудные часы пришлось всем нам пережить 23 сентября, когда была прорвана оборона 144-й стрелковой бригады и под угрозой оказались тылы 143-й бригады. Ей пришлось пробиваться через белопольские цепи, а затем быстро отступать на Слоним и далее, по Барановичскому шоссе. Селения Новая Мышь, Барановичи, Несвиж, Копыль, Слуцк – вот вехи нашего почти непрерывного отхода. Здесь, по болотистым чащобам вдоль рек Лань, Морочь и Случь, где в крохотных деревушках жили «забытые богом» полешуки, людям порою легче было пробираться, чем лошадям. Не раз мы попадали в ловушку, из которой, казалось, не было видимого выхода. Выручали крестьяне-бедняки, указывавшие нам скрытый от глаз брод. Богатые же ехидничали: «Панове-товарищи, созывайте рынок, продавайте лошадей!».

Однако истощенная войной буржуазно-помещичья Польша вынуждена была отказаться от своих захватнических планов и пойти на заключение мира. По предварительным условиям, подписанным в октябре 1920 года в Риге, оказалось, что граница между Польшей и РСФСР проходила примерно в 50–100 км западнее той, которую Советское правительство предлагало весной 1920 года, до начала белополяками военных действий. Так была наказана агрессия. Поэтому объективным результатом этой кампании, указывал В. И. Ленин, следует считать поражение врага и победу Советской России³.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 347.

Боевые действия на фронте прекратились в ночь на 19 октября. 48-я дивизия, стоявшая неподалеку от Бобруйска в армейском резерве, контролировала коридор между Днепром и Березиной: выдвигала осведомительные посты, вела разведку, ставила секретные дозоры. Это было необходимо, поскольку противник, прекратив официально военные действия, тайно поддерживал различные бандитские группы, засланные им на территорию Центральной Белоруссии. Наиболее опасной из них была так называемая «Народная добровольческая армия Белоруссии» Булак-Балаховича, а также «Крестьянская бригада» атамана Искры. С. Н. Булак-Балахович, в прошлом штабс-ротмистр, еще до революции отличался авантюристическими наклонностями. Вступив в 1918 году в Красную Армию, он с самого начала замышлял измену, и, сформировав кавалерийскую часть в районе города Луга, вскоре переметнулся к белогвардейцам.

В октябре отряды Булак-Балаховича находились где-то возле Турова, а с ноября он осуществлял бандитские операции в направлении на Мозырь и, используя временную разбросанность частей Красной Армии после войны, захватил этот город. Его «батальоны смерти» действительно сеяли смерть. Они убивали советских и партийных работников. Преследуя врага, мы шли по кровавым следам в буквальном смысле слова. Почувствовав, что регулярные части Красной Армии наступают ему на хвост, «начальник Белорусского государства» (как он громко именовал себя) разделил свои силы, бросив одну колонну на Жлобин, а другую – на Речицу. 16 ноября он был настигнут и разгромлен. Тут булаковцы рассеялись и стали искать спасения небольшими группками в глухих местах Полесья. К сожалению, схватить главаря не удалось, и он ускользнул за границу. В одном из боев с его шайками пал геройской смертью комбриг-143 Оскар Калнин. У меня, несмотря на былое недоразумение, установились с ним дружественные отношения, и я, как и все товарищи, тяжело переживал эту утрату. Он был моим одноклассником, жизнь его только начиналась. И даже за эту короткую жизнь О. Ю. Калнин успел многое сделать для Советской власти...

Завершая свой рассказ о борьбе с интервенцией, хочу сказать несколько слов о тех, кто учил меня мужеству, не бояться правды, хотя бы самой суровой, глядеть ей смело в глаза, быть всегда с народом и непреклонно отстаивать честь Советской Отчизны, – о коммунистах, моих сослуживцах тех лет. Многих из тех, кто были моими наставниками и учителями в то сложное время, давно уже нет в живых. Но память о них всегда оставалась для меня священной. Какие бы посты я ни занимал, я стремился быть достойным тех, кто помог мне связать свою судьбу с делом нашей партии, занять свое место в строю военнослужащих Советского государства. Вечно буду помнить Михаила Васильевича Медведева, ефремовского уездвоенкома. Всю гражданскую войну он был начальником снабжения 48-й стрелковой дивизии, а затем долгое время начальником управления по снабжению горючим в Наркомате обороны.

Большую науку я прошел у К. Ф. Комина, военкома 4-го запасного батальона, у Жестяникова, военкома 96-го стрелкового полка, у Индриксона, военкома 48-й дивизии. Помню и многих других, кто своим примером, добрым словом и советом помогал мне идти по пути красных командиров.

Полковой опыт

В борьбе с бандитскими отрядами – Через Самару в Тверь. – Во всех полках по очереди. – О Московском военном округе. – Армия учится. – Что такое «терсистема». – Однополчане. – Памятное посещение

В ноябре 1920 года нашу 48-ю стрелковую дивизию передислоцировали в Смоленскую губернию. Там на отдельный батальон, которым я командовал, возложили демобилизацию и отправку по домам военнослужащих старших возрастов. После этого батальон расформировался. Меня назначили помощником командира 424-го полка 142-й стрелковой бригады.

С начала 1921 года части 48-й дивизии, уже имевшие некоторый опыт борьбы с бандитизмом, перебросили в Самарскую губернию, где все еще орудовали бандиты. Командование Заволжского военного округа поручило нам как можно скорее очистить местные уезды от небольших, но очень злобных вооруженных кулацких шаек. Порою через губернию, спасаясь от преследования, проходили «транзитом» и крупные бандитские отряды. Они грабили, убивали, жгли... Зимой 1921 года с волжского Правобережья в губернию прорвался отряд бывшего генерала Попова численностью в 1 тыс. штыков. К апрелю он был разбит, но в мае в Пугачевском уезде появились конные группы Аистова, Сафонкина и Сарафанкина (всего до 200 сабель), потом Пятакова, а в Новоузенском уезде возникла конная банда Серова в 500 сабель. В борьбе с бандами, проходившей в целом успешно, были потери и с нашей стороны. В одной из операций погиб мой друг, общий любимец, Константин Комин. Разве я думал, прощаясь с ним накануне, что уже никогда мне не суждено будет встретиться с этим полным сил и энергии боевым товарищем, что для него путь в Самарские степи окажется последним? Это была одна из самых горьких для меня утрат среди всех тех, которые я пережил в годы гражданской войны.

К августу банды были истреблены или рассеяны. Голод, охвативший Поволжье, заставил Реввоенсовет Республики перевести отсюда ряд воинских частей. Кроме того, началось послевоенное распределение соединений Красной Армии по местам постоянной службы. 48-ю стрелковую дивизию включили в состав столичного военного округа, а местом ее пребывания определили Тверскую губернию. В частности, 424-й полк во главе с В. И. Бахаревым попал в Ржев, и я снова увидел волжское раздолье, только уже в верховьях великой реки. На меня повеяло ранней юностью: такой же примерно, как Кинешма, город, разве что побольше; схожие по типу фабричные заведения, в основном льнотрепальни и пенькопрядильни. Жизнь здесь, как и повсюду, шла по новым рельсам, определялась грандиозными событиями социалистической революции и гражданской войны.

Неся гарнизонную службу, наш полк активно включился в быт тружеников окрестных деревень. Мы помогали убирать урожай, участвовали в работе продналоговых органов. А мне вскоре пришлось заняться новым для меня делом. В связи с болезнью начальника штаба 142-й бригады Овечкина я вступил в исполнение его обязанностей. Это был у меня, строевого командира, первый опыт штабной деятельности, пока еще очень скромный. И, конечно, я и в мыслях не держал тогда, что со временем дойду до высоких штабных должностей.

В 1922 году началась крупная перестройка РККА. Во всех стрелковых дивизиях упразднились бригады. Теперь дивизии внутренних округов состояли каждая из трех стрелковых полков, дивизионной школы младших командиров и различных подразделений с вдвое уменьшенной численностью бойцов. Новый шаг был сделан в 1923 году, когда утвердили единый штат стрелковой дивизии (15,3 тыс. человек, 156 пулеметов, 24 орудия), а также ввели в РККА стрелковые корпуса как высшие тактические соединения сухопутных войск. Параллельно шла массовая демобилизация. При расформировании соединения сливались. Бригада, преобразуясь в полк, а полки в батальоны, передавали им свои номера.

В нашей 48-й дивизии, которая получила двойное наименование (по месту нахождения штаба стала называться Тверской, а по месту расположения ряда служб – Кашинской), оказались 142-й, 143-й и 144-й стрелковые полки, один артиллерийский полк и один кавалерийский (вскоре направленный в Туркестан на борьбу с басмачами), а также различные спецчасти и подразделения обслуживания. 144-й полк, ставший затем Кимрским, а еще позднее – Вышневолоцким, некоторое время находился в Москве, прочие же части сразу разместились в Тверской губернии. Поскольку наша бригада превратилась в полк, произошли очередные перемещения в комсоставе. Меня опять назначили помощником комполка, а когда наш командир В. И. Калинин уехал на учебу, я вступил во временное командование 142-м стрелковым полком. Между прочим, в дальнейшем мне пришлось в течение десяти лет поочередно командовать всеми полками нашей дивизии, и, могу по совести сказать, что «полковой опыт» я приобрел изрядный.

Кажется полезным упомянуть здесь о том, что же представлял тогда собой Московский военный округ, служить в котором нам выпала честь. Не касаясь столичного гарнизона, скажу лишь о губернских воинских соединениях. Округ охватывал 16 губерний. На их территории дислоцировались в 1922 году шесть стрелковых дивизий, две отдельные стрелковые бригады, авиаотряды, бронечасты, артиллерийские, инженерные, связи и другие отдельные части, а также специальные учреждения и разнообразные склады. В 1923 году округу добавили 1-ю отдельную особую кавбригаду, а в 1924 году – 14-ю (позднее 10-ю) Майкопскую кавдивизию. Эти соединения входили в корпуса. Когда в 1923 году в округе прибавился 10-й стрелковый корпус под командованием героя Октябрьской революции и гражданской войны П. Е. Дыбенко, прежнее подчинение соединений изменилось не сразу: в 3-м стрелковом корпусе (командир – опытный боевой военачальник В. Ф. Грушецкий) были 6-я Орловская, 17-я Нижегородская и 19-я Воронежская стрелковые дивизии; во 2-м – 14-я Московская, 18-я Ярославская и 48-я Тверская.

Нашим корпусом тогда командовал Д. Н. Надежный. Во время гражданской войны он командовал Северным и Западным фронтами, а потом был инспектором пехоты РККА. Его огромный опыт и широкие познания имели большое значение для упорядочения, и совершенствования службы подчиненных ему соединений. Не занимать умения было и окружному начальству. Войсками МВО в 1921–1924 годах командовал Н. И. Муралов, начальником штаба был М. И. Алафузо, а начальниками политического управления – последовательно И. В. Валентинов-Бойков, Б. А. Бреслав и П. И. Павловский. Судьба их несхожа, но никому из них нельзя было отказать в высоких деловых качествах.

Большинство командиров и политработников в своем 142-м стрелковом полку я знал давно и неплохо. Полк вырос из Богородицкого отряда Тульского укрепленного района. Когда Тульская дивизия стала 48-й, полк получил номер 425. В ее составе он прошел через сражения на Западном фронте, а теперь, как и вся армия, приступил к повседневной боевой и политической учебе в условиях мирной жизни. Над ним шефствовал Тверской уездный исполнительный комитет. Вскоре после того, как я принял полковые дела, нашей воинской части довелось пройти серьезное испытание, готовясь к сентябрьским маневрам. Это были первые в стране после гражданской войны двусторонние маневры всех родов войск, а также частей ГПУ и ЧОН. Они состоялись в присутствии главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменева и первого помощника начальника Штаба РККА Б. М. Шапошникова.

Развитию военного дела уже и в ту пору придавалось большое значение. Все отлично осознавали, что мы не имеем права отставать от армий империалистических государств, а потому каждый из нас работал, насколько хватало сил и знаний. Менялось в армии и вооружение, правда, не такими быстрыми темпами, как хотелось бы. В 1922 году началось формирование так называемых показательных рот, вооруженных автоматическими винтовками. В этой связи мы поставили перед полком задачу глубоко изучить новые огневые средства, овладеть и новыми

приемами ведения боя с тем, чтобы перейти от линейной тактики к групповой. Накопленный опыт должен был передаваться другим подразделениям полка. К сожалению, на той стадии из-за недостатка нового вооружения делать это было почти невозможно. Поэтому всех поступавших в полк (согласно декрету от 28 сентября 1922 года об обязательной воинской повинности граждан РСФСР трудового происхождения) мы вынуждены были вооружать и обучать в основном по-прежнему. Большинство их было малограмотными или вовсе неграмотными, так что во всех частях, помимо чисто военных и политических занятий, приходилось организовывать обучение русскому языку, арифметике и географии. Таким образом, Красная Армия становилась одновременно и массовой школой ускоренной ликвидации безграмотности.

Из крупных учебных мероприятий 1922 года запомнились мне интересно проведенные зимой под Судогодой окружные маневры всех разведывательных команд войск округа, поставленных на лыжи. На двусторонних маневрах отрабатывался встречный марш в зимних условиях. Командование отрядом разведчиков от частей и соединений 2-го стрелкового корпуса было возложено на меня. Одну из сторон на этих оригинальных и поучительных маневрах возглавлял командир 2-го стрелкового корпуса Д. Н. Надежный, а другую – командир 3-го стрелкового корпуса В. Ф. Грушецкий.

Лыжной подготовке в войсках уделялось тогда большое внимание. Неплохо была поставлена она и у нас, в 142-м полку. Об этом говорят хотя бы такие факты. Отлично был проведен зимой 1923 года, в процессе подготовки к окружным соревнованиям, лыжный пробег полковой команды по маршруту Клин – Тверь. На окружных соревнованиях по маршруту Тверь – Москва, в которых принимало участие 35 лыжных команд, отряд нашего полка занял третье место, а начальник команды, командир роты Врунов, был награжден серебряной медалью.

Серьезное внимание уделялось в полку и другим видам физкультуры и спорта. Мы использовали для этой цели и внеурочное время, стремясь привить любовь к спорту всем военнослужащим и всячески поощряя отличившихся. Отрадно было видеть, как бойцы бегают взапуски по плацу, штурмуют спортивный городок, кидают в состязании на дальность броска учебную гранату или подтягиваются на турнике. На глазах менялся облик новобранцев. Чем выносливее становились они на учениях и маневрах, тем строже делалась выправка.

В 1922 году на дивизионных состязаниях по легкой атлетике команда 142-го полка завоевала семь призов из 77. В 1923 году полк в составе дивизии, наряду с другими в округе, отбывал лагерный сбор в Москве на Ходынском поле. 17 июня впервые в округе проводились соревнования команд на 10-километровый пробег по пересеченной местности с полной походной выкладкой. Посмотреть соревнования собрались тысячи москвичей. Все с нетерпением ожидали результатов. Каково же было наше ликование, когда победу одержала команда нашего 142-го стрелкового полка. Под гром аплодисментов ей торжественно был вручен переходящий приз.

Не нужно думать, что нам сопутствовали только успехи. Трудностей у нас было не меньше. Страна только-только приступала к восстановлению хозяйства, вконец подорванного гражданской войной и интервенцией. Когда весной 1923 года полк прибыл в московские Октябрьские лагеря, нам дали дополнительную, очень чувствительную, нагрузку по несению гарнизонной службы. Немало неудобств создавала неустроенность красноармейского быта. Материальное обеспечение было пока недостаточное. Не хватало обмундирования и обуви. Текущее красноармейского состава затрудняла налаживание планов военно-учебной подготовки. Но весь начальствующий состав, в том числе наши семьи, не покладая рук работали, чтобы преодолеть все эти трудности, и добивались определенных успехов.

В сентябре 1923 года наш полк в составе дивизии принимал участие в окружных маневрах под Коломной и получил от окружного командования хорошую оценку. Рабочие предприятий Бронницкого уезда вручили политотделу дивизии почетное Красное знамя, которое было передано на хранение в 142-й стрелковый полк, как в передовую часть, 48-й дивизии.

В 1923 году было принято решение о переводе ряда дивизий на территориально-милиционную систему. До этого в РККА имелась лишь одна милиционная бригада в Петроградском военном округе. В начале года на эту систему было переведено 10 кадровых дивизий, в том числе две в МВО – 18-я Ярославская и 19-я Воронежская, а во второй половине 1923 года к ним прибавилось дополнительно еще 16 дивизий, из них четыре в МВО – 17-я Нижегородская, 14-я Московская, 81-я Калужская и 84-я Тульская. При резком сокращении государственного военного бюджета оставшиеся в частях кадры должны были обучать и призывников, и обеспечить на случай войны быстрое развертывание соединений до штатов военного времени. Первые сборы переменного состава РККА состоялись осенью 1923 года.

Местом комплектования нашей 48-й стрелковой дивизии была определена в 1924 году Тверская губерния. Каждый стрелковый полк получил свой территориальный район, из ресурсов которого к полку приписывали военнообязанных переменного состава из пяти наиболее молодых возрастов. Спецчасти, а также отдельные подразделения, укомплектовывались из всего дивизионного района путем персонального отбора и приписки военнообязанных через уездные военкоматы. Для руководства работой уездвоенкоматов при дивизии создали территориальное управление. Каждый батальон в полку и рота в батальоне, в свою очередь, имели собственные районы комплектования. Командный и политический состав этих подразделений нес ответственность за мобилизационную готовность и военную подготовку приписанных к ним военнослужащих.

Приписной состав территориальных частей проходил военную подготовку на учебных сборах. В год призыва военнообязанные усваивали курс допризывного обучения по военной, политической и физической подготовке. Учеба шла в местных районах в специальных пунктах, оборудованных заботами командования полка, батальонов, рот, а также местных партийных, советских и общественных организаций. К началу обучения (как правило, в зимний период) командный состав подразделений прибывал в районы. Туда же из полка направлялись все необходимое боевое и учебное оружие, приборы и пособия. Будущие призывники считались военнослужащими, размещались казарменно в общежитиях, подчинялись всем требованиям воинских уставов.

В первый год службы молодые призывники привлекались для прохождения трехмесячного (май – июль) сбора, а каждый год из последующих четырех – на осенние месячные общие сборы всего переменного состава, приписанного к полку. На время сборов территориальные части получали полностью все, что полагалось им по штатам военного времени: оружие, боевую технику, транспорт и имущество. Общие сборы приписного состава, как правило, заканчивались дивизионными учениями или участием дивизий на корпусных либо окружных маневрах. Общая продолжительность обучения рядового состава в стрелковом полку, не считая трехнедельного срока допризывной подготовки, составляла, таким образом, около семи месяцев.

Хотя в целом по качеству боевой подготовки территориальные части, особенно специалисты, уступали кадровым частям, но, как свидетельствовали итоги ежегодных инспекторских смотров, войсковых учений и маневров, боеспособность этих частей по тому времени могла считаться все же вполне удовлетворительной. Большой вред армии нанесла антипартийная деятельность Троцкого. ЦК партии принял решение создать комиссию для изучения боеспособности войск. Обследовав состояние вооруженных сил страны, она в начале 1924 года отметила ряд серьезнейших недостатков и подчеркнула необходимость резко повысить боеспособность Красной Армии.

Совершенно ясно, что терпеть такое положение было нельзя. Великий Ленин учил, что «всякая революция тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». И Коммунистическая партия на протяжении всего своего славного и сложнейшего пути стремилась и стремится как можно лучше выполнить этот важнейший для Страны Советов, для тружеников всего мира,

завет своего вождя. И вот на февральском пленуме ЦК партии 1924 года было принято решение о радикальном обновлении военного руководства и о проведении коренных преобразований в РККА. Партия отлично понимала, что, окруженная врагами, наша страна построит социализм только в том случае, если, как это и завещал Ленин, Красная Армия будет могучей, боеспособной силой.

Уже в марте был утвержден новый состав Реввоенсовета СССР, после чего и началась военная реформа в полном смысле слова. Она включила в себя ряд крупных мероприятий, действительно позволивших повысить боеготовность Советских Вооруженных Сил и подвести их к тому новому рубежу, который определился в связи с переходом СССР к индустриализации. Серьезное внимание было уделено переподготовке командных кадров. Так, шагая от этапа к этапу, росла и развивалась наша славная Красная Армия. Она никогда не стояла на месте, шла все время вперед вместе со всей страной, успешно строившей социалистическое общество.

В 1924 году – первом году военной реформы – я возглавлял дивизионную школу младшего командного состава. Мне тогда пришлось не только руководить подготовкой для нашей дивизии этих первых помощников среднего комсостава и непосредственных начальников рядовых красноармейцев, но и думать о том, как учитывать в работе школы все то новое, что вытекало из осуществлявшейся военной реформы. В частности, необходимо было внести изменения, связанные с переменами в структуре подразделений и частей. В стрелковом взводе было теперь три отделения, три ручных пулемета и один станковый; в роте – три стрелковых взвода и взвод станковых пулеметов; в батальоне – три стрелковые роты и рота станковых пулеметов; в полку появилась 6-орудийная батарея полковой артиллерии; легкий артполк дивизии состоял теперь из 3-батарейного легкого артдивизиона и 2-батарейного гаубичного дивизиона и т. д. Затем начали вводиться новые воинские уставы и наставления.

За этими повседневными учебными заботами и застал меня внезапный вызов в Военную академию РККА (ныне Военная академия имени М. В. Фрунзе) для сдачи вступительных экзаменов. Вызов был неожиданным не только для меня, но и для командования дивизии. Я попросил командование не посылать меня в академию, так как чувствовал себя неподготовленным. Однако Главное управление кадров Красной Армии на запрос комдива И. Ф. Максимова подтвердило вызов. По прибытии в академию я подал на имя председателя приемной комиссии заявление с просьбой вернуть меня в дивизию. Меня вызвали к заместителю председателя комиссии. И кого же я увидел? Им оказался

М. Л. Ткачев. Я хорошо знал его. Он стажировался в нашей дивизии, будучи слушателем академии, а теперь работал в аппарате Главного управления кадров Наркомата по военным и морским делам. Ему-то, как выяснилось, я и обязан был вызовом. Встретились мы дружески. Однако все попытки со стороны Ткачева уговорить меня держать немедленно экзамены ни к чему не привели. Я вернулся в дивизию.

С декабря 1924 года, после ликвидации дивизионной школы, я в течение четырех лет с перерывом командовал 143-м стрелковым полком, который с переходом 48-й дивизии на территориальную систему был передислоцирован из Серпухова в Тверь, а 142-й полк – из Твери в Ржев, где находился один из его батальонов. Командир 143-го полка Миловзоров был переведен в Москву, в войска ЧОН, а меня назначили на его место. Впрочем, большинство начсостава в новом для меня полку было мне хорошо знакомо по службе в дивизии.

Нашей дивизией после гражданской войны командовал по-прежнему Е. В. Баранович. В 1922 году его сменил Степан Михайлович Серышев. Один из создателей Народно-революционной армии Дальневосточной республики, он ушел от нас на должность помощника командира корпуса, служил затем военным атташе в Японии и, в течение пяти месяцев, вплоть до своей безвременной кончины в 1928 году, работал первым начальником Центрального дома РККА. После него дивизию принял герой гражданской войны, бывший командир 15-й Сивашской дивизии И. И. Радмец. С конца 1925 и по 1928 год включительно дивизией командовал И.

Ф. Максимов, ставший затем начальником Военно-топографического управления Наркомата по военным и морским делам. До 1931 года его командовал бывший начальник пограничных войск Союза, большевик с дореволюционным стажем товарищ Угрюмов. Начальником штаба 48-й дивизии за это время последовательно были весьма опытные, авторитетные и уважаемые товарищи П. Н. Алексеев и А. В. Петров. В 1925 году на должность заместителя начальника штаба дивизии прибыл М. А. Пуркаев, ставший в 1928 году начальником штаба. В 1930 году он был переведен заместителем начальника штаба МВО. Особую известность и авторитет приобрел он в годы Великой Отечественной войны, возглавляя штаб фронта, командуя войсками 3-й ударной армии, Калининского и 2-го Дальневосточного фронтов. Это был отлично подготовленный, с огромным практическим опытом командно-штабной службы военачальник и хороший товарищ. Установившиеся между нами еще в дивизии дружеские, самые сердечные отношения, сохранились вплоть до последних дней его жизни.

В период моего командования 143-м стрелковым полком войсками 2-го стрелкового корпуса последовательно командовали известные в Вооруженных Силах и в стране герои гражданской войны Иван Панфилович Белов, Витовт Казимирович Путна, Иван Федорович Федько. В 1924 году сменилось и руководство военного округа. Войсками Московского военного округа стал командовать видный деятель Коммунистической партии, один из героев гражданской войны К. Е. Ворошилов. Климент Ефремович командовал войсками нашего округа в 1924–1925 годах, до момента вступления на пост Наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР. Помощником его, а затем командующим войсками округа, был известный военный деятель Георгий Дмитриевич Базилевич, политическое управление возглавлял опытейший политработник, разносторонний по способностям и деятельности командир, комиссар и кадровик Антон Степанович Булин; штабом округа руководил до конца 1928 года опытный штабной работник, отлично знавший военное дело, весьма оригинальный по своему характеру Алексей Макарович Перемытов.

В Краснознаменном 143-м полку я с первых же дней встретил приветливое и теплое отношение со стороны командно-политического состава и партийной организации, и вскоре мы работали очень дружно, как говорится, рука об руку. Зимой основное внимание уделялось подготовке начальствующего состава. Главные военные занятия вел я. Немало времени отнимало у нас строительство новых гарнизонных лагерей на отведенном для них земельном участке в 25 км от города, в районе бывшей усадьбы «Сахарово», принадлежавшей когда-то генерал-фельдмаршалу Гурко. Но занимались мы хозяйственными делами не в ущерб боевой и политической подготовке.

В начале июня 1924 года после выхода в лагеря мы узнали, что вскоре Тверь и нашу дивизию посетит командующий войсками округа К. Е. Ворошилов. Полк проводил тогда обычные трехмесячные сборы новобранцев. Командующий прибыл в Тверь из Вышнего Волочка, где проводил проверку 144-го стрелкового полка. Поскольку я тогда впервые встретился и познакомился с Климентом Ефремовичем, мне хочется остановиться на этом эпизоде поподробнее.

Старый член партии, К. Е. Ворошилов не мыслил своей деятельности без общения с местной парторганизацией, с трудящимися, особенно с рабочими людьми. Поэтому первым его шагом по приезде стала встреча с активом горкома партии и горисполкома, с тружениками вагоностроительного завода и текстильной фабрики «Пролетарка». Затем последовали беседы с командованием дивизии и двухдневное детальное ознакомление с нашим полком, ходом боевой и политической подготовки, состоянием дисциплины, материальным обеспечением и хозяйством. Вместе с командующим этой работой занималась большая группа начсостава из управления и штаба округа.

В первый же вечер я представил через дивизионное руководство подробный план занятий полковых подразделений на все ближайшие дни и получил указание встретить командующего

в 9 часов утра на полковом стрельбище, куда он прибудет в сопровождении комдива. По плану боевой подготовки в тот день проводил стрельбы второй батальон.

Батальон отрабатывал одно из начальных упражнений по стрельбе из винтовки. Ворошилов, вместе с сопровождавшим его известным в Красной Армии специалистом стрелкового дела С. И. Шестаковым, проверил подготовку к стрельбе очередной смены и ход самой стрельбы. Запретив отмечать на мишенях пулевые пробоины, он пошел к мишеням и тщательно осмотрел каждую из них. Туда же подвели бойцов стрелявшей смены. Каждый боец, встав у своей мишени, докладывал командующему о результатах. В целом они были хорошими, но один боец ни разу не попал в мишень. На вопрос Ворошилова, почему у него такие плохие результаты, боец ответил: «Винтовка, товарищ командующий, попалась неважная...». Последовал вопрос ко мне: «Проверен ли бой оружия перед его выдачей бойцам?» Я ответил утвердительно и потребовал у командира стрелявшей роты пристрелочную карточку на эту винтовку. Карточка свидетельствовала об отличном бое винтовки. К. Е. Ворошилов, будучи снайпером по стрельбе из всех видов стрелкового оружия, решил сам проверить винтовку и отправился вместе с ее владельцем к прицельному станку. Стрельба со станка подтвердила отменный бой винтовки. Ворошилов не удовлетворился этим и, приказав поставить соответствующую мишень в 300 м от линии огня, произвел стрельбу по ней из положения лежа с руки. Результаты и здесь оказались превосходными. После этого командующий обратился к стрелявшей смене примерно с такими словами: «Товарищи, ваша смена действовала хорошо! Спасибо вам, спасибо вашим командирам за хорошую стрельбу, за хорошую учебу. Но вот товарищ, – он назвал имя незадачливого бойца, – из вашей смены не попал в мишень ни одной пулей. На мой вопрос – почему, ответил, что виновата винтовка. Прошу посмотреть на эти мишени. Да, по-видимому, он теперь и сам убедился, как прекрасно ведет себя в умелых руках эта «неважная» винтовка. Я думаю, что нам следует, прежде всего, напомнить ему старую мудрую русскую пословицу «На зеркало неча пенять...». Порекомендуем ему посерьезнее отнестись к учебе и к концу сбора стать отменным стрелком. Но за то, что он так обидел свою ни в чем не повинную подругу, я вернуть ему ее не могу. Да к тому же ее бой я нахожу даже лучше, чем бой у моей винтовки, в стрельбе из которой я тренируюсь. А потому прошу командира полка подарить и переслать ее мне. Вторая просьба к командиру полка: дать сегодня же бойцу другую, тоже хорошего боя винтовку, а с плохим боем винтовок в вашем полку, как я надеюсь, вообще нет. По окончании летнего сбора сообщите через товарища Шестакова, как закончил «отличившийся» товарищ свою учебу и каких результатов добьется он в стрельбе».

Проверив еще две смены, а затем, ознакомившись с тем, как организованы и проводятся на стрельбищном поле стрелковые занятия в других ротах батальона, К. Е. Ворошилов заявил, что хотел бы побывать на тактических занятиях полка. Узнав, что как раз в те часы подразделения первого и третьего стрелковых батальонов отрабатывали на фоне ротных учений сколачивание отделений и взводов, он попросил провести его на занятия в третью роту. К тактическим занятиям командующий отнесся с большим интересом, задавал много вопросов, сделал полезные предложения по тактике боевых действий, использованию местности, оружия, лопаты, по маскировке, а командному составу – и по методике подготовки занятий. В целом, как он заявил на ротном разборе занятий, организация и проведение занятий его вполне удовлетворили. Остался доволен он подготовкой бойцов и состоянием роты в целом, поблагодарив за это руководившего занятиями помощника командира роты А. Д. Тимофеева и весь личный состав подразделения. Хорошо прошла на следующий день и проверка строевой подготовки полка. Не стану скрывать, что я был горд за свою воинскую часть, за то, что мы не ударили лицом в грязь перед командующим. После этого состоялся митинг. Климент Ефремович в своей речи поблагодарил полк за усердную и успешную работу и пожелал всему его личному составу новых успехов.

Это посещение дивизии и полка командующим войсками округа имело большие положительные последствия. Бойцы долго вспоминали, кому и что он сказал, восхищались его знанием воинского быта. Командование дивизии было довольно тем, что командующий составил себе мнение о 48-й стрелковой дивизии не по одному, 144-му полку, что Тверской гарнизон в целом не уступает соседям.

На пути к реконструкции

«Выстрел». – Где служить? – Борис Михайлович Шапошников. – Так учил И. П. Уборевич. – На промышленную основу. – В. К. Триандафиллов. – Помнить об агрессии. – Вступление в ВКП(б). Прощай, Вышний Волочек!

В 1926 году, будучи командиром 143-го стрелкового полка, я прошел годичное обучение на отделении командиров полков стрелково-тактических курсов «Выстрел». Это – одно из старейших и авторитетнейших учебных заведений Советских Вооруженных Сил. Его роль в подготовке среднего и старшего командного состава была и остается огромной. Всей работе со слушателями здесь был присущ сугубо практический характер. Этот полезный практицизм в определенной мере традиционен. Возникла школа на базе Офицерской стрелковой школы, а та вела свое существование от Учебного пехотного батальона, размещавшегося до революции в Ораниенбауме. Школа «Выстрел» была сформирована в ноябре 1918 года. Ее возглавлял старейший знаток огневого дела, бывший генерал царской армии Н. М. Филатов. Под его руководством с 1919 года в школе работали такие мастера оружейного дела, как В. Г. Федоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев и другие известные создатели оружия для Красной Армии. В 1924 году школа получила название «Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коммунистического Интернационала». Ныне она официально именуется Высшими офицерскими ордена Ленина Краснознаменными курсами «Выстрел» имени Б. М. Шапошникова.

С 1919 года и до 1926 года через курсы прошло 4 тыс. командиров, в том числе 505 командиров полков. За годы Великой Отечественной войны курсы дали Родине более 20 тыс. командиров стрелковых полков, батальонов, рот.

Курсы были укомплектованы на редкость опытными преподавателями. При мне их возглавлял известный по гражданской войне военачальник Григорий Давидович Хаханьян, награжденный тремя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В 1929 году вышла его интереснейшая книга «Основы военной психологии». О разносторонности знаний Г. Д. Хаханьяна может свидетельствовать тот факт, что немалое место в книге занял анализ физиологических основ поведения военнослужащих. Во введении к книге крупный специалист по изучению роли высшей нервной деятельности в трудовых процессах, сотрудник академика И. П. Павлова Ю. П. Фролов, отмечает высокий профессиональный уровень этого анализа. Работа содержала богатый материал по характеристике социальной психологии, видов военного труда, интеллектуальных и биологических основ таких явлений, как страх и паника, и по психологической подготовке армии к боевым действиям со множеством разнообразных, интересно подобранных примеров. На посту начальника курсов Г. Д. Хаханьян проявил также большой талант организатора и педагога.

Нашу подготовку составляли четыре учебных комплекса: тактика, стрелковое дело, методика и обществоведение. Занятиями по тактике руководил сам Г. Д. Хаханьян, а уроки вели В. И. Волков, Н. С. Новиков и Б. И. Рышковский. Мы изучали современный по тому времени бой во всех его разновидностях. В рамках общей тактики проходили специальные дисциплины (артиллерию, военно-инженерное и военно-химическое дело, связь, топографию и устройство тыла). Квалифицированно преподавали серьезные, вдумчивые специалисты: топограф Д. С. Шуваев, военный инженер И. Н. Петров, артиллерист Н. К. Сегеркранц, знаток военной администрации П. И. Миштушкин. Хорошее впечатление производили на слушателей главный руководитель оружейного дела Н. М. Филатов, руководитель стрелкового дела Г. Ф. Морозов и преподаватель огневого дела С. И. Шестаков, а также преподаватели методики обучения войск В. К. Головкин и М. Г. Донченко.

Слушатели хорошо изучили материальную часть оружия, научились управлять огнем подразделений, вести пулеметную стрельбу с закрытых позиций, по воздушным целям, огонь ночью и в дыму. Большое значение придавалось занятиям по обществоведению. Для чтения докладов о международном положении в школу приглашали видных деятелей ВКП(б) и Коминтерна. Нам запомнились яркие доклады участника революционного движения в России и Польше тогдашнего редактора «Красной звезды» Феликса Яковлевича Кона и участника венгерского революционного движения, наркоминдела и наркомвоена Венгерской Советской республики в 1919 году, члена Исполкома Коминтерна Бела Куна.

Вместе со мной в школе учились многие будущие видные военачальники Советской Армии: В. И. Тупиков, Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, С. Г. Трофименко, А. И. Шебунин и другие товарищи. 21 ноября 1958 года в юбилейной газете «Выстрел», выпущенной к 40-летию курсов, я писал: «Курсы «Выстрел», являясь старейшей кузницей офицерских кадров Советской Армии, на всем протяжении своего существования успешно готовили высококвалифицированных офицеров для Вооруженных Сил Союза ССР. Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной Армии». Готов повторить эти слова и сейчас.

Вспоминая школу «Выстрел», я не могу не сказать хотя бы нескольких слов о том чрезвычайно скорбном событии, которое переживали Советская страна и ее Вооруженные Силы, потеряв 31 октября 1925 года председателя Реввоенсовета, народного комиссара по военным и морским делам СССР, кандидата в члены Политбюро ЦК РКП(б) Михаила Васильевича Фрунзе. Вся страна знала Михаила Васильевича как опытного, негибаемого борца-революционера, председателя Иваново-Вознесенского окружного комитета РСДРП, руководившего в 1905 году крупнейшей в России политической стачкой текстильщиков в Иваново-Вознесенске; в период гражданской войны – как крупного полководца-стратега, ведущего подчиненные ему войска от победы к победе, не знавшего поражений, а в послевоенные годы показавшего себя выдающимся государственным деятелем, крупнейшим военным теоретиком. «Подполье, баррикады, камера смертников, каторга, революция, водительство революционных войск и слава великих побед – вот путь товарища Фрунзе!» Так писала «Правда» в печальные дни смерти революционера-полководца. Я лично не имел счастья в годы гражданской войны воевать под непосредственным руководством М. В. Фрунзе. Я видел Михаила Васильевича всего лишь один раз в течение нескольких минут, и те минуты были и останутся для меня незабываемыми, минуты, когда я с глазами, полными слез, вместе с другими слушателями отделения командиров полков школы «Выстрел» был удостоен чести стоять в почетном карауле у гроба покойного полководца.

В августе 1926 года по окончании курсов я вернулся в свой 143-й полк. В то время командующим войсками Московского округа стал Борис Михайлович Шапошников. В своих воспоминаниях я буду много писать об этом необыкновенном человеке. Нам суждено было долго работать вместе. И мне хочется сказать, что немногие люди оказали на меня такое сильное влияние и дали мне так много, как он. Жизнь Б. М. Шапошникова типична для большинства военнослужащих старой армии, сразу же после социалистической революции ставших на сторону народа. 19-летним юношей Б. М. Шапошников поступил в Московское (впоследствии Алексеевское) военное училище и успешно окончил его. После нескольких лет службы в Средней Азии он учился в Академии Генерального штаба. Штабной офицер кавдивизии в годы Первой мировой войны, участник ряда сражений, Б. М. Шапошников незадолго перед Великим Октябрем становится полковником и командует Мингрельским гренадерским полком, а затем, в декабре 1917 года, избирается начальником Кавказской гренадерской дивизии. В мае 1918 года он добровольно вступает в ряды Красной Армии. К этому времени у него за плечами 16 лет военной службы, высшее военное образование, практика работы на различных штабных

и командных должностях, более чем трехлетний опыт войны. Трудно переоценить значение вклада такого высококвалифицированного специалиста в строительство Красной Армии.

Вступив в Красную Армию, Борис Михайлович выполнял ответственную оперативную работу в штабах Высшего военного совета, наркомвоена Украины, а с осени 1919 года – в Полевом штабе РВСР. В грозные дни лета 1918 года, когда белогвардейцы подошли к Волге с востока, и осенью 1919 года, когда войска Деникина подходили к Орлу с юга, спокойное мужество и верность делу революции со стороны Шапошникова были отмечены и по заслугам оценены командованием Красной Армии. В годы гражданской войны Борис Михайлович не только сложился как крупный оперативно-штабной работник, но и проявил талант военного теоретика и публициста. Уже тогда стали известны его работы о боевой подготовке войск, о действиях стратегической конницы, обзоры боевых действий в кампаниях 1919–1920 годов. Обобщение и осмысление боевого опыта стало основной темой его выступлений в печати в первые годы после гражданской войны. Его труды «Конница» и «На Висле» – крупные, интересные научные исследования.

Ответственная работа Б. М. Шапошникова в Штабе РККА в период военной реформы, изучение практики генеральных штабов армий различных стран позволили ему создать обобщающий труд о генеральном штабе. Будучи командующим войсками Ленинградского и Московского военных округов, он упорно работал над вопросами боевой подготовки войск и оперативной подготовки руководящего состава, продолжая свои теоретические исследования. В это же время он написал трехтомный труд «Мозг армии» (первые два тома вышли в 1927 году, последний – в 1929 году).

Книга Б. М. Шапошникова «Мозг армии» знакомит читателя с основными взглядами на характер войны и ее масштабы, дает представление о структуре генерального штаба как органа верховного главнокомандования и о сущности его работы, о требованиях, предъявляемых современной войной к полководцу, к органам оперативного управления и их работникам. Наконец, она знакомит читателя с функциональной деятельностью генерального штаба по подготовке экономики страны к войне. Появление труда «Мозг армии» вызвало живой интерес среди командного состава РККА и нашло широкий отклик на страницах военной печати как у нас в стране, так и за рубежом. Конечно, в 1927 году я, как командир полка, не мог еще оценить в полной мере все богатство содержания труда, оно раскрывалось передо мной постепенно, по мере того, как я рос сам и продвигался от одного рубежа военной службы к другому. Много лет прошло после выхода в свет трех книг «Мозг армии», многое, конечно, за это время изменилось; жизнь внесла немало изменений и в выводы, изложенные в них. Но и сегодня значение труда Б. М. Шапошникова по-прежнему огромно...

Командный состав в те годы напряженно работал над освоением «Боевого устава пехоты». Армия оснащалась новым оружием – пулеметами отечественного производства, полковой пушкой образца 1927 года. В июне 1928 года были проведены опытная мобилизация, а затем тактические учения 48-й стрелковой дивизии в районе города Торжка. Вскрылись как сильные, так и слабые стороны боевой и мобилизационной готовности соединения, его возможности выполнять «Наставление по войсковой мобилизации», незадолго до того разработанное Штабом РККА. Непосредственно перед опытной мобилизацией нашу дивизию и 143-й стрелковый полк проинспектировал первый заместитель начальника штаба МВО К. А. Мерецков. Специальную же комиссию, прикрепленную к нашему полку на время мобилизации и учения, возглавлял начальник штаба 2-го стрелкового корпуса М. Л. Ткачев. Помимо руководства, во главе с начальником штаба округа А. М. Перемытовым, за ходом работы на протяжении всей мобилизации наблюдали особая комиссия, руководимая начальником Управления РККА товарищем Левичевым, а также заместитель наркома по военным и морским делам И. С. Уншлихт. Приятно вспомнить, что наше соединение успешно справилось с задачей. Дав хорошую оценку дивизии в целом, инспекторская группа особо выделила 143-й стрелковый полк, его

боевую; мобилизационную подготовку, общее состояние и дисциплинированность. От имени наркома И. С. Уншлихт объявил личному составу нашего полка благодарность.

Вскоре 48-ю стрелковую дивизию посетил новый командующий войсками МВО Иероним Петрович Уборевич. Бывший подпоручик, блестяще проявивший себя в годы гражданской войны как один из способнейших советских военачальников, он обладал уже к 1928 году большим общегосударственным и служебным опытом, являлся мастером организации и проведения боевой, и оперативной подготовки войск. Командному составу Красной Армии были известны его военно-теоретические труды. Это была моя первая встреча с Иеронимом Петровичем.

Мы очень скоро убедились, что в вопросах боевой подготовки войск И. П. Уборевич обращает особое внимание на их умение действовать в условиях, приближенных к боевым. Знакомство с дивизией он начал с изучения уровня военной подготовки командного состава, прежде всего его высшего и старшего звена. За несколько дней своего пребывания в дивизии командующий успел дать нам на решение ряд хотя и коротких, но исключительно интересных и сложных по содержанию тактических и технических задач. Затем состоялось командно-штабное учение в поле со средствами связи, в котором приняли участие командование и штаб дивизии, а также командование и штабы всех ее частей.

Пребывание И. П. Уборевича было полезным. Мы по-новому взглянули на себя, обнаружили серьезные недостатки в нашей боевой и политической подготовке. Командующий показал нам, как и над чем именно надо работать, чтобы в ближайшее же время поднять боеспособность подчиненных нам войск. Следует сказать, что и эта встряска, и те, порою острые, замечания Иеронима Петровича в адрес каждого из нас не обидели и не расстроили командиров, а убедили в необходимости более строго оценивать свою работу, видеть ее перспективу, верить в успех. Дальнейшее показало, что подобная моральная зарядка не только полезна, но иногда бывает крайне необходима.

Месяца через два после этого мне суждено было вновь встретиться с командующим войсками округа. Произошло это в штабе округа. Встрече предшествовали особые обстоятельства, коснувшиеся меня лично, – перевод на должность командира 144-го стрелкового полка нашей же дивизии, дислоцированного в Вышнем Волочке. Полк этот считался в то время наиболее слабым и по дисциплине, и по подготовке. Перевод поразил не только меня, но и весь руководящий состав 143-го полка. Не скрою, воспринял я его с обидой. Во-первых, потому, что мне крайне не хотелось покидать 143-й Краснознаменный полк, считавшийся лучшим в дивизии (за четыре года командования в это было вложено немало и моего труда).

Нелегко было расставаться с командно-политическим составом и парторганизацией полка, с которыми у меня установились отличные взаимоотношения. И еще одно немаловажное обстоятельство беспокоило меня: именно в 143-м полку я собирался осуществить мою давнюю заветную мечту – вступить в Коммунистическую партию.

Перевод в новую часть неизбежно заставлял отложить это решение на неопределенное время. Командир и военком дивизии И. Ф. Максимов сообщил мне, что приказ издан с ведома командования округа. Цель его – в ближайшее же время вывести 144-й стрелковый полк из постоянного прорыва. Видя мое настроение, он порекомендовал мне поехать к И. П. Уборевичу, заверив меня, что переговорит с ним по телефону и постарается поддержать мою просьбу об отмене приказа.

Иероним Петрович принял меня более чем радушно, расспросил о здоровье семьи и о моих планах. Я рассказал, ничего не утаивая. Он уточнил, знаю ли я, по чьей инициативе и в результате чего появился приказ. Услышав утвердительный ответ, И. П. Уборевич сказал следующее (эти слова настолько врезались в мою память, что, по-видимому, я смогу привести их почти дословно):

– Вот вы сказали, что хотите, и, на мой взгляд, вполне достойны того, вступить в ряды партии. Но что же получается? Вопрос о вашем переводе в 144-й стрелковый полк является сугубо партийным делом. Его поставила партийная организация 48-й стрелковой дивизии, и она вместе с командованием была уверена, что вы, опираясь на партийную организацию 144-го полка, сможете вывести его из отстающих. Партийная организация в полку крепкая. Ей необходим лишь хорошо подготовленный, опытный в военном отношении командир. Вы свое дело знаете, любите его. Я уверен, что эта задача, в тех условиях, в которых вам придется трудиться, выполнима. С другой стороны, именно ваша серьезная работа в прошлом заставляет меня, как и вашего комдива, отнестись к вашим претензиям внимательно. Так вот, если вы продолжаете настаивать на том, чтобы остаться в 143-м полку, я готов просить народного комиссара об отмене приказа. Дело теперь за вами.

Мне стало не по себе. Я извинился перед командующим за непростительно отнятое у него время, попросил разрешения немедленно отправиться к месту новой службы и заверил его, что сделаю все от меня зависящее, чтобы оправдать доверие партии и командования. Это было в конце ноября 1928 года. Сумел ли я сдержать свое слово? Моя аттестация от октября 1930 года, утвержденная комвойсками МВО А. И. Корком, дает основание ответить на этот вопрос утвердительно. Должен добавить: сдержать слово мне помогли парторганизация и весь коллектив начальствующего состава 144-го стрелкового полка. Осенью 1930 года на инспекторской дивизионной проверке 144-й стрелковый полк занял в нашей дивизии первое место. Отличную оценку получил он в том же году и на осенних окружных маневрах.

И. П. Уборевич командовал войсками МВО более года, а затем был переведен на другую должность. Правда, мне и позднее не раз приходилось служить под непосредственным руководством этого незабываемого полководца-учителя, крупнейшего специалиста. Его сменил в МВО другой видный полководец гражданской войны – Август Иванович Корк, командовавший армиями, фронтом и военными округами. Начальником Политуправления МВО был тогда известный политработник Василий Гаврилович Володин, а начальником окружного штаба – тоже известный армии по Гражданской войне, опытный оператор, отличный штабной работник, практик и теоретик Евгений Александрович Шиловский.

В округе шли почти непрерывные учения. В марте 1929 года состоялись двусторонние тактические учения: в мае – двухступенная оперативно-тактическая военная игра, в сентябре – окружные маневры; в 1930 году: в январе – двухступенная авиационная оперативная игра по использованию ВВС в армейской наступательной операции, в марте – большие окружные учения, в апреле – артиллерийская оперативная игра с руководящим начсоставом, в июле – авиационные учения, в октябре – новые окружные маневры, а в промежутках – ряд других учебных мероприятий.

Войска округа несли службу уже не в прежних границах. После 1929 года МВО включал Нижегородский край, Московскую, Ивановскую и Центральную Черноземную области.

Техническая реконструкция армии шла в двух направлениях: пехота получала модернизированную винтовку и другое оружие, а наряду с пехотой, конницей, артиллерией стали интенсивнее выделяться в самостоятельный род автобронетанковые войска. Первой такой ласточкой явилась сформированная тогда в РККА механизированная бригада (в дальнейшем имени К. Б. Калиновского), и вскоре на парадах на Красной площади Москвы загрохотали советские танки.

Новое оружие и боевая техника потребовали пересмотра некоторых положений военного искусства. Инициаторами в этом большом деле среди высшего начсостава РККА выступили крупные военные мыслители – М. Н. Тухачевский («Вопросы современной стратегии», 1926 год), А. А. Свечин («Стратегия», 1927 год), А. К. Коленковский («О наступательной операции армии, входящей в состав фронта», 1929 год) и ряд других видных специалистов. Среди них мне хочется выделить В. К. Триандафиллова (его труд «Характер операций современных

армий» наиболее известен в последнем издании, 1932 год). Владимир Кириакович Триандафиллов вступил в командование 2-м стрелковым корпусом МВО в 1928 году. Вышедшая в свет его книга явилась по существу первым трудом, в котором оперативно-стратегические проблемы освещались с учетом последних требований военного искусства.

В. К. Триандафиллов положил начало разработке теории глубокой операции. Эта теория как раз и наметила способы применения войск, оснащенных новейшей боевой техникой. Теория глубокой операции видела полный разгром вражеских сил в одновременном подавлении обороны противника на всю ее глубину. Применением авиации и воздушно-десантных частей обеспечивался быстрый прорыв этой обороны, выход на оперативный простор и во вражеский тыл. В труде В. К. Триандафиллова разрабатывалась тактическая теория общевойскового глубокого боя, преимущественно наступательного.

Нельзя не сказать о В. К. Триандафиллове и как о командире корпуса (в этой должности он стажировался, оставаясь начальником Оперативного управления и заместителем начальника Штаба РККА). Как командир 144-го полка я в течение двух лет фактически едва ли не постоянно учился и работал под его руководством. Всесторонне подготовленный оператор-генштабист, высококлассный методист подготовки командных кадров и штабов, Владимир Кириакович успешно сочетал работу над исследованием и обобщением таких проблем, как характер, и масштаб современной войны в целом, или структура и вооружение Красной Армии, с вопросами, имевшими непосредственное отношение к обучению, и повседневному воспитанию бойцов, к изучению их жизни, и быта. Трудно представить себе человека, который более, чем он, любил свою профессию. В военном деле его интересовало буквально все. В. К. Триандафиллов неизменно был полон бодрости, энергии, творческого энтузиазма. И этот духовный подъем, уверенность в успехе труда заражали подчиненных, все те воинские коллективы, которыми он командовал.

Командир корпуса часто бывал в 144-м стрелковом полку. Те ценные беседы, которые мне приходилось с ним вести, советы и мысли, которыми он охотно делился, свежи в моей памяти и по сей день. Во время его посещений полка и дивизии в летние месяцы, в период лагерной учебы, обязательно проводились длительные, с большим отрывом от лагерей войсковые учения. Шла отработка новых способов и форм ведения современного боя, освоения и использования последних образцов вооружений и боевой техники. Особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в различных видах общевойскового боя, и управлению войсками. Учения проводились, как правило, в интересной по замыслу, сложной и весьма поучительной для войск и командования тактической обстановке.

Много пользы приносили проводившиеся В. К. Триандафилловым перед началом каждого летнего периода сборы командиров и комиссаров полков, батальонов и артдивизионов. На этих сборах мы также занимались отработкой управления войсками в бою с привлечением всех штабов, средств связи, войск (для этой цели использовались полковые школы младшего командного состава, которые сводились на это время в батальоны и полки). На ежедневных учениях командиры и комиссары вместе со своими штабами по очереди управляли войсковыми частями в условиях сложной боевой обстановки. Командир корпуса подводил итоги учения, отмечал положительные и отрицательные стороны, подробно разбирал ошибки, анализировал их причины, и тут же указывал, как надо было в данном случае поступить, и почему. Сборы были очень полезны, давали много нового.

Такая же – с большими или меньшими результатами – учеба проходила в войсках всех военных округов. Это диктовалось международным положением, которое оставалось крайне неблагоприятным, а порою резко обострялось.

Каждый командир, комиссар Красной Армии, знали, что не сегодня, так завтра нам предстоит стать на защиту нашей Родины. И мы учились ежедневно и ежечасно, учились хорошо воевать, бить захватчиков без пощады, отстаивать свои границы.

Партия проводила большую работу по воспитанию личного состава армии и флота в духе советского патриотизма. Помню регулярные «Декады» и «Недели обороны». Особенно запомнилась мне «Оборонная декада» в ноябре 1930 года, приуроченная к 10-летию разгрома Врангеля. Немалую роль в обострении чувства революционной бдительности сыграло опубликованное в газетах «Обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации Союза инженерных организаций» (процесс «Промпартии»). Представители воинских частей, в том числе и нашей, посетили ряд промышленных предприятий, встречались с трудящимися, помогали Осоавиахиму. Рабочие и крестьяне провели массовый субботник, средства от которого пошли в фонд обороны РККА. Военно-Воздушный Флот страны получил десятки самолетов, построенных на добровольные взносы трудящихся.

144-й стрелковый полк, как я отмечал, находился в Вышнем Волочке. Мне очень нравился этот русский городок с его старинными каналами и шлюзами, садами и бульварами. Здесь служилось хорошо. Я старался передать командирам подразделений и красноармейцам все из того, что знал сам, что успел приобрести и осмыслить за 17 лет военной службы, из которых 12 лет в славных рядах РККА, а всего тогда мне было 35 лет. 144-й полк стал мне близким и родным, и я полагал, что надолго. Но командирская доля едва ли не самая переменчивая.

Осенью 1930 года, после больших и удачных для дивизии и нашего полка окружных маневров под Москвой, на которых присутствовали народный комиссар по военным и морским делам, представители ряда военных округов, высших военно-учебных заведений и военные делегации зарубежных стран, В. К. Триандафиллов, прощаясь со мною, сказал, что в интересах дела я в ближайшее время буду, скорее всего, переведен на работу в центральный аппарат наркомата. Весной 1931 года, несмотря на мои просьбы оставить меня в 48-й стрелковой дивизии, приказом наркома меня назначили в формировавшееся в то время Управление боевой подготовки РККА.

В 48-й дивизии я прослужил в общей сложности 12 лет, включая последние годы гражданской войны. На новом месте службы мне, по-видимому, пришлось бы снова отложить решение важного для меня вопроса – вступления в ряды Коммунистической партии. И я подал заявление в партбюро полка о принятии меня кандидатом в члены ВКП(б). Партийное бюро поддержало мою просьбу.

Партийное собрание состоялось в последнее воскресенье перед моим отъездом в Москву. Оно было открытым, и на Ленинской площадке полковой школы младшего командного состава, где оно проходило, собрался почти весь полк. Вряд ли я сумею передать на бумаге все чувства, которые переполняли меня в тот момент. Мои товарищи из числа старшего и среднего командно-политического, младшего начальствующего состава, а также рядовые бойцы очень тепло говорили обо мне, давали высокую оценку моей работе. Я понимал, что их хорошие слова в мой адрес ко многому меня обязывают. Единогласным решением партийного собрания я был принят кандидатом в члены Коммунистической партии. Через несколько дней парткомиссия дивизии утвердила решение и направила его в окружную партийную комиссию. В августе 1931 года его утвердила парткомиссия Московского военного округа, и я стал кандидатом в члены ВКП(б). А 13 декабря 1933 года я, в составе парторганизации Управления боевой подготовки РККА, прошел партийную чистку. Как известно, в связи с чисткой ВКП(б), проходившей тогда, а затем, вследствие проверки и обмена партийных документов, прием в партию с 1933 до конца 1936 года был решением ЦК прекращен.

Мое пребывание кандидатом в члены партии, в связи с этим, несмотря на данные мне положительные служебные аттестации и партийные характеристики, задержалось. Лишь в начале 1938 года открытое партийное собрание Генерального штаба РККА единогласно приняло меня в члены партии. В марте того же года партийная комиссия ПУРККА утвердила это решение.

Я с особым теплом вспоминаю 48-ю дивизию, с которой я распрощался весной 1931 года. Лица моих друзей по дивизии, учителей-командиров и однополчан проходят перед глазами уже подернутые дымкой времени. Неутомимый рационализатор методики боевой подготовки, впоследствии начальник Института рационализации трудовых процессов, командир стрелкового корпуса в Великую Отечественную войну М. И. Запорожченко. Соратник В. И. Чапаева, возглавлявший позднее соединение и объединения РККА, бесстрашный И. С. Кутяков. Прославленный начдив 27-й Омской дивизии, увековеченной в красноармейском песенном фольклоре, В. К. Путна. Галерея командиров полков, чьими трудами упрочилось в стране доброе мнение о 48-й стрелковой дивизии, – П. А. Поведений, П. И. Воробьев, М. И. Скородумов, Б. П. Пекутовский, В. И. Калинин, В. И. Бахарев. Отличные политработники, беспредельно преданные делу партии большевиков, – П. И. Кузнецов, Л. И. Лифшиц, В. А. Шкуратенко, А. К. Безбородов, М. Г. Баранов и другие. Прекрасные штабные работники и командиры подразделений, на которых всегда можно было опереться в работе, – Н. И. Изумрудов, В. Ф. Виноградов и другие. Все они были моими добрыми наставниками и помощниками в дорогой моей памяти 48-й стрелковой дивизии.

Там, где бьется пульс армии

В Управлении боевой подготовки. – «Кабинетная» должность. – Теория и практика. – В Академии Генерального штаба. – О Д. М. Карбышеве. – Неожиданные назначения

Командирская служба предполагает, в принципе, достаточно частое перемещение с одной должности на другую, из одной местности – в другую, смену условий работы и ее форм.

Сознавая все это, я, тем не менее, уезжал из родной дивизии не с веселым настроением. Мне думалось, что я, привыкший работать с людьми в войсковых коллективах, любивший смену занятий в течение года, чередование казарменных классов, плаца, стрельбищ и природных просторов, по-видимому, не смогу привыкнуть к кабинетной должности.

Управление боевой подготовки я застал в стадии формирования. Меня поселили в Сокольниках. Как-то в один из первых выходных дней недалеко от дома я случайно встретил В. К. Триандафиллова с супругой. Несмотря на большую разницу в нашем служебном положении, встреча была столь же простой и сердечной, как и все предыдущие в Твери и Вышнем Волочке. Мне она особенно памятна потому, что она оказалась последней... Начальник Оперуправления поздравил меня с новым назначением. Услышав о моих сомнениях, всячески старался меня подбодрить, уверяя, что служба в управлении, куда я назначен, предстоит огромная, интересная, разносторонняя.

Увы, всего лишь несколько недель спустя после этой встречи, я, вместе со всей Красной Армией, скорбел, провожая в последний путь дорогого Владимира Кириаковича. Он погиб на служебном посту в результате авиационной катастрофы 12 июля 1931 года.

В отношении моей новой работы Владимир Кириакович оказался прав. Потребовалось немного времени, чтобы она увлекла и целиком поглотила меня. Я работал в Управлении боевой подготовки от начала его формирования в 1931 году до конца 1934 года.

Оно явилось для меня исключительно полезной школой, причем не только военной, но и партийно-политической.

Управление состояло тогда из штаба боевой подготовки и нескольких инспекций: пехоты, конницы, артиллерии, инженерных войск, войск связи, физподготовки и военных оркестров. Уже сама эта структура, объединявшая все рода войск Красной Армии (за исключением бронетанковых и авиации), не могла не сказаться положительно на организации боевой подготовки в целом, особенно на отработке вопросов взаимодействия родов войск, что крайне важно в современном бою.

Наркомат удачно укомплектовал управление руководящими кадрами. Сюда назначались, как правило, военачальники, имевшие за плечами большой командный или штабной стаж службы, отличные аттестации и боевой опыт Гражданской или даже Первой мировой войн.

За годы моей работы там управление возглавляли общепризнанные знатоки боевой подготовки. Вначале им руководил Альберт Янович Лапин (Лапиныш), незадолго до того вернувшийся из Китая, где он в качестве военного советника помогал Народно-революционной армии в борьбе с китайской реакцией. Его сменил Александр Игнатьевич Седякин, впоследствии командарм 2-го ранга, крупный военачальник и хороший практик. Во главе инспекций стояли: пехоты – Матвей Иванович Василенко, бывший штабс-капитан, командовавший ранее 11-й, 9-й, 14-й армиями, участник освобождения Армении от дашнаков; конницы – народный герой Семен Михайлович Буденный, инспектор кавалерии РККА; артиллерии – серьезный знаток военного дела, впоследствии командарм 2-го ранга В. Д. Грендаль (в 1933 году его сменил Н. М. Роговский); инженерных войск – Николай Николаевич Петин, в годы Гражданской войны начальник штаба 6-й армии, Западного, Южного и Юго-Западного фронтов, а позднее

– командующий Киевским и Сибирским военными округами; связи – товарищ Синявский, а позднее товарищ Лонгва. Одновременно со мной в Управлении боевой подготовки служили в те годы такие военные специалисты, как Виталий Маркович Примаков, крупный кавалерийский военачальник, до назначения в управление советский военный атташе в Афганистане и Японии; известный по 1-й Конной армии в годы Гражданской войны (позднее – как командующий Закавказским фронтом в период Великой Отечественной войны) Иван Владимирович Тюленев; окончивший незадолго до того курсы усовершенствования высшего начсостава Георгий Константинович Жуков; превосходные штабисты и строевики П. А. Белов, В. Н. Гордов, С. А. Зотов, К. А. Коваленко, А. А. Коробков, И. Д. Косогов, А. Д. Пулко-Дмитриев, П. Н. Рубцов, А. И. Сатин, П. П. Сабенников, Г. Д. Стельмах, М. Л. Ткачев, А. Г. Шабловский и другие.

Партийная организация управления по своему численному составу была одной из самых больших в Наркомате обороны. На первом общем собрании коммунистов всех инспекций и штаба Управления боевой подготовки секретарем партийного бюро был избран помощник инспектора кавалерии Г. К. Жуков, а заместителем – И. В. Тюленев.

Чем же занималось Управление боевой подготовки? Я глубоко заблуждался, когда предполагал, что буду «кабинетным» работником. Мы выезжали в войска, проверяли ход боевой подготовки, выявляли ее слабые стороны; проводили для командного состава показательные занятия, отрабатывали в войсках новые методы ведения общевойскового боя, усовершенствовали методы обучения войск. На учениях с войсками проверяли на практике подготавливаемые боевые уставы и специальные наставления для родов войск, подчиненных по линии боевой подготовки нашему управлению. Разрабатывали уставы для общевойсковых соединений, до стрелкового и кавалерийского корпуса включительно. В конце года подводились итоги боевой подготовки войск, которые докладывались начальнику Штаба РККА и народному комиссару по военным и морским делам, а также разрабатывались руководящие указания на следующий период или учебный год (в виде приказов либо директив наркома, начальника Штаба РККА или начальника УБП).

Все работники нашего управления большую часть времени, к моей радости, обязаны были проводить в войсках. Каждой поездке предшествовала тщательная отработка всех подлежащих проверке заданий под руководством начальника управления, начальника его штаба или одного из инспекторов, в зависимости от содержания вопроса. На меня, кроме того, с 1931 года были возложены обязанности по редактированию и изданию выпускавшегося управлением «Бюллетеня боевой подготовки» – теоретического и методического пособия для командного состава РККА, и оказание помощи редакции издававшегося с 1921 года непосредственно при наркомате, а с 1931 года – при УБП журнала «Военный вестник», существующего и поныне.

Особое внимание в РККА в целом и в Управлении боевой подготовки уделялось теории глубокого боя. Ею непосредственно занимались зимой 1933 года А. И. Седякин совместно с военными округами. В разработке теории наступательных операций принимал участие заместитель наркома М. Н. Тухачевский, творчески развивавший проблемы ведения боя в своих трудах «Маневр и артиллерия», «Бой пехоты», «Наши учебно-тактические задачи».

А летом в лагерях Приволжского военного округа, куда были направлены войска, вооружение и техника, проводились опытные учения по практической отработке вопросов, связанных с организацией и проведением глубокого общевойскового боя.

Главным руководителем учений, проходивших в его родных местах, являлся начальник Штаба РККА Александр Ильич Егоров. Его заместителями были: основным, с постоянным пребыванием в районе учений, – начальник артиллерии РККА Н. М. Роговский, а также И. Ф. Федько как командующий войсками этого округа. При главном руководстве, на время учений, создали штаб из работников штаба Управления боевой подготовки, Штаба РККА, инспекций и Управления бронетанковых войск. Возглавлять штаб по руководству учениями было при-

казано мне. Вся эта наша летняя работа закончилась крупными общевойсковыми учениями, итоги которых подвел непосредственно А. И. Егоров.

Настойчиво трудились над отработкой глубокого боя под руководством своих командующих и войска других военных округов, особенно Белорусского и Киевского. Результатом длительного и кропотливого труда всего армейского коллектива были «Инструкция по ведению глубокого общевойскового боя» и «Инструкция по взаимодействию пехоты, артиллерии, танков и авиации в современном общевойсковом бою».

В том же году мне пришлось принять участие в подготовке штабом управления совместно с работниками Штаба РККА «Наставления по службе войсковых штабов», которое после утверждения начальником Штаба РККА было направлено в войска. В свободное от выездов в части время я участвовал вместе со своими коллегами по УБП в систематических занятиях тактического, технического и методического порядка. Нередко работники управления выезжали для ознакомления с новейшей техникой в соответствующие институты или на артиллерийские, танковые и инженерные полигоны. По приказу наркома при Управлении боевой подготовки неоднократно проводились также занятия с начальниками центральных управлений наркомата. Иногда это были учебные сборы, и их участники освобождались от работы у себя в управлениях. Некоторые, наиболее принципиальные по значению занятия проводил М. Н. Тухачевский, уделявший боевой подготовке войск и работе нашего управления повседневное внимание. Так, прежде чем доложить наркому «Инструкцию по ведению глубокого общевойскового боя», хотя она появилась в результате тщательной отработки, ее вновь проверили на многократных занятиях, проводившихся в залах Центрального дома Красной Армии с участием всех начальников родов войск и основных управлений наркомата.

Проводил занятия, как правило, начальник УБП А. И. Седякин со всей присущей ему тщательностью. А. Г. Шабловский, я и другие работники УБП помогали готовить эти занятия. Все спорные вопросы выносились на рассмотрение М. Н. Тухачевского. Иногда окончательному решению предшествовали дополнительные занятия на ящике с песком у него в кабинете или даже учения с войсками под Москвой (с использованием Московской Пролетарской дивизии, специальных частей и военных школ Московского гарнизона).

Другой проблемой, которой УБП уделяло неослабное внимание, была теория глубокой операции фронта и армии. По мере обострения международной обстановки эта теория приобретала все более важное значение. Япония захватила Маньчжурию; возник очаг новой войны в Азии. В Германии пришел к власти Гитлер. Фашисты становились ударным отрядом международного империализма. Советскому Союзу грозила непосредственная опасность. На наших границах участились антисоветские вооруженные провокации. Зарубежная реакционная печать трубила о «крестовом походе против большевизма».

ЦК ВКП(б) и Советское правительство настойчиво требовали крепить оборонную мощь СССР, и проводили твердую линию на дальнейшее всестороннее развитие и совершенствование РККА. Успехи советского народа в осуществлении первой и второй пятилеток, торжество политики индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, обеспечивали создание надежной экономической базы и для наращивания оборонной мощи Красной Армии. Мы готовились отразить возможную агрессию, бить захватчиков на их же территории, ответить быстрым контрударом, с использованием новейших достижений военной науки и боевой техники. Вот почему теория глубокой операции становилась все более актуальной.

Большую роль в дальнейшей разработке этой теории сыграли Штаб РККА, командующие родами войск и военными округами, начальники их штабов, работники УБП, начальники военных академий, видные теоретики и практики военного дела. Неослабное внимание ей уделяли замнаркома М. Н. Тухачевский, командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, командующий Украинским военным округом И. Э. Якир, командующий Военно-Воздушными Силами Я. И. Алкснис. Важные проблемы разрабатывались в трудах М. Н. Тухачевского

«Характер пограничных операций» (1934), И. П. Уборевича «Оперативно-тактические и авиационные военные игры» (1929), Г. С. Иссерсона «Эволюция оперативного искусства» (1932), С. Н. Красильникова «Организация крупных общевойсковых соединений» (1933), В. Л. Меликова «Проблема стратегического развертывания» (1935), в трудах В. К. Триандафиллова. В результате теоретической и практической деятельности видные талантливые военачальники армии разработали, в ходе командно-штабных учений, военных игр, полевых поездок и войсковых маневров, новые и оригинальные формы и методы ведения вооруженной борьбы. Этот багаж был весьма полезен в годы Великой Отечественной войны.

Менялась, совершенствуясь, и организационная структура Красной Армии. Еще в самом начале 30-х годов стали создаваться бронетанковые бригады, а в 1932 году был сформирован первый в мире механизированный корпус. Затем создали ряд таких корпусов. Для подготовки необходимых командных кадров в 1932 году образовали Военную академию механизации и моторизации. Большое внимание уделялось также развитию воздушно-десантных войск. В 1933 году из авиамотодесантного отряда Ленинградского военного округа была сформирована воздушно-десантная бригада. Применение таких десантов с тактическими, а затем и с оперативными целями, тоже впервые, было продемонстрировано в присутствии военных делегаций ряда капиталистических стран на войсковых маневрах Красной Армии в 1934 году. Совершенствовалось вооружение Военно-Воздушных Сил, отрабатывались вопросы наиболее эффективного использования их в тактическом и оперативном взаимодействии с другими родами войск.

Неизмеримо выросли требования, предъявляемые к уровню боевой подготовки в войсковых частях и соединениях. Когда на летних войсковых маневрах 1934 года, в Приволжском военном округе был выявлен ряд недочетов как в области оперативно-тактической подготовки, так и в вопросах управления войсками, особенно в дивизионном и корпусном звеньях, последовал памятный, по-видимому, для всех нас, старых работников Советских Вооруженных Сил, приказ народного комиссара с соответствующими оценками, указаниями по результатам этих маневров и с организационными выводами по ним. Приказ коснулся и меня: в связи с необходимостью усилить аппарат штаба Приволжского округа меня направили туда начальником отдела боевой подготовки.

Войсками Приволжского военного округа тогда командовал герой Октябрьской революции и гражданской войны Павел Ефимович Дыбенко. Штаб округа последовательно возглавляли крупные специалисты штабной службы Н. В. Лисовский и профессор И. Е. Варфоломеев, работавший перед этим заместителем начальника цикла стратегии в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Широко были известны труды Н. Е. Варфоломеева «Оперативные документы войсковых штабов», «Организация войск и управление ими», «Техника штабной службы», а особенно «Ударная армия» и «Наступательная операция», в которых он, на основе исследования основных операций Первой мировой войны, делал выводы о характере наступательных операций в новых условиях. Полагаю, что эти работы не утратили некоторого значения для нас и в настоящее время.

Не забуду ту помощь и содействие, которые оказывал мне состоявший в 1934 году в должности заместителя начальника штаба округа В. Д. Соколовский, впоследствии Маршал Советского Союза. Василий Данилович был ранее комдивом в войсках Ферганской и Самаркандской областей, боровшихся с басмачами, и приобрел немалый практический опыт. В Приволжье началось наше знакомство, закрепившееся особенно в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Из значительных событий 1935 года упомяну об участии командования и штаба Приволжского военного округа в стратегической полевой поездке на территорию Белорусского округа. Руководил ею командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Наш округ представлял одну из армий, а мне приказано было возглавить в ней оперативный отдел.

Польза от полевой поездки в Белоруссию для ее участников, как и вообще от всех учебных мероприятий, проводившихся такими специалистами военного дела, как И. П. Уборевич, была огромной. Что касается меня лично, то я фактически впервые сумел серьезно проверить свою оперативную подготовку. В рамках Приволжского округа такой возможности мне ранее не предоставлялось.

22 сентября 1935 года постановлением ЦИК и СНК СССР в РККА и на флоте были введены персональные воинские звания для командного и начальствующего состава. Мне в 1936 году было присвоено, как и многим другим, звание «полковник», а до этого я носил в петлицах один ромб.

С большим увлечением продолжал я работать начальником отдела боевой подготовки штаба Приволжского военного округа. Завершалась техническая реконструкция армии. Наши Вооруженные Силы должны были обладать превосходством над буржуазными армиями во всех решающих средствах борьбы и в подготовке. Армия все дальше отходила от территориальной системы, К концу 1935 года почти три четверти ее дивизий стали кадровыми. Росла ее численность. Был создан Генеральный штаб РККА. В войска поступало новое вооружение. Появились танки Т-26, БТ, Т-28, позднее Т-35; автоматическая винтовка С. Г. Симонова (образца 1936 года); зенитные пушки и пулеметы; новые типы самолетов. Совершенствовалась боевая подготовка войск.

Осенью 1936 года произошел новый поворот в моей службе: меня и начальника оперативного отдела штаба полковника С. Г. Трофименко приказом наркома зачислили слушателями первого набора в созданную по решению ЦК ВКП(б) Академию Генерального штаба. Отбор слушателей проводился под непосредственным руководством ЦК партии. В Академию направляли работников Генерального штаба и штабов округов, командиров и начальников штабов крупных войсковых соединений и преподавателей академий РККА. Все зачисляемые в Академию обязаны были иметь боевой стаж, отличные аттестации по службе и, как правило, высшее военное образование. Особенное внимание было уделено подбору преподавательского состава.

Разместилась Академия в двух домах по Большому Трубецкому переулку. В одном находились учебные аудитории, в другом жили слушатели. Срок обучения нам определили в 18 месяцев. Занятия начались 1 ноября 1936 года. Мы носили на кителях и шинелях бархатные черные воротники с белой окантовкой, белый кант вдоль малиновых лампас на брюках и белую окантовку по малиновому околышу на фуражке. Эта форма сразу отличала слушателей Академии от иных военнослужащих. 137 человек первого набора были разбиты на ряд учебных групп.

Для всех без исключения профилирующей учебной дисциплиной было оперативное искусство и, прежде всего, освоение подготовки и проведения армейской операции. На последнем этапе обучения предполагалось также ознакомление с фронтовой операцией и теоретическим курсом стратегии. Значительная часть времени отводилась методике разработки оперативных задач, проведения военных игр и командно-штабных учений в поле со средствами связи. Изучали мы также новую боевую технику. Углубляли свои знания по военной истории, тактике и администрации.

Центральный Комитет партии обеспечил Академию прекрасными преподавателями. Начальником Академии и ее комиссаром был отличный организатор учебного процесса Дмитрий Александрович Кучинский. Кафедру армейской операции возглавлял комбриг Г. С. Иссерсон, тактики высших соединений – комдив П. И. Вакулич, организации и мобилизации – комкор М. И. Алафузо, военной истории – комдив В. А. Меликов. Преподавали в Академии М. А. Баторский, А. И. Верховский, А. И. Готовцев, П. П. Ионов, Я. М. Жигур, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, А. Д. Малевский, С. Г. Михайлов, В. К. Мордвинов, И. Х. Паука, А. А. Свечин, Е. Н. Сергеев, Н. И. Трубецкой, Ф. П. Шафалович, Е. А. Шиловский и другие знатоки своего дела.

Хочу отдельно остановиться на имени такого преподавателя, как доктор военных наук Дмитрий Михайлович Карбышев, принадлежавший к числу наиболее уважаемых профессоров. Еще в дореволюционное время он получил два высших военно-инженерных образования, участвовал в русско-японской и мировой войнах, строил форты Брест-Литовской крепости. После победы Великого Октября он входил в коллегия по обороне Советской Республики, возводил укрепленные районы против армии Колчака, организовывал инженерное обеспечение войск против сил Врангеля, укреплял южные границы СССР. Мы хорошо знали его работы «Инженерная разведка» и «Краткий справочник по военно-инженерному делу».

Во время Великой Отечественной войны Дмитрий Михайлович Карбышев совершил свой бессмертный подвиг. Будучи тяжело раненным, он попал в плен. В застенках гитлеровских палачей он продолжал непримиримую борьбу с фашизмом и погиб, не покоровшись вандалам, проявив высокое мужество, оставшись до конца верным долгу перед Родиной. Память о Д. М. Карбышеве, как негибаемом советском патриоте, сохранится навсегда.

До 1 февраля 1937 года мы изучали действие корпусов, авиасоединений, войсковой тыл, знакомились с печатными документами о зарубежных армиях и новинками боевой техники. После двухнедельных каникул перешли к изучению родов войск, армейского тыла и армейских операций – наступательной, оборонительной, встречного сражения, контрнаступления и марш-похода. Перед нами выступали с докладами М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, Я. И. Алкснис; командующие округами И. П. Уборевич и И. Э. Якир провели показательные игры «Прорыв подготовленной обороны» и «Ввод в сражение механизированного корпуса».

Огромное внимание уделялось марксистско-ленинской подготовке слушателей. Партийная организация Академии вела постоянную борьбу за партийность и высокую идейность в учебной и научно-исследовательской работе, за глубокое овладение личным составом Академии марксистско-ленинской теорией. Большой школой политического воспитания коммунистов являлись партийные собрания. Основным в их работе были вопросы, которыми жила в те годы Академия, а именно: политическое образование коммунистов и воспитание высокой политической бдительности, учебный процесс и научно-исследовательская работа. В Академии регулярно читались лекции и доклады на темы марксистско-ленинской теории и по международным вопросам. Для этой цели часто приглашались высококвалифицированные лекторы из Московского и Центрального комитетов партии. Особо памятными остались доклады Е. М. Ярославского, Д. З. Мануильского. Выступал перед нами и А. Н. Толстой. В то же время сама Академия являлась средоточием квалифицированных кадров пропагандистов. Слушатели и преподаватели Академии были активными агитаторами и пропагандистами идей партии среди трудящихся Москвы и Подмоскovie.

Главную часть времени составляла детальная разработка вопросов, связанных с исследованием форм планирования и проведения фронтовых и армейских операций, использованием в них современных средств борьбы, взаимодействия между ними, управления войсками в ходе операции и обеспечения войск. Кроме предварительных лекций, групповых упражнений и игр, долгие часы мы просиживали в лабораториях и библиотеках.

Несмотря на то, что многие слушатели уже имели достаточную теоретическую и практическую подготовку, Академия Генерального штаба в значительной мере помогла всем нам пополнить и систематизировать знания, расширить военный кругозор и, безусловно, способствовала успешному выполнению в дальнейшем тех ответственных заданий, которые выпали на долю многих из нас в годы Великой Отечественной войны. Поэтому все мы с признательностью и благодарностью вспоминали на протяжении всей последующей работы это замечательное военно-учебное заведение.

Многие из слушателей первого набора стали в годы войны ответственными руководителями в составе Вооруженных Сил. Назову лишь некоторых: А. И. Антонов и автор этих строк возглавляли Генеральный штаб; И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров и П. А. Курочкин

командовали фронтами; А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, М. И. Казаков, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, А. Н. Крутиков, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов возглавляли штабы фронтов; Н. Е. Басистый, А. И. Гасилов, К. Д. Голубев, М. П. Миловский, А. В. Петрушевский, А. В. Сухомлин, С. Г. Трофименко, Н. И. Четвериков и другие командовали армиями или являлись крупными руководителями в системе Наркоматов Обороны и Военно-Морского Флота. Говоря о подготовке военных кадров, мы, ветераны этой войны, должны отметить, что Коммунистическая партия и в предвоенные годы уделяла огромное внимание работе высших военно-учебных заведений, создавала самые благоприятные условия для их деятельности.

С 1 июня по 15 июля 1937 года всем слушателям Академии был предоставлен летний отпуск, после чего нас направили на двухнедельную войсковую стажировку на корабли Военно-Морского Флота. Одна половина курса (а с нею и я) отправилась на Балтийский флот, другая – на Черное море. По окончании флотской стажировки Генеральный штаб организовал для слушателей в приграничной полосе Украинского военного округа большое штабное учение со средствами связи. Цель – практическая отработка фронтовой и армейской наступательных операций. Завершение курса близилось, но закончить его большинству из нас так и не удалось. Одной из причин этого явились имевшие место в стране, в том числе и в Вооруженных Силах, нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни и социалистической законности, совершенно необоснованные репрессии, в результате которых часть командно-политического и особенно руководящего состава Вооруженных Сил, преподавателей и слушателей академий была арестована. В связи с этим в Вооруженных Силах последовала серия быстрых назначений и перемещений. Свыше 30 слушателей нашей Академии первого набора были направлены на различные, порою довольно высокие, командные и штабные должности. Продолжала учение лишь половина, а окончила его – четверть набора.

В конце августа 1937 года возглавлявший тогда временно Академию преподаватель Я. М. Жигур дал мне указание принять входившую в состав кафедры оперативного искусства (армейской операции) кафедру тыла, которой до того руководил крупный специалист этого дела И. И. Трутко. Назначение для меня было совершенно непонятно, так как я в данной области специально никогда не работал. Однако мне было сообщено, что назначение сделано по представлению прежнего командования Академии и уже санкционировано начальником Генерального штаба. Таким образом, я, волею судеб, оказался вдруг в роли не только преподавателя, но и начальника кафедры такого ответственного учебного заведения, как Академия Генерального штаба.

Кафедра приступила к подготовке материала по своему предмету для нового учебного года, закончила подбор и подготовку всех сведений для издания академического справочника по организации, и работе фронтового и армейского тыла при проведении современных операций для слушательского, и преподавательского состава. Через месяц, также крайне неожиданно, меня вызвали в Генеральный штаб и объявили, что он возбуждает ходатайство о моем назначении начальником отделения, ведающего в Генштабе оперативной подготовкой высшего комсостава армии. Вскоре последовал соответствующий приказ наркома. Так в октябре 1937 года началась моя работа в Генеральном штабе. Тогда я, конечно, не знал, что в стенах Генштаба мне будет суждено провести ряд лет, заполненных сложной работой, самой трудной в моей жизни.

Перед «Большой войной»

Снова с В. М. Шапошниковым. – Проблемы оперподготовки. – Хасан и Халхин-гол. – Начало Второй мировой войны. – Ответные меры

Вплоть до июня 1939 года я возглавлял в Генеральном штабе отделение оперативной подготовки. Основное время уходило у меня в то время на выполнение разнообразных по форме, но примерно сходных, в целом по содержанию, заданий Б. М. Шапошникова. В первую очередь это была тщательная разработка годовых приказов и директив наркома обороны СССР по оперативно-стратегической подготовке руководящего состава РККА. В этих документах подводились годовые итоги и на их основе определялись задачи на новый год. При этом каждому военному округу давались конкретные задания с учетом его дислокации, характерных особенностей, материальных возможностей и общей роли, которую он играл в системе Вооруженных Сил. Со многим из того, что мне было известно по прежней работе в Управлении боевой подготовки, я знакомился заново. Это и понятно: за это время многое изменилось, Красная Армия стала другой, качественно вырос ее боевой потенциал. Так началось мое постепенное вхождение в круг важных вопросов, которыми я должен был заниматься перед Великой Отечественной войной.

Работа, которой я занимался теперь, была несравненно сложнее и ответственнее всей той, с которой мне довелось иметь дело до 1937 года. В Генеральном штабе, рядом с Б. М. Шапошниковым и под его руководством, росли мой оперативный кругозор, опыт, знания. Пожалуй, именно тогда мне в полной мере раскрылась та роль, которая отводилась каждому из видов и родов войск в системе Вооруженных Сил. Отделение оперативной подготовки Генштаба учитывало, что международная обстановка обострилась. Германия развязывала одну агрессию за другой. В марте 1938 года она захватила Австрию, а в сентябре состоялось подписание позорного Мюнхенского соглашения об аннексии Судетской области Чехословакии. Все сложнее становилась обстановка в Испании, где положение республиканцев ухудшалось. Нарастала угроза нашей стране и со стороны Японии. В июле 1938 года японские милитаристы предприняли вооруженное нападение на нашу территорию у озера Хасан. Они хотели проверить нашу боевую готовность. Получив приказ военного командования, советские войска 2 августа перешли в наступление. Боевые действия продолжались неделю. Японские войска в составе двух пехотных дивизий, пехотной и кавалерийских бригад, и нескольких отдельных танковых частей и пулеметных батальонов, поддерживаемых действиями 70 боевых самолетов, были разбиты, а остатки их выброшены с советской территории.

По приказу начальника Генерального штаба, почти все эти дни я провел на дежурстве у телеграфного аппарата, в комнате, оборудованной для этой цели напротив кабинета наркома К. Е. Ворошилова.

По просьбе японского правительства 11 августа боевые действия в районе озера Хасан были прекращены. Войска Красной Армии в этих боях показали свою возросшую боевую мощь, высокие моральные и боевые качества.

Бои у озера Хасан подтвердили правильность основных положений советских военных уставов и наставлений, и их соответствие требованиям обстановки, и новой боевой техники. В то же время они выявили и некоторые недостатки в боевой подготовке войск Дальневосточной (приморской) армии, особенно во взаимодействии родов войск в бою, управлении войсками, в их мобилизационной готовности. В результате анализа опыта у озера Хасан в боевую и оперативную подготовку войск, и штабов вносились коррективы. В связи с этим разработанный Генеральным штабом проект приказа, по словам Б. М. Шапошникова, был с удовлетворением воспринят наркомом и одобрен Политбюро ЦК партии. При рассмотрении проекта в него,

естественно, вносились поправки, существенные добавления и разъяснения. У меня осела в памяти, свежа и до сих пор поправка, внесенная рукою любимого нами К. Е. Ворошилова, в раздел о недостатках в тактической подготовке бойца. Там, где говорилось о слабом умении бойцов при наступлении пользоваться малой шанцевой лопатой, о пренебрежительном отношении к ней, о неумении быстро окапываться при перебежках, что приводило к излишним потерям в людях, К. Е. Ворошилов вписал в приказ (привожу по памяти): «Наш долг добиться от бойца уважения и любви к своей лопате, и научить его пользоваться ею так же быстро и сноровисто, как быстро и сноровисто он орудует ложкой за столом».

Общая обстановка в Генеральном штабе оставалась все то время, как это понятно каждому, весьма сложной. Пожалуй, никогда ранее я не испытывал такого напряжения в работе.

И на Западе, и на Востоке пахло порохом. В этих условиях на приграничные военные округа возлагалась особая задача – быть готовыми к немедленным действиям. Им давались напряженнейшие задания, проводились оперативно-стратегические игры. В одной из них – летом 1938 года – я принимал участие. Это была сложнейшая игра руководящего состава войск Киевского военного округа, переименованного к тому времени в Киевский особый военный округ (КОВО). Летом 1938 года в нем были сформированы четыре армейские группы: кавалерийская, Одесская, Винницкая и Житомирская. Первая являлась довольно сильным по тому времени подвижным объединением, состоявшим из двух кавкорпусов, а также артиллерийских, танковых и иных частей, предназначенных для нанесения удара или контрудара по врагу в любом месте округа. Три остальные группы были объединениями армейского типа из стрелковых дивизий, танковых бригад, различных частей и войск обеспечения.

Игру руководящего состава проводили командующий КОВО командарм 2-го ранга С. К. Тимошенко и начальник штаба КОВО комбриг Н. Ф. Ватутин. В сентябре 1938 года, когда над Чехословакией нависла опасность, а мы еще не знали, что мюнхенское предательство сорвет ее оборону, и собирались оказать ей, вместе с Францией, как это предусматривалось договором, помощь, – штаб КОВО получил директиву наркома К. Е. Ворошилова привести в боеготовность Винницкую армейскую группу и вывести ее к государственной границе СССР. На территории Каменец-Подольской и Винницкой областей пришли в движение 4-й кавалерийский, 25-й танковый и 17-й стрелковый корпуса, две отдельные танковые бригады, семь авиационных полков. Тем временем Житомирская армейская группа (2-й кавалерийский, 15-й и 8-й стрелковые корпуса), завершая учения на территории Киевской, Черниговской и Житомирской областей, сосредоточивалась в районе Новоград-Волынского и Шепетовки. Оперативная группа штаба округа разместилась в Проскурове.

Вся работа Генерального штаба протекала под непосредственным руководством Б. М. Шапошникова. Авторитет Бориса Михайловича как видного военного деятеля и опытного специалиста, особенно в вопросах штабной службы, рос тогда с каждым годом. Его обширные и разносторонние знания были остро необходимы в то сложное время. Действуя непосредственно под его руководством, мы, штабные работники, получали все новые теоретические и практические навыки по организации, планированию, и проведению операций армейского и фронтового масштаба. В августе 1938 года мне было вторично присвоено звание комбриг. Осенью 1938 года мои скромные заслуги вновь были отмечены. Приказом по Генеральному штабу мне была объявлена благодарность за «добросовестное и высококачественное выполнение ряда больших ответственных поручений». Основным из них было мое участие в разработке итогового приказа народного комиссара обороны СССР по вопросам боевой подготовки, директивы на зимний период по оперативной подготовке руководящего состава РККА и в подготовке проекта приказа наркома по итогам боевых действий на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан. В 1939 году произошло мое частичное должностное перемещение: оставаясь начальником отделения оперативной подготовки, я был назначен по совместительству заместителем начальника оперативного отдела Генерального штаба.

1939 год оказался до предела насыщенным событиями, резко осложнившими международную обстановку; дело шло ко второй мировой войне. Оперотдел Генштаба трудился не покладая рук. Приходилось иметь в виду возможность различных военно-политических комбинаций империалистических держав. Следовало принимать во внимание также изменения в военно-экономическом потенциале стран-агрессоров, в результате захвата ими все новых и новых территорий, приобретение их войсками дополнительного боевого опыта. Не останавливаясь долго на общеизвестных фактах, я скажу лишь, что они непосредственно отражались на нашей повседневной работе. Генеральный штаб с неослабным вниманием следил за тем, как разворачиваются события. Еще не имея тогда всех данных закулисных махинаций правящих кругов империалистических держав, Советское правительство, тем не менее, догадывалось о двойной игре капиталистических держав и было начеку.

Центральный Комитет партии и Советское правительство соблюдали указания XVIII съезда не дать империалистам втянуть нашу страну в войну. Убедившись в нежелании Англии, Франции и Польши заключить соглашение о совместной борьбе против гитлеровской агрессии, Советский Союз принял предложение Германии заключить пакт о ненападении. Подписав 23 августа этот пакт, СССР расстроил планы международной реакции и повернул ход событий в более благоприятную для себя сторону. Теперь и Япония была вынуждена, признав свою неудачу у Халхин-гола, пойти на подписание с нами 15 сентября соглашения о ликвидации конфликта.

1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. В тот же день сессией Верховного Совета СССР был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Красная Армия окончательно стала кадровой.

Как известно, даже после начала войны, Англия и Франция все еще надеялись остаться в стороне, столкнуть Германию с СССР. Поэтому они позволили Гитлеру быстро разгромить Польшу, вели «странную войну», выжидая советско-германского конфликта.

Быстрое продвижение немецко-фашистских войск на восток, угроза захвата ими Западной Украины и Западной Белоруссии, усилили стремление трудящихся этих областей к воссоединению с советскими республиками и поставили перед Советским Союзом задачу оказать помощь братским народам. В середине сентября 1939 года Советское правительство, беря их под защиту, отдало приказ перейти границу и освободить Западную Украину и Западную Белоруссию. Берлин вынужден был согласиться на проведение демаркационной линии примерно на восточном рубеже польской этнографической территории. Лондон и Париж перенесли свои надежды на Финляндию и стали настраивать ее против Советского Союза. Потерпели провал попытки Англии и Франции вовлечь в войну против СССР Эстонию, Латвию и Литву. Под давлением демократических сил правительства этих государств заключили осенью 1939 года договоры с СССР о взаимопомощи, и о размещении советских воинских гарнизонов, аэродромов и военно-морских баз в отдельных местах Прибалтики. Тем самым был предотвращен захват в тот момент Германией этих малых государств, они уже не могли быть использованы в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Нам пришлось проделать большую работу в связи с назревавшим военным конфликтом между СССР и Финляндией и в ходе его. Как известно, попытки Советского правительства решить эту проблему путем обоюдного, взаимовыгодного соглашения наталкивались на отказ со стороны правящих кругов буржуазной Финляндии, за спиной которых стояли империалистические державы, надеявшиеся использовать ее территорию как плацдарм для нападения на нашу Родину.

Центральный Комитет партии и Советское правительство в условиях тревожной обстановки, складывавшейся на северо-западных рубежах нашей страны, требовали от Наркомата обороны выработки необходимых контрмер для обеспечения безопасности страны.

Главный военный совет РККА рассмотрел вопросы боеготовности Советских Вооруженных Сил на случай возникновения, спровоцированного Финляндией, военного конфликта. Генеральный штаб предложил разработанный им еще ранее, с учетом возможности возникновения такого конфликта и одобренный народным комиссаром обороны частный план отражения агрессии. При разработке этого плана Генеральный штаб исходил из имевшихся в его распоряжении данных о составе и боевой готовности финляндской армии, о природных особенностях советско-финского театра военных действий, о системе инженерных укреплений на нем, о мобилизационных возможностях Финляндии и о той помощи, которую она могла бы получить от империалистических держав. Правда, как обнаружилось в дальнейшем, некоторые из данных особой точностью не отличались. Но эти неточности не имели существенного значения. Более серьезным оказалось то, что в наших войсках недостаточно знали особенности организации, вооружение и тактические приемы борьбы финляндской армии.

По долгу службы я тоже имел прямое отношение к разработке плана контрудара. Его основные идеи и главное содержание были определены Б. М. Шапошниковым.

Докладывая план Главному военному совету, Б. М. Шапошников подчеркнул, что сложившаяся международная обстановка требует, чтобы ответные военные действия были проведены и закончены в предельно сжатые сроки, ибо в противном случае Финляндия получит извне серьезную помощь, конфликт затянется. Однако Главный военный совет не принял этого плана и дал командующему войсками Ленинградского военного округа (ЛВО) командарму 2-го ранга К. А. Мерецкову указание разработать новый вариант плана прикрытия границы при возникновении конфликта.

Разработанный командованием и штабом Ленинградского военного округа вариант контрудара был представлен в указанный И. В. Сталиным срок и утвержден. По этому варианту основные войска округа объединялись в 7-ю армию двухкорпусного состава (19-й и 50-й корпус), на которую и возлагалась задача прорвать, в случае агрессии, на Карельском перешейке «линию Маннергейма» и разгромить здесь главные силы финляндской армии. Непосредственное командование войсками 7-й армии было возложено на К. А. Мерецкова. А севернее, на огромном фронте протяженностью около 5 тыс. км, предусматривались действия крайне слабых по своему составу 8-й армии комдива И. Н. Хабарова, 9-й армии комкора В. И. Чуйкова и 14-й армии комдива В. А. Фролова, которые не были полностью укомплектованы.

26 ноября 1939 года возле селения Машгала с финской стороны был открыт огонь по советским пограничникам. В последующие дни эти провокационные действия возобновлялись. 30 ноября части Красной Армии начали военные действия по отражению противника и обеспечению безопасности нашей границы. В течение декабря войска ЛВО, преодолевая ожесточенное сопротивление и неся серьезные потери, смогли пройти лишь зону заграждений и подойти к главной полосе обороны – «линии Маннергейма». Попытки прорвать ее с ходу успеха не имели. Потребовалось значительно усилить действующие войска дополнительными соединениями, вооружением и боевой техникой. Эти и другие немаловажные обстоятельства утвержденным планом не предусматривались, поэтому ряд вопросов пришлось решать экспромтом.

В конце декабря 1939 года Главный военный совет вынужден был приостановить наступление наших войск с тем, чтобы более надежно организовать управление, заново спланировать операцию по прорыву «линии Маннергейма» и провести к ней соответствующую подготовку. Эти вопросы были рассмотрены на специальном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в первых числах января 1940 года. На него были приглашены командующий войсками и члены военного совета ЛВО, командующие войсками Западного и Киевского особых военных округов (они находились в декабре в качестве наблюдателей и советников в войсках ЛВО), а также ряд ответственных лиц из Наркомата обороны и Генерального штаба. Подготовку заседания возложили на Б. М. Шапошникова. Первый заместитель начальника Генерального штаба И. В. Смо-

родинов с начала конфликта был направлен распоряжением наркома обороны на фронт для оказания помощи ЛВО. В связи с этим я решением начальника Генерального штаба временно был привлечен к работе в должности его заместителя по оперативным вопросам. В эти дни и состоялись мои первые поездки вместе с Борисом Михайловичем в Кремль, первые встречи с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и лично с И. В. Сталиным. Вспоминая то время, я снова и снова испытываю чувство глубокой благодарности к дорогому Б. М. Шапошникову за огромную помощь мне добрым словом, советами и наставлениями в выполняемой мною напряженной работе. Не могло остаться незамеченным, что сам Б. М. Шапошников пользовался там особым уважением.

7 января 1940 года по предложению Генерального штаба был создан на Карельском перешейке для прорыва «линии Маннергейма» Северо-Западный фронт, командование войсками которого возложили на командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко. Членом военного совета фронта был назначен А. А. Жданов, а начальником штаба – командарм 2-го ранга И. В. Смоудинов. В созданный фронт вошли 7-я армия (пять стрелковых корпусов) под командованием К. А. Мерецкова и 13-я армия комкора, в последующем командарма 2-го ранга В. Д. Грендаля (три стрелковых корпуса).

Окончательная разработка плана прорыва «линии Маннергейма» была возложена на С. К. Тимошенко и Генеральный штаб. После утверждения пересмотренного плана командование фронта, армий, Генеральный штаб и аппарат Наркомата обороны проделали огромную работу по подготовке прорыва и наступления в целом. На фронт прибыли новые войска и все необходимое. Действовавшие ранее войска, пополнившись, получили передышку. Кроме того, была произведена необходимая перегруппировка. Особое внимание уделили обеспечению войск средствами усиления, и, прежде всего, артиллерией большой мощности и авиацией. В течение января войска вели практические учения на созданных в ближнем тылу полевых макетах вражеских укреплений, репетируя выполнение предстоящих боевых задач. В начале февраля подготовительные работы в войсках и штабах были закончены. 11 февраля 1940 года фронт перешел в наступление, прорвал оборону противника и успешно стал продвигаться вперед.

Видя неизбежность краха своих замыслов, правительство Финляндии обратилось к Советскому Союзу с просьбой о заключении мира. В Москву прибыла финляндская правительственная делегация во главе с премьер-министром Р. Рюти. Начались мирные переговоры. В состав советской делегации вошел и я. После общих указаний И. В. Сталина мне под руководством В. М. Молотова и Б. М. Шапошникова пришлось готовить все предложения относительно новых границ, которые и выносились на обсуждение при переговорах. В марте 1940 года был подписан мирный договор.

Для демаркации принятой новой государственной границы была назначена смешанная комиссия, которой поручалось окончательно уточнить, провести и оформить границу на местности. Возглавить комиссию с нашей стороны Советское правительство поручило мне. В течение двух месяцев комиссии пришлось основательно потрудиться. Тщательно изучались участки проведения погранлинии – как с точки зрения природной характеристики местности, так и с учетом экономической целесообразности для той и другой стороны. При этом некоторые вопросы решались на месте, в условиях довольно острых разногласий.

В конечном счете работа была признана удовлетворительной. Ее результаты вполне обеспечивали государственные интересы СССР и, в то же время, позволяли нам сохранять добрососедские отношения с Финляндией.

Заключение мирного договора СССР с Финляндией сорвало планы англо-французских империалистов. Советский Союз сумел улучшить свое стратегическое положение на Северо-Западе и Севере. Был решен вопрос, касающийся создания условий для обеспечения безопасности Ленинграда, Мурманска, Мурманской железной дороги. Открывались благоприятные

перспективы для развития советско-финских отношений в духе добрососедства и сотрудничества. Коммунистическая партия и Советское правительство, трезво анализируя события, всемерно стремились укрепить свои Вооруженные Силы, поднять обороноспособность страны, уделяя особое внимание западным границам и отдавая себе отчет в том, что решающая схватка с фашистским блоком впереди.

Последние мирные месяцы

В Оперативном управлении Генштаба. – Главный противник – фашистская Германия. – Меняющаяся ситуация. – Плюсы и минусы. – Поездка в Берлин. – Иван Федорович Тевосян. – Мысли вслух. – План отражения агрессии

Подписание мирного договора между Финляндией и СССР вызвало глубокое разочарование наших недругов. Однако они не оставляли своих агрессивных планов против нашего Отечества. Гитлеровская клика продолжала активно готовить нападение на СССР. Вооруженным Силам СССР следовало торопиться. В апреле 1940 года в Кремле, по решению мартовского пленума ЦК ВКП(б), для подведения итогов зимней кампании и внесения необходимых коррективов в организацию, вооружение и боевую подготовку Красной Армии, состоялось расширенное заседание Главного военного совета. В его работе участвовали члены Политбюро ЦК партии, руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены военных советов и начальники штабов военных округов и армий, командиры корпусов и дивизий, побывавших на фронте, руководители высших военно-учебных заведений и ответственные работники Генерального штаба.

На совещании в ходе обсуждения вопроса «Об основных принципах организации боевой подготовки войск и штабов» был выработан ряд принципиальных решений, направленных на усиление обороноспособности и боеготовности Красной Армии. Особое внимание обращалось на подготовку войск к действиям в сложных условиях, на штабную подготовку командиров частей и соединений, работников штабов. Увеличилось число учений и маневров.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство произвели значительные перемещения в руководящем составе Наркомата обороны. Реорганизация длилась фактически вплоть до начала Великой Отечественной войны. В мае 1940 года действовавший при Совнаркоме СССР Комитет обороны возглавил К. Е. Ворошилов, а наркомом обороны стал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Перестановка затронула, естественно, также аппарат наркомата и Генерального штаба. Меня примерно тогда же назначили первым заместителем начальника Оперативного управления Генштаба, присвоив мне звание комдив. С середины апреля 1940 года я включился в ответственную работу Генерального штаба – работу над планом по отражению возможной агрессии. Справедливость требует отметить, что главное к тому времени было уже выполнено. В течение всех последних лет подготовкой плана непосредственно руководил Б. М. Шапошников, и Генштаб к тому времени завершал его разработку для представления на утверждение в ЦК партии. Основные установки по составлению доклада давал нам Б. М. Шапошников. 7 мая 1940 года ему было присвоено звание Маршала Советского Союза. Над проектом доклада мы работали вместе с Н. Ф. Ватутиным и Г. К. Маландиным.

Генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин, один из видных полководцев Великой Отечественной войны, уже в то время был хорошо известен руководящему составу РККА. Свой боевой путь Николай Федорович Ватутин, родившийся в бедной крестьянской семье деревни Чепухино Курской губернии, начал 19-летним красноармейцем, участвуя в ликвидации на Украине контрреволюционных банд. Суровый солдатский труд явился для будущего полководца первой школой, которая воспитала в нем безупречное отношение к выполнению воинского долга, твердость характера, решительность в действиях. Военное дело оказалось его призванием. Пройдя в течение 20-летней службы в Красной Армии ряд командных и штабных должностей, он приобрел солидный боевой опыт, особенно в Киевском особом военном округе, где был начальником штаба и одним из руководителей Украинского фронта в период освобождения Западной Украины. Н. Ф. Ватутин имел прекрасную теоретическую подготовку.

Он закончил Полтавскую пехотную школу, Киевскую высшую объединенную военную школу, Военную академию имени Фрунзе и Академию Генштаба.

Генерал-лейтенант Герман Капитонович Маландин ранее был заместителем Н. Ф. Ватутина в штабе КОВО и также обладал значительным опытом. В 1940 году они пришли в Генштаб. Н. Ф. Ватутин занимал должность начальника Оперативного управления, Г. К. Маландин – его заместителя. Позже Николай Федорович стал первым заместителем начальника Генштаба, а Г. К. Маландин – начальником Оперативного управления.

Работали мы очень дружно и напряженно. Оперплан занимал в те месяцы все наши мысли. Наиболее вероятным и главным противником в нем называлась гитлеровская Германия. Предполагалось, что на стороне Германии может выступить Италия, но она, как отмечалось в плане, скорее всего, ограничится боевыми действиями на Балканах, созданием косвенной угрозы нашим государственным границам. По всей видимости, на стороне Германии могут выступить Финляндия (чьи руководители после разгрома Франции и краха английских войск под Дюнкерком взяли ориентацию на Берлин), Румыния (типичный «сырьевой придаток» Германии с 1939 года, а летом следующего года вообще отказавшаяся от нейтралитета в пользу фашистского блока) и Венгрия (в то время уже участник «Антикоминтерновского пакта»). Б. М. Шапошников считал, что военный конфликт может ограничиться западными границами СССР. На этот случай оперплан предусматривал концентрацию основных сил страны именно здесь. Не исключая нападения Японии на наш Дальний Восток, он предлагал сосредоточить там такие силы, которые гарантировали бы нам устойчивое положение.

Говоря далее о предполагаемом направлении главного удара противника, Б. М. Шапошников считал, что самым выгодным для Германии, а, следовательно, и наиболее вероятным, является развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан. Соответственно в плане предлагалось развернуть и наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участках Северо-Западного и Западного фронтов. Обеспечить южное направление должны были, согласно плану, также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств. В целом предусматривалось, что Германии потребуется для развертывания сил на наших западных границах 10–15 дней от начала их сосредоточения. О возможных сроках начала войны в докладе ничего не говорилось. Таковы его общие контуры.

Этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И. В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли нарком С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его первый заместитель Н. Ф. Ватутин. Мы с генералом А. Ф. Анисовым, доставив в Кремль план, во время его рассмотрения в течение нескольких часов находились в комнате секретариата И. В. Сталина. Прежде чем рассказывать о дальнейшем ходе событий, упомяну о том, почему в представлении ЦК партии важнейшего оперативного документа не участвовал один из его основных составителей и автор главных его идей. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба был назначен генерал армии К. А. Мерецков.

О том, что предшествовало перемещению Б. М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И. В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полно-

стью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

– А каково ваше мнение? – спросил Сталин.

Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооружений, он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления и управления строительства укрепленных районов.

Для нас, работников Генштаба, причина перевода Б. М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом. Каждый из нас отлично сознавал, какой весомый багаж ценных знаний, особенно в области оперативного искусства, и какой богатейший опыт штабной службы приобрели мы, работая с Борисом Михайловичем и повседневно учаась у него.

Добавлю, что, занимаясь разработкой военной теории, он неустанно стремился довести до широких кругов командного состава последние достижения военной науки. Будучи начальником Генштаба, он регулярно выступал с докладами на курсах усовершенствования командного состава, при разборах войсковых маневров, учений и всюду на конкретных примерах умело наставлял высший командный состав в теории штабной службы, прививал культуру руководства. В его итоговых разборах военных игр, полевых поездках, войсковых учениях и маневрах всегда и всеми чувствовалась меткость его наблюдений. Он детально разбирал действия «воюющих сторон», четко формулировал выводы, которые следовало сделать для дальнейшего повышения боеготовности войск, оперативной подготовки командного состава и штабов.

Б. М. Шапошников обладал всеми необходимыми качествами для работы в Генеральном штабе: отличным знанием военного дела, большой эрудицией, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Опыт крупной оперативно-штабной работы в годы Первой мировой и Гражданской войн, высокое доверие со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства позволили Б. М. Шапошникову превратить Генеральный штаб в подлинный центр руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной Армии. Его личный пример влиял на подчинённых. Выдержанность, вежливость и скромность, такт в общении с людьми, дисциплинированность и предельная исполнительность – все это воспитывало у лиц, работавших под его началом, чувство собственного достоинства, ответственность и точность, высокую культуру поведения. Подчеркну, что Б. М. Шапошников являлся олицетворением долга. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства по укреплению обороноспособности страны он видел свою первейшую обязанность и самый смысл существования Генерального штаба.

Борис Михайлович был известен не только нашим Вооруженным Силам и стране, но и в армиях зарубежных стран как крупный военный теоретик, отличный организатор, мастер оперативной штабной работы. Он внес заметный вклад в подготовку большой плеяды опытных советских военачальников. Вспоминая о дорогом Борисе Михайловиче, нельзя не сказать о его вступлении в партию, в которую он был принят решением Секретариата ЦК ВКП(б) 9 ноября 1930 года без прохождения кандидатского стажа. В своем заявлении о приеме в партию он 28 сентября 1930 года писал: «Тринадцать лет идя рука об руку в своей работе с Всесоюзной Коммунистической партией, проводя за это время неуклонно линию партии во всей своей жизни, борясь вместе с ней на фронтах Гражданской войны за дело Ленина, я прошу, если окажусь достойным, принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии, дабы до конца своей жизни трудом и кровью защищать дело пролетариата в ее железных рядах».

Работа с Б. М. Шапошниковым была постоянной и неоценимой школой. И я, признаться, всегда испытывал чувство гордости, когда И. В. Сталин, рассматривая тот или иной вопрос, говорил обо мне:

– А ну, послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!

Борису Михайловичу я обязан и тем вниманием к моей персоне, которое иногда уделял лично мне Сталин. В связи с этим припоминается следующее.

Зимой 1940 года после одного довольно затянувшегося заседания Политбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталин пригласил всех его участников отобедать у него на квартире, находившейся этажом ниже его кабинета в Кремле. На заседании по докладу начальника Генерального штаба был принят ряд оперативных и довольно срочных решений. Б. М. Шапошников дал мне указание немедленно отправиться в Генштаб, отдать там все распоряжения, связанные с этими решениями. Минут через 45 после того, как я прибыл в Генштаб, мне позвонил А. Н. Поскребышев и сообщил, что меня ждут в Кремле к обеду. Быстро закончив дела, я через несколько минут уже сидел рядом с Борисом Михайловичем за обеденным столом. Один из очередных тостов И. В. Сталин предложил за мое здоровье, и, вслед за этим, он задал мне неожиданный вопрос: почему по окончании семинарии я «не пошел в попы»? Я, несколько смутившись, ответил, что ни я, ни отец не имели такого желания, что ни один из его четырех сыновей не стал священником. На это Сталин, улыбаясь в усы, заметил:

– Так, так. Вы не имели такого желания. Понятно. А вот мы с Микояном хотели пойти в попы, но нас почему-то не взяли. Почему, не поймем до сих пор.

Беседа на этом не кончилась.

– Скажите, пожалуйста, – продолжил он, – почему вы, да и ваши братья, совершенно не помогаете материально отцу? Насколько мне известно, один ваш брат – врач, другой – агроном, третий – командир, летчик и обеспеченный человек. Я думаю, что все вы могли бы помогать родителям, тогда бы старик не сейчас, а давным-давно бросил бы свою церковь. Она была нужна ему, чтобы как-то существовать.

Я ответил, что с 1926 года я порвал всякую связь с родителями. И если бы я поступил иначе, то, по-видимому, не только не состоял бы в рядах нашей партии, но едва ли бы служил в рядах Рабоче-Крестьянской Армии и, тем более, в системе Генерального штаба. В подтверждение я привел следующий факт.

За несколько недель до этого впервые за многие годы я получил письмо от отца. (Во всех служебных анкетах, заполняемых мною до этого, указывалось, что я связи с родителями не имею.) Я немедленно доложил о письме секретарю своей партийной организации, который потребовал от меня, чтобы впредь я сохранял во взаимоотношениях с родителями прежний порядок.

Сталина и членов Политбюро, присутствовавших на обеде, этот факт удивил. Сталин сказал, чтобы я немедленно установил с родителями связь, оказывал бы им систематическую материальную помощь и сообщил бы об этом разрешении в парторганизацию Генштаба.

Надо сказать, что через несколько лет Сталин почему-то вновь вспомнил о моих стариках, спросив, где и как они живут. Я ответил, что мать умерла, а 80-летний отец живет в Кинешме у старшей дочери, бывшей учительницы, потерявшей во время Великой Отечественной войны мужа и сына.

– А почему бы вам не взять отца, а быть может, и сестру к себе? Наверное, им здесь было бы не хуже, – посоветовал Сталин.

Думаю, что и в этих добрых чувствах Сталина к моим близким не обошлось без Бориса Михайловича...

К. А. Мерецков, возглавивший Генштаб после Б. М. Шапошникова, прошел несколько иную школу жизни, хотя и не менее насыщенную событиями. Он тоже обладал немалым опытом работы – политической (член партии с дооктябрьского времени, комиссар отряда, дивизии

и штаба округа), штабной (начальник штабов в бригаде, дивизии, корпусе, армии и округах) и командной (райвоенком, командир отряда и дивизии, командующий армией и округами). Талантливый практик, Кирилл Афанасьевич внес в штабную работу почерк командующего, опирающегося, прежде всего, на опыт. Оба они – и Б. М. Шапошников, и К. А. Мерецков – были близки к жизни, к биению ее пульса, но каждый по-своему. Первый – несколько выдержаннее, аналитичнее, пожалуй, чуть суше; второй – подвижнее (сказывалась, конечно, и разница в годах), экспансивнее, попроще, с народной хитрецей и чувством юмора.

Вернемся, однако, к плану по отражению агрессии. Как нам рассказал К. А. Мерецков, при его рассмотрении И. В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении.

Требовалось в предельно сжатые сроки выполнить весь объем той колоссальной работы, который был связан с этим. Маландин, Анисов и я были обязаны не позднее 15 декабря закончить разработку всех соответствующих вопросов, касавшихся Наркомата обороны и Генерального штаба, учтя при этом проблемы, связанные с Наркоматом путей сообщения, а также определить задания соответствующим военным округам, с тем, чтобы с 1 января 1941 года командование и штабы округов могли приступить к разработке окружных планов.

Это были месяцы, когда германский фашизм, с попустительства империалистов Англии и Франции, шагал по Европе. Капитулировавшая летом 1940 года Франция была расчленена. Германская авиация совершала массированные налеты на Англию. Япония расширяла военные действия в Китае. 27 сентября в Берлине был подписан пакт о военном союзе между Германией, Италией, Японией. Этот агрессивный пакт был направлен, как это ясно было каждому здравомыслящему человеку, в первую очередь против СССР.

Мы должны были спешить. Новая преступная акция фашистской Германии в Западной Европе – захват ею не только малых стран, но и Франции – не могла не вызывать у нас чувства повышенной настороженности. Мы должны были учитывать, что Германия подчинила себе почти весь промышленный комплекс Европы, ее военный потенциал значительно усилился, а ее агрессивные аппетиты возросли. Угроза фашистского нападения на Советский Союз стала более реальной.

Поэтому все мы с глубоким одобрением отнеслись к мероприятиям Коммунистической партии, направленным на максимальное развитие оборонной промышленности, на ускорение технического перевооружения армии и флота, дальнейшее укрепление их боеготовности. Особая забота была проявлена о главных отраслях оборонной промышленности: авиационной, танковой, судостроительной, артиллерийской. Огромное внимание партии к оборонной промышленности показывает, к примеру, то, что Политбюро обязало директоров самолетостроительных и авиамоторных заводов постоянно сообщать в ЦК о количестве выпущенной продукции. Каждый день стал измеряться тем, что было сделано для укрепления безопасности страны. В результате, лишь за 1940 год было достигнуто многое. Достаточно сказать, что количество дивизий увеличилось с осени 1939 года к 1941 году более чем в два раза, а число авиационных полков к июню 1941 года в сравнении с началом 1939 года возросло на 4/5. Формировались танковые бригады для непосредственной поддержки пехоты. Вся наша система оперативной и боевой подготовки стала больше учитывать требования военного времени.

Усиливалась партийно-политическая работа. Воины с удовлетворением встретили новое пополнение кадров политработников по партийной мобилизации. В 1939–1940 годах ЦК пар-

тии направил на партийно-политическую работу в армию и на флот 5,5 тыс. коммунистов, а в июне 1941 года еще 3,7 тыс.

Важное значение в укреплении безопасности советских рубежей имело воссоединение западных областей Белоруссии с БССР и западных областей Украины и Северной Буковины с УССР, восстановление Советской власти в Латвии, Литве, Эстонии, и вхождение их в состав Союза ССР, освобождение и возвращение в братскую семью народов Советского Союза трудящихся Бессарабии. Эти исторические акты, имевшие большое политическое и социальное значение для судеб социалистической Родины в целом, вместе с тем позволили отодвинуть наши государственные границы на 250–350 км. Но нужно признать, что наши новые границы поставили и ряд трудных проблем в области укрепления безопасности, которые, к сожалению, к началу войны полностью решить не удалось.

Потребовалось серьезно и срочно перестраивать оборону страны, в кратчайшие сроки освоить и укрепить новые приграничные районы. Были приняты решения об их инженерно-техническом оборудовании с постройкой в них хорошо развитых в глубину, современных по тому времени оборонительных рубежей, о развитии железнодорожных путей, с перешивкой их с западноевропейской колеи на отечественную, созданием дополнительного числа железнодорожных станций, о строительстве грунтовых дорог, линий связи и всего необходимого для быстрого сосредоточения, размещения и развертывания войск, а также для ведения ими боевых действий при отражении нападения противника.

Однако времени для реализации этих важных решений было очень мало. Нас, работников Оперативного управления Генерального штаба, беспокоила слабая пропускная способность железных дорог, особенно тех из них, которые лежали западнее старых границ. К западу от железнодорожной рокады Овруч – Коростень – Шепетовка – Каменец-Подольский шло только пять линий с пропускной способностью в 2,5 раза меньшей, чем к востоку от нее. Немногим лучше обстояло дело на территории Прибалтики.

Нецелесообразно было в непосредственной близости от новой границы строить в 1940–1941 годах аэродромы и размещать военные склады. Генеральный штаб и лица, непосредственно руководившие в Наркомате обороны снабжением и обеспечением жизни и боевой деятельности войск, считали наиболее целесообразным иметь к началу войны основные запасы подальше от государственной границы, примерно на линии реки Волги. Некоторые же лица из руководства наркомата (особенно Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко) категорически возражали против этого. Они считали, что агрессия будет быстро отражена и война во всех случаях будет перенесена на территорию противника. Видимо, они находились в плену неправильного представления о ходе предполагавшейся войны. Такая иллюзия, к сожалению, имела место. Весной 1940 года Центральный Комитет партии на совещании по вопросам идеологической работы в Вооруженных Силах подверг критике тезис о легкой победе.

Из этого тезиса кое-кто сделал неверный вывод, что действия советских войск обязательно будут носить с самого начала только наступательный и, притом, непременно успешный характер, а раз это так, то и склады должны быть уже в мирное время придвинуты поближе к войскам. Следовательно, и размещать их следует, готовясь к войне, на территориях новых приграничных районов.

Исключительно напряженной была в те месяцы и дипломатическая деятельность. 7 ноября 1940 года, после военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади в Москве, генерала В. М. Злобина, состоявшего для особо важных поручений при наркоме обороны, и меня вызвали к С. К. Тимошенко. Нарком сообщил нам, что в ближайшие дни, по решению правительства, нам надлежит отправиться в составе правительственной делегации в Берлин в качестве военных экспертов, и что необходимые указания мы получим непосредственно от главы делегации. Возглавил ее Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел В. М. Молотов. Инициатором поездки был Берлин.

Специальным поездом, шедшим вне расписания, делегация выехала 9 ноября. Ее сопровождал в том же поезде немецкий посол в СССР граф фон дер Шуленбург. С Москвой поддерживалась постоянная радиосвязь. В первый же день поездки помощник В. М. Молотова И. И. Лапшов пригласил В. М. Злобина и меня к главе делегации. Из состоявшейся беседы нам нетрудно было уяснить, что переговоры в Берлине будут носить чисто политический характер, и что основной целью нашей поездки является стремление Советского правительства определить дальнейшие намерения Гитлера и содействовать тому, чтобы как можно дольше оттянуть германскую агрессию.

Вечером 10 ноября поезд прибыл на советскую границу. На приграничной немецкой станции Эйдкунен местные железнодорожные власти долго настаивали на том, чтобы делегация перешла в «специально подготовленный» ими железнодорожный состав. Советская делегация через начальника своего поезда категорически отказалась от этого, так как наш поезд на последней советской станции был уже поставлен на тележки западноевропейского образца. После длительных дебатов, которые вел с немцами начальник советского поезда, немцы вынуждены были уступить, к нашему составу были прицеплены два немецких салон-вагона, и наш состав направился дальше.

Утром 12 ноября состав прибыл в Берлин. На Ангальтском вокзале нас встречала группа государственных деятелей Германии во главе с министром иностранных дел фон Риббентропом и генерал-фельдмаршалом Кейтелем. После положенного в таких случаях церемониала нас разместили во дворце Бельвю. В тот же день глава делегации, в сопровождении советского посла в Берлине, наших переводчиков и фон Риббентропа, отправился в здание имперской канцелярии для встречи с Гитлером.

Как мы вскоре узнали, Гитлер попытался вовлечь советскую делегацию в грязную игру, предложив обсудить провокационный план «раздела мира» между Германией, Италией, Японией и СССР. Отвергнув политические инсинуации, Молотов потребовал конкретных ответов на наши вопросы о политике Берлина в Центральной и Юго-Восточной Европе, и целях Германии в Финляндии и Румынии. Не найдя общего языка, стороны разошлись. А вечером состоялся прием в советском посольстве на Унтер-ден-Линден. Явились рейхсмаршал Г. Геринг, заместитель Гитлера по руководству нацистской партией Р. Гесс, министр иностранных дел фон Риббентроп и другие. Не успели усесться за стол, как раздался вой воздушной тревоги: к Берлину приближались английские самолеты. Прием был прерван.

Состоялась вторая встреча с Гитлером. И она не дала никаких результатов.

Вечером 13 ноября фон Риббентроп принимал у себя на Вильгельмштрассе В. М. Молотова. Не удалась и здесь эта провокация.

Следующим утром мы покидали Берлин. От помпезности и от показной приветливости хозяев не осталось и следа: холодные проводы, сухой обмен официальными фразами. Позднее всему миру стало известно, что уже 5 декабря Гитлер, рассмотрев «план Отто» (план нападения на СССР), одобрил его в принципе, а 18 декабря подписал «план Барбаросса» со сроком готовности нанести удар по СССР 15 мая 1941 года.

За дни поездки и пребывания в Берлине у меня установились со многими из членов делегации довольно близкие, а с некоторыми даже дружеские, отношения, особенно с наркомом черной металлургии Иваном Федоровичем (Ованесом Тевадросовичем) Тевосяном. Уроженец Нагорного Карабаха, выходец из бедной семьи, член партии с 16 лет и участник гражданской войны в Закавказье, Тевосян окончил в 1927 году Горную академию и стал инженером-сталеваром. Поработав на заводе «Электросталь», он в 1929 году в группе советских специалистов был направлен стажироваться на одно из рурских предприятий Круппа. Тевосян успешно прошел практику в Эссене, после чего стал главным инженером «Электростали», затем в 29 лет возглавил государственное объединение «Спецсталь», руководившее рядом крупных заводов, а с 1937 года по 1939 был последовательно начальником главка и заместителем наркома

в Наркомате оборонной промышленности, а потом народным комиссаром судостроения. Как раз в том году, когда состоялась наша поездка в Берлин, Тевосяна назначили наркомом черной металлургии. Он хорошо знал Германию, и его участие в поездке принесло безусловную пользу.

Еще на пути в Берлин Иван Федорович рассказал много интересного о жизни и быте германского рабочего класса. Охотно делился Тевосян своими весьма верными выводами относительно положения в тогдашней Германии. Он утверждал, что фашистская пропаганда, обещавшая раздел несметных богатств при захвате чужих земель, и те подачки, которые гитлеровское правительство бросало разным слоям немецкого населения, находили отклик среди значительных кругов мелкой буржуазии и наименее сознательных слоев рабочего класса. Касаясь отношения гитлеровцев к СССР, он заверял, что все военные помыслы Гитлера прямо направлены на восток и что вопрос о нашем военном конфликте с Германией – дело ближайшего времени.

И в дни поездки, и впоследствии я имел возможность не раз оценить высокие деловые и человеческие качества Тевосяна, его заражавшее всех трудолюбие, умение работать с людьми, его организаторские способности. Оставаясь до 1953 года министром черной металлургии, Тевосян с 1949 года был, кроме того, заместителем Председателя Совмина СССР. Дел ему хватало. Но я не помню ни одного случая, когда правильно поставленный перед ним вопрос не получил бы быстрого и должного разрешения. Заслуги Ивана Федоровича в развитии отечественной металлургии, в обеспечении Советской Армии необходимым вооружением и техникой, в организации победы над фашизмом высоко оценены Советским правительством.

Все члены делегации вынесли общее впечатление от поездки: Советский Союз должен быть, как никогда, готов к отражению фашистской агрессии...

В декабре 1940 года состоялось Всеармейское совещание руководящего состава. В конце декабря была проведена и оперативно-стратегическая игра, к участию в которой привлекли наиболее ответственных лиц из этого состава. На самом высоком уровне в Кремле подводились итоги совещания и разбор игры. Я в этих важных мероприятиях не смог участвовать, так как в конце ноября серьезно болел. Вернулся на работу в феврале 1941 года, как раз в тот день, когда вместо К. А. Мерецкова на пост начальника Генштаба был назначен генерал армии Г. К. Жуков.

Всю первую половину 1941 года Генштаб работал с неослабевающим напряжением. Еще и еще раз анализировались операции первых лет Второй мировой войны и принципы их проведения. Глубоко изучались как наступательные операции, так и вопросы стратегической обороны. В директивах наркома обороны руководящему составу Красной Армии одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, ставились задачи и по оборонительным операциям.

В качестве практических мероприятий предусматривалось проведение зимою в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения – фронтовой оборонительной операции. Летом армии и округа осуществляли на тех же основаниях армейские или фронтовые двусторонние полевые учения. Основной, конечно, была наступающая сторона, а противоположная решала задачи оборонительного характера.

Однако нельзя не сказать при этом, что правильная в принципе установка на то, чтобы вести войну на территории агрессора, что при нападении врага на СССР боевые действия советских войск должны быть до предела решительными, кое-где пропагандировалась одно-сторонне, что, как уже говорилось, способствовало распространению иллюзий легкой победы в войне.

С февраля 1941 года Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии.

В этих условиях Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага; что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным юрдам. С нашей стороны предусматривалась необходимость силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господство в воздухе и, в свою очередь, нанести по нему решительные удары с воздуха. Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которого наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов, совместно с пограничными войсками, обязаны будут сдерживать первый натиск, а механизированные корпуса, опирающиеся на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в пашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление. К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что от мобилизации и сосредоточения войск будет произведено заблаговременно.

Оперативный план отражения агрессии был тщательно увязан с мобилизационным планом Красной Армии и страны в целом; отработаны расчеты и графики на перевозки войск, и всего необходимого для них из глубины страны в районы сосредоточения, и приняты должные меры для обеспечения перевозок по линии Наркомата путей сообщения. План был отработан не только Генеральным штабом с соответствующими управлениями Наркомата обороны, но и с командованием войск приграничных военных округов. Для этой цели в феврале – апреле 1941 года в Генштаб вызывались командующие войсками, члены военных советов, начальники штабов и оперативных отделов Прибалтийского, Западного, Киевского особых и Ленинградского военных округов. Вместе с ними намечались порядок прикрытия границы, выделение для этой цели необходимых сил и формы их использования. При этом предусматривалось, что войска эшелонов прикрытия к началу действий врага, будучи полностью укомплектованными по штатам военного времени, развернутся на подготовленных оборонительных рубежах вдоль границы и, вместе с укрепленными районами и пограничными войсками, смогут, в случае крайней необходимости, прикрыть от мобилизации войск второго эшелона приграничных округов, которым по мобилизационному плану отводили для этого от нескольких часов до одних суток.

В связи с возрастающей угрозой агрессии со стороны фашистской Германии Наркомат обороны и Генеральный штаб не только вносили коррективы в разработанные оперативный и мобилизационный планы для отражения неизбежного нападения на нашу страну, но по указаниям ЦК партии и правительства проводили в жизнь целый ряд очень важных мероприятий из этих планов, направленных на усиление обороноспособности наших западных границ. Так, с середины мая 1941 года по директивам Генерального штаба началось выдвижение ряда армий – всего до 28 дивизий – из внутренних округов в приграничные, положив тем самым начало к выполнению плана сосредоточения и развертывания советских войск на западных границах. В мае – начале июня 1941 года на учебные сборы было призвано из запаса около 800 тыс. человек, и все они были направлены на пополнение войск приграничных западных военных округов и их укрепленных районов. Центральный Комитет партии и Советское правительство проводили ряд и других серьезнейших мероприятий в целях дальнейшего повышения боевой готовности, и боеспособности вооруженных сил, по развитию военно-промышленной базы, по

укреплению обороноспособности страны в целом. К середине 1941 года общая численность армии и флота достигла более 5 млн. человек и была в 2,7 раза больше, чем в 1939 году.

В мае – июне 1941 года по железной дороге на рубеж рек Западная Двина и Днепр были переброшены 19-я, 21-я и 22-я армии из Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов, 25-й стрелковый корпус из Харьковского военного округа, а также 16-я армия из Забайкальского военного округа на Украину, в состав Киевского, особого военного округа. 27 мая Генштаб дал западным приграничным округам указания о строительстве в срочном порядке полевых фронтовых командных пунктов, а 19 июня – вывести на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. Управление Одесского округа по ходатайству окружного командования добилось такого разрешения ранее. 12–15 июня этим округам было приказано вывести дивизии, расположенные в глубине округа, ближе к государственной границе. 19 июня эти округа получили приказ маскировать аэродромы, воинские части, парки, склады и базы и рассредоточить самолеты на аэродромах.

Однако полностью провести в жизнь и завершить намеченные мобилизационные, и организационные мероприятия не удалось. Сказался здесь и просчет в определении времени возможного нападения гитлеровской Германии на нашу страну, да и экономические возможности страны не позволили выполнить их в сроки, отведенные нам историей. Сыграли, конечно, в этом свою роль и те недочеты, которые были допущены военным руководством при планировании и практическом осуществлении этих мероприятий.

Война началась

Всесторонняя перестройка. – Создание центрального и фронтовых органов управления войсками. – События в центре и на юго-западе советско-германского фронта. – Факты и директивы. – Отход

Итак, Советской стране удалось многое сделать в годы и месяцы, непосредственно предшествовавшие войне. Об этом свидетельствовали и невиданные в мире успехи в области экономики, и мудрые шаги во внешней политике. Народ, руководимый партией, не терял времени зря: укреплял обороноспособность Родины, готовился к неизбежной схватке с врагом. Но, как и всякое большое несчастье, война обрушилась внезапно. Фашистские орды вероломно вторглись на нашу землю.

В июне 1941 года в Генеральный штаб от оперативных отделов западных приграничных округов и армий непрерывно шли донесения одно другого тревожнее. Сосредоточение немецких войск у наших границ закончено. Противник на ряде участков границы приступил к разборке поставленных им ранее проволочных заграждений и к разминированию полос на местности, явно готовя проходы для своих войск к нашим позициям. Крупные танковые группировки немцев выводятся в исходные районы. Ночами ясно слышен шум массы танковых двигателей.

Все работники нашего Оперативного управления без каких-либо приказов сверху почти безотлучно находились в те дни на своих служебных местах.

В первом часу ночи на 22 июня нас обязали в срочном порядке передать поступившую от начальника Генерального штаба Г. К. Жукова подписанную наркомом обороны и им директиву в адреса командования Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. В директиве говорилось, что в течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немецких войск на фронтах этих округов. Указывалось также, что нападение может начаться с провокационных действий; поэтому задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокации, которые могли бы вызвать крупные осложнения. Однако далее подчеркивалась необходимость округам быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар противника. Директива обязывала командующих войсками: а) в течение ночи на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; б) перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать; в) все части привести в боевую готовность; войска держать рассредоточенно и замаскированно; г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Никаких других мероприятий без особых распоряжений директива не предусматривала. В 00.30 минут 22 июня 1941 года директива была послана в округа.

Оправданно поставить вопрос: почему Сталин, зная о явных признаках готовности Германии к войне с нами, все же не дал согласия на своевременное приведение войск приграничных военных округов в боевую готовность?

Вопрос этот уже освещался в ряде военных мемуаров. Но, поскольку читатели моих воспоминаний прислали по нему письма и высказывают свое мнение, я также изложу кратко свои соображения.

Само по себе приведение войск приграничной зоны в боевую готовность является чрезвычайным событием, и его нельзя рассматривать как нечто рядовое в жизни страны и в ее международном положении. Некоторые же читатели, не учитывая этого, считают, что, чем раньше были бы приведены Вооруженные Силы в боевую готовность, тем было бы лучше для нас, и дают резкие оценки Сталину за нежелание пойти на такой шаг еще при первых признаках

агрессивных устремлений Германии. Сделан упрек и мне за то, что я, как они полагают, опустил критику в его адрес.

Не буду подробно останавливаться на крайностях. Скажу лишь, что преждевременная боевая готовность Вооруженных Сил может принести не меньше вреда, чем запоздание с ней. От враждебной политики соседнего государства до войны нередко бывает дистанция огромного размера. Остановлюсь лишь на том случае, когда Сталин явно промедлил с принятием решения на переход армии и страны на полный режим военного времени.

Так вот, считаю, что хотя мы и были еще не совсем готовы к войне, о чем я уже писал, но, если реально пришло время встретить ее, нужно было смело перешагнуть порог. И. В. Сталин не решался на это, исходя, конечно, из лучших побуждений. Но, в результате несвоевременного приведения в боевую готовность, Вооруженные Силы СССР вступили в схватку с агрессором в значительно менее выгодных условиях и были вынуждены с боями отходить в глубь страны. Не будет ошибочным сказать, что, если бы к тем огромным усилиям партии и народа, направленным на всемерное укрепление военного потенциала страны, добавить своевременное от мобилизации и развертывание Вооруженных Сил, перевод их полностью в боевое положение в приграничных округах, военные действия развернулись бы во многом по-другому.

Иными словами, если бы наши войсковые части и соединения были своевременно от мобилизованы, выведены на предназначенные для них планом боевые рубежи, развернулись на них, организовали четкое взаимодействие с артиллерией, с танковыми войсками и авиацией, то можно предположить, что уже в первые дни войны были бы нанесены противнику такие потери, которые не позволили бы ему столь далеко продвинуться по нашей стране, как это имело место. Но отступить нам пришлось бы, так как немецко-фашистские войска все же имели ряд серьезных преимуществ, в том числе такие, как милитаризация экономики и всей жизни Германии, превосходство по ряду показателей в вооружении и численности войск и опыту ведения войны. И неправильно объяснять неудачное начало войны исключительно ошибками Сталина.

Партия видела приближение войны и предпринимала максимум усилий, чтобы оттянуть сроки вступления в нее Советского Союза. Это был мудрый и реалистичный курс. Его осуществление требовало, прежде всего, искусного ведения дипломатических отношений с капиталистическими странами, и особенно с агрессивными. Советский Союз, руководимый Коммунистической партией, решительно боролся за укрепление мира, за безопасность народов, а в отношении Германии пунктуально выполнял свои договорные обязательства, не предпринимал ни одного шага, который гитлеровские главари могли бы использовать для обострения обстановки, для военных провокаций.

Вся проблема, по моему мнению, сводилась к тому, как долго нужно было продолжать такой курс. Ведь фашистская Германия, особенно последний месяц, по существу, открыто осуществляла военные приготовления на наших границах, точнее говоря, это было то самое время, когда следовало проводить форсированную мобилизацию и перевод наших приграничных округов в полную боевую готовность, организацию жесткой и глубоко эшелонированной обороны. И. В. Сталин, оказывавший огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику партии и правительства, видимо, не смог правильно уловить этого переломного момента. Нужно было немедленно принимать новые решения, открывающие новую историческую эпоху в жизни нашей Родины, и вместе с тем, конечно, соблюдать максимальную осторожность, чтобы не дать гитлеровцам повода для обвинения нашей страны в агрессивности. То, что Сталин не смог вовремя принять такого решения, является его серьезнейшим политическим просчетом.

В чем причины столь крупного просчета этого опытного и дальновидного государственного деятеля? Прежде всего, в том, что наши разведорганы, как справедливо отмечает в своих воспоминаниях Г. К. Жуков, не смогли в полной мере объективно оценивать поступавшую информацию о военных приготовлениях фашистской Германии и честно, по-партийному,

докладывать ее И. В. Сталину. Я не буду касаться всех аспектов такого положения, они в основном известны. Остановлюсь лишь на том, что в этом, видимо, сыграла свою роль и некоторая обособленность разведуправления от аппарата Генштаба. Начальник разведуправления, являясь одновременно и заместителем наркома обороны, предпочитал выходить с докладом о разведанных непосредственно на Сталина, минуя начальника Генштаба. Если бы Г. К. Жуков был в курсе всей важнейшей развединформации, при его положении и характере, он, наверное, смог бы делать более точные выводы из нее и более авторитетно представлять эти выводы И. В. Сталину и, тем самым, в какой-то мере повлиять на убеждение И. В. Сталина, что мы в состоянии оттянуть сроки начала войны, что Германия не решится воевать на два фронта – на западе и на востоке.

Нужно также иметь в виду, что И. В. Сталин, стремясь оттянуть сроки войны, переоценивал возможности дипломатии в решении этой задачи.

Появись у него сомнение в дальнейшей целесообразности такого курса, он, как человек твердый, решительный, возможно, немедленно дал бы согласие на проведение всех мер мобилизационного характера.

В связи с этим, думаю, имеет смысл остановиться на известном сообщении ТАСС от 14 июня 1941 года. Некоторые читатели склонны считать его документом, сыгравшим чуть ли не роковую роль в нашей подготовке к войне, притупившим бдительность советских людей в самый важный и критический момент в жизни нашей страны.

Если рассматривать данное сообщение в отрыве от внешней и внутренней политики Коммунистической партии, вероятно, и можно сделать какие-то негативные выводы. Но так поступать было бы опрометчиво.

Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является, с одной стороны, военно-политическим зондажем, который со всей очевидностью показал, что Германия держит курс на войну против СССР и угроза войны приближается. Это вытекало из гробового молчания фашистских главарей на запрос, обращенный к ним Советским правительством.

С другой стороны, это заявление показывало стремление нашего правительства использовать всякую возможность, чтобы оттянуть начало войны, выиграть время для подготовки наших Вооруженных Сил к отражению агрессии.

Таким образом, полагаю правильным считать, что сообщение ТАСС от 14 июня 1941 года является свидетельством заботы партии и правительства о безопасности нашей страны и о ее жизненных интересах.

О том, что это сообщение является внешнеполитической акцией, говорит продолжавшееся осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, переброска на запад войсковых соединений, перевод ряда предприятий на выполнение военных заказов и т. д.

У нас, работников Генерального штаба, как, естественно, и у других советских людей, сообщение ТАСС поначалу вызвало некоторое удивление. Но поскольку за ним не последовало никаких принципиально новых директивных указаний, стало ясно, что оно не относится ни к Вооруженным Силам, ни к стране в целом.

К тому же в конце того же дня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин разъяснил, что целью сообщения ТАСС являлась проверка истинных намерений гитлеровцев, и оно больше не привлекало нашего внимания.

В роковую ночь начала войны командование приграничных округов держало непрерывную связь с руководством Наркомата обороны и Генеральным штабом. В 4 часа с минутами нам стало известно от оперативных органов окружных штабов о бомбардировке немецкой авиацией наших аэродромов и городов. Одновременно или несколько ранее эти данные стали известны руководству Наркомата обороны и, почти тут же, Советскому правительству. Отборные фашистские орды, обладавшие двухлетним опытом ведения современной войны, обрушились на наши пограничные войска и войска прикрытия.

Так началась Великая Отечественная война. На всем протяжении границы от Баренцева до Черного морей завязалась ожесточенная и кровопролитная борьба.

29 июня ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимают директиву, пронизанную ленинскими мыслями о защите социалистического Отечества. Ее основополагающая идея: «Все для фронта, все для победы!». В директиве говорилось: «Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом». ЦК партии призывал: «В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли кропи за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу».

Партия, прежде всего, принимает меры к созданию органов стратегического руководства и фронтового управления. В этом ей пришлось пойти дальше, чем предусматривалось нашими планами. В довоенные годы мы предполагали, что военными действиями, командованием фронтов будет руководить нарком обороны с Главным военным советом, созданным в 1938 году. Проекта создания Ставки Верховного командования не имелось. Но начало войны показало, что структура руководства вооруженной борьбой должна быть более совершенной и эффективной. 22 июня военными действиями руководил, как и предусматривалось, Главный военный совет, но уже на следующий день была создана Ставка Главного командования Вооруженных Сил Союза ССР. Я сказал бы, что она носила несколько демократический характер, так как по главе ее был не главнокомандующий, а председатель – нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. В нее вошли также С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков, П. Г. Кузнецов, В. М. Молотов, И. В. Сталин.

Одновременно при Ставке был создан институт постоянных советников в составе Н. Ф. Ватутина, Н. А. Вознесенского, Н. Н. Воронова, А. А. Жданова, П. Ф. Жигарева, Г. И. Кулика, К. А. Мерецкова, А. И. Микояна, Б. М. Шапошникова и других военных, партийных и государственных деятелей.

Партия сразу же позаботилась о том, чтобы страна была широко информирована о ходе войны и усилиях народа, направленных на отпор агрессору. С этой целью было образовано Советское информационное бюро. Подготовка проектов правительственных сообщений о событиях на фронтах была возложена на начальника Разведывательного управления генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова и на меня.

К сожалению, вначале пришлось готовить нерадостные для советских людей сводки, но мы были обязаны говорить, и говорили народу правду о ходе военных действий. Первая по-настоящему радостная весть, которую мы передали на радио и в печать, было сообщение о нашей победе в Московской битве.

Большое значение для ведения войны имело постановление ЦК партии от 30 июня об образовании Государственного Комитета Обороны. ГКО сосредоточил в своих руках всю полноту власти в стране. Его постановления имели силу законов военного времени, их были обязаны выполнять все партийные, советские, военные, профсоюзные и другие организации, а также граждане СССР. Уже первые шаги ГКО по перестройке народного хозяйства, по мобилизации сил и ресурсов страны для военных нужд были весьма успешными.

Наивысшей и неопровержимой оценкой деятельности Государственного Комитета Обороны является весь ход Великой Отечественной войны, всемирно-исторические, незабываемые в веках победы советского народа над фашистскими агрессорами.

Мы, старшие советские военачальники, и тем более те из нас, которые имели возможность и счастье работать в эти суровые годы под непосредственным руководством ГКО, являемся свидетелями титанической работы, проделанной ЦК Коммунистической партии, Государственным Комитетом Обороны, для осуществления возникавших день за днем, казалось бы, совершенно невыполнимых по объемам и срокам задач в области руководства вооружен-

ной борьбой на фронте и напряженным трудом в тылу – в оборонной промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве.

Фронтные управления создавались на базе военных округов. Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты, а Одесский – в 9-ю армию. Ленинградский округ преобразовали в Северный фронт. 25 июня на базе управления Московского военного округа, переброшенного на юг, был образован Южный фронт.

В те дни, когда советские войска начали отходить вглубь страны, все наши помыслы обратились к одной цели: выдержать, выстоять, как бы ни было трудно. Враг был силен и беспощаден. Стало ясно, что борьба с ним будет длительной и тяжелой. Мы, офицеры и генералы Генерального штаба и всех Вооруженных Сил, глубоко переживали наши неудачи на фронтах.

В годы мирного строительства мы готовили войска и готовились сами к схватке с империалистическим агрессором. Мы считали, что борьба с ним будет нелегкой. Помню, не раз на всеармейских и других учениях отрабатывались варианты начального периода войны, и мы не тешили себя иллюзиями. И, тем не менее, развернувшаяся война все же оказалась более суровой, чем предполагалось.

Но ни перспектива длительной войны, ни трудности, ни потери, которые предстояло понести, не пугали нас. Мы горели желанием изменить ход войны. Наш служебный долг, характер ратного труда требовали отдать все свои силы, а если нужно, и жизнь защите Родины, и мы шли на это. Мы верили, что сумеем остановить врага, изменить ход войны. Залогом нашей уверенности являлись могучие жизненные силы советского строя, его способность выдержать любые испытания. Мы верили в мудрость Коммунистической партии, в ее умение вести страну сквозь любые трудности.

Каждый из нас, генштабистов, стремился сделать максимум возможного на своем участке, ускорить налаживание военного механизма в соответствии с требованиями войны. Напряжение в работе достигало крайнего предела. Приходилось решать все новые и новые задачи.

Наше Оперативное управление превратилось в некий улей, куда, прилетавшие с линии фронта, «пчелы» доставляли информацию, подлежащую немедленной обработке. Информация распределялась по трем отделам, сложившимся соответственно трем главным направлениям боевых действий: Северо-Западному, Западному и Юго-Западному. Не переставая, работали «Бодо» – телеграфные аппараты, отправлявшие сразу несколько телеграмм по встречным курсам. Бывшие окружные штабы, а ныне фронтные управления, слали нам свои донесения. Мы передавали распоряжения Центра в войска. Людей не хватало. Главная работа сосредоточилась в большом зале, куда были стянуты основные кадры, обслуживавшие связь с войсками. Всюду карты – географические и топографические, разных масштабов и предназначений. Непрерывные донесения. Телеграфные или доставляемые самолетами связи, самолетами-разведчиками. Информация, как можно более полная и точная, необходима, как воздух. Что происходит на фронтах, где находятся войска, наши и вражеские, на каком рубеже идут бои? Куда направить подкрепления, где и какая необходима боевая техника? Лишь бы не сбиться с ритма, не опоздать, вовремя дать сведения Ставке...

Попытки Главного командования остановить быстрое выдвижение вглубь страны мощных группировок врага силами неизготовленных к этому и понесших серьезные потери войск приграничных округов не удалось. Поэтому оно пришло к единственно правильному в тех условиях решению – использовать подходившие из глубины страны отобработанные эшелоны войск для создания нового стратегического фронта обороны. Оно решило ряд других довольно сложных проблем. Основные из них: немедленная организация прочной, устойчивой связи Главного командования с фронтами и во фронтах с войсками; выбор на местности наиболее выгодных для организации обороны рубежей и подготовка их в инженерном отношении; созда-

ние на этих рубежах группировок войск, наиболее отвечающих складывающейся к тому времени фронтовой обстановке; своевременный вывод на эти рубежи войсковых группировок, развертывание и подготовка их к обороне; всемерное повышение политико-морального состояния и боеспособности войск, массовая и срочная подготовка в военном и политическом отношении людских ресурсов, и создание новых мощных стратегических резервов; организация производства в этих тягчайших для страны условиях для обеспечения фронта всеми необходимыми материальными ресурсами, для более успешного ведения вооруженной борьбы с врагом.

В связи со все усложнявшимися задачами отпора врагу ЦК партии снова возвращается к вопросу о стратегическом руководстве. 10 июля Ставка Главного командования преобразуется в Ставку Верховного командования Вооруженными Силами Союза ССР, а 8 августа – в Ставку Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР. Ее председателем становится И. В. Сталин. 19 июля он назначается народным комиссаром обороны, а 8 августа – Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

Членами Ставки Верховного командования были назначены В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, С. М. Буденный. В этом составе она оставалась почти до конца войны. Ставка превратилась в достаточно централизованный и гибкий орган руководства вооруженной борьбой.

Были также внесены изменения в структуру Наркомата обороны и Генерального штаба. Характер перестройки также подсказывали интересы конкретного и оперативного руководства военными действиями, помощи фронтам.

Сошлюсь хотя бы на такой факт. С самого начала войны Генеральный штаб испытывал затруднения из-за постоянной потери каналов связи с фронтами и армиями. Трудно было и войскам без связи со Ставкой, Генштабом. Наркомат связи шел нам навстречу, но он должен был обслуживать потребности всей страны, а потому бывало, что наши нужды не всегда немедленно удовлетворялись. Когда доложили об этом ЦК партии, И. В. Сталин сказал:

– Если нарком Пересыпкин плохо помогает вам, тогда есть смысл назначить его по совместительству начальником Управления связи Наркомата обороны.

Так и сделали. Это сразу позволило привлечь для руководства фронтами и армиями все возможные средства связи страны и значительную часть лучших специалистов наркомата для обслуживания линий связи Вооруженных Сил. Дело решительно изменилось, и связь перестала быть у нас проблемой.

Тогда же было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ).

В конце июля реорганизуется служба тыла. Было создано Главное управление тыла (штаб, управление военных сообщений, автодорожное управление). Начальником тыла был назначен популярный в Вооруженных Силах и опытнейший хозяйственник генерал А. В. Хрулев. Ряд управлений Наркомата обороны преобразуются в главные. Восстанавливается должность начальника артиллерии Красной Армии, им был назначен генерал Н. Н. Воронов. Перестройка произошла в видах Вооруженных Сил.

В результате реорганизации центрального аппарата, осуществленной летом и осенью 1941 года, улучшилось руководство Вооруженными Силами, их строительством и обеспечением. Освобождение Генерального штаба от непосредственного участия в укомплектовании и формировании войск Красной Армии, от управления тылом Вооруженных Сил (за ним оставалось лишь право контроля) позволило ему сосредоточить основное внимание на оказании Верховному Главнокомандованию всемерной помощи в решении оперативно-стратегических вопросов. Но это вызвало ряд проблем, на которых я остановлюсь дальше.

Организационная перестройка коснулась и действующей армии. Генеральному штабу пришлось провести работу по разукрупнению фронтов. Это было вызвано рядом обстоятельств, в том числе увеличением размаха вооруженной борьбы и появлением новых операци-

онных направлений. Требовалось сделать фронтовое управление более гибким, оперативным. Война усложнила руководство военными действиями, и мы должны были в соответствии с этим перестраиваться. Работа по разукрупнению фронтов велась в течение всей второй половины 1941 года.

Ставка и Генштаб были также вынуждены пойти на такую временную меру, как упразднение корпусного звена. Мы решились на это потому, что не могли быстро восполнить потери командных кадров. Создалось такое положение, когда на корпусное управление не хватало людей, в результате чего оно оставалось сильно недоукомплектованным и не могло выполнять своих функций, эффективно руководить частями и соединениями. К исходу 1941 года было сохранено лишь 6 корпусных управлений, за счет высвободившихся командиров и политработников укомплектовали частично армейские штабы и дивизионное управление.

Пришлось пересматривать и организационную структуру дивизий. Ограниченные в то время материальные ресурсы вынудили нас пойти на снижение их огневых средств – сократилось количество орудий, огнеметов, пулеметов. Мы с сожалением приняли такое решение, но другого выхода не было. В то время народное хозяйство не могло дать столько оружия, боевой техники, боеприпасов, сколько требовал фронт. Учитывая реальные возможности, Ставка и Генштаб корректировали организационную структуру дивизий.

Принимая такие решения, мы надеялись, что это временная мера и что ограниченность материальных средств ведения войны будет компенсирована высоким морально-политическим подъемом в Вооруженных Силах, и быстрым приобретением командными кадрами опыта ведения боевых действий. Вместе с тем мы надеялись, что так продолжаться будет недолго, и организационная структура корпусного и дивизионного звена будет пересмотрена.

Надо заметить, что первоначальные неудачи Красной Армии показали некоторых командиров в невыгодном свете. Они оказались неспособными в той сложнейшей обстановке руководить войсками по-новому, быстро овладеть искусством ведения современной войны, оставались в плену старых представлений. Не все сумели быстро перестроиться. Сталин же исходил из того, что, если боевые действия развиваются не так, как нужно, значит, необходимо срочно произвести замену руководителя. Перемещения касались всего аппарата Наркомата обороны, Генерального штаба и руководства войсками. Однако такое отношение к кадрам в первые месяцы войны далеко не всегда давало положительные результаты.

Хочу несколько подробнее остановиться на работе Ставки. Это намерение вызвано многочисленными просьбами, высказанными авторами писем ко мне, а также тем, что в нашей литературе, как мне кажется, недостаточно четко освещена эта тема.

Некоторые товарищи настойчиво просят у меня фотоснимки хотя бы одного из заседаний Ставки. Мой ответ, что таких снимков вообще не существует, что их не было, вызывает недоумение.

Итак, была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном Главнокомандующем? Да. Была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный Главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые тотчас же и оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находясь далеко за пределами Москвы, главным образом на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным Главнокомандующим связь. Сталин знал, сколь важна деятельность членов Ставки по их основной должности, а поэтому не

считал возможным и необходимым собирать всех их в полном составе, а периодически вызывал отдельных членов Ставки, командующих войсками и членов военных советов фронтов для выработки, рассмотрения или утверждения того или иного решения, касающегося руководства боевой деятельностью Вооруженных Сил на данном этапе борьбы.

За более чем 30-месячный период моей работы в должности начальника Генерального штаба, а в дальнейшем и в бытность членом Ставки она полностью в утвержденном ее составе при Верховном Главнокомандующем ни разу не собиралась. На протяжении всей войны стратегические решения, направляемые в войска в виде директив Ставки, рассматривались Политбюро ЦК нашей партии и Государственным Комитетом Обороны, всецело осуществлявшими руководство вооруженной борьбой и деятельностью тыла страны, с привлечением в каждом отдельном случае необходимых для данной цели ответственных военных и гражданских работников. Подробнее я остановлюсь на этом в главе о Генеральном штабе.

Как правило, предварительная наметка стратегического решения и плана его осуществления вырабатывалась у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных – заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа требовала нескольких суток. В ходе ее Верховный Главнокомандующий, как правило, вел беседы, получая необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам, с командующими и членами военных советов соответствующих фронтов, с ответственными работниками Наркомата обороны, с наркоматами и, особенно, руководившими той или иной отраслью военной промышленности. Огромная работа в тот период проводилась ответственными работниками Генерального штаба и Наркомата обороны. В результате всестороннего обсуждения принималось решение, и утверждался план его проведения, отрабатывались соответствующие директивы фронтам, и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций.

На этой встрече происходило окончательное уточнение плана, устанавливались сроки проведения операций, подписывалась директива Ставки, отправляемая фронтам. Теперь наступал самый ответственный период – подготовка войск к осуществлению задуманного плана и обеспечение их всем необходимым для этого в установленные сроки.

Так работала Ставка при подготовке большинства крупных стратегических операций фронтов. Но иногда, в зависимости от обстановки, допускались и отступления от этого порядка. Так, в ряде случаев Верховный Главнокомандующий и Генеральный штаб, будучи крайне ограничены временем, вынуждены были согласовывать все вопросы с командующими фронтами по телефону. Отступления были, но незыблемым оставалось одно: при выработке стратегических планов и при решении крупнейших экономических проблем Политбюро ЦК партии, руководство Вооруженными Силами всегда опирались на коллективный разум. Вот почему принимаемые Верховным Главнокомандованием и коллективно вырабатываемые стратегические решения, как правило, всегда отвечали конкретной, складывающейся на фронтах обстановке, а требования, предъявляемые к исполнителям, были реальными, потому правильно воспринимались и исполнялись командованием и войсками.

Вернусь, однако, к лету 1941 года.

В конце июня Главное командование попыталось использовать выдвигаемые из глубины страны стратегические резервы для развертывания их на рубежах рек Западная Двина и Днепр. Однако подвижные крупные группировки врага опередили нас.

К середине июля 1941 года в условиях крайне напряженной обстановки войскам Красной Армии удалось временно стабилизировать фронт. Как и прежде, главным направлением на советско-германском фронте оставалось Центральное. На этом направлении Ставка Верховного Главнокомандования создала новый стратегический фронт обороны путем выдвижения

армий из своих резервов, но и он уступал врагу: по людям – в 2 раза, по орудиям и минометам – в 2 раза, по самолетам – в 2 раза, а по танкам соотношение было 4 к 1 в пользу противника.

Первые два месяца войны я выполнял обязанности только в Генштабе. В разгар Смоленского сражения, 30 июля, чтобы надежнее прикрыть направление на Москву и создать здесь более глубокую оборону, Ставка образовала Резервный фронт. Его командующим стал Г. К. Жуков, начальником штаба фронта – генерал-майор П. И. Ляпин, которого 10 августа сменил генерал-майор А. Ф. Анисов.

Начальником Генерального штаба в ночь на 30 июля был назначен Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. И. В. Сталин предпочел использовать командный опыт Г. К. Жукова непосредственно в войсках. Во главе всего штабного аппарата встал тот, кто в те месяцы мог, пожалуй, лучше, чем кто-либо, обеспечить бесперебойное и организованное его функционирование. В тот момент Ставка располагала данными, что на Северо-Западном направлении враг, где его наступление, хотя и с большим трудом, было временно приостановлено, спешно готовит с целью овладения Ленинградом три ударные группировки: одну – для наступления через Копорское плато, вторую – в районе Луги для удара вдоль шоссе Луга – Ленинград, третью – северо-западнее Шимска для наступления на новгородско-чудовском направлении.

30 июля для рассмотрения мероприятий, проводимых по усилению обороны Ленинграда, в Ставку вызвали главкома Северо-Западного направления К. Е. Ворошилова и члена военного совета А. А. Жданова. В обсуждении вопроса принимал участие и Б. М. Шапошников. По возвращении из Ставки в Генштаб (это было около 4 часов утра 31 июля) Борис Михайлович объявил мне, что в Ставке среди других вопросов стоял вопрос об усилении аппарата командования Северо-Западного направления и что Ворошилов по окончании заседания предложил назначить меня на должность начальника штаба. Б. М. Шапошников поинтересовался моим мнением. Я совершенно искренне считал, что если Климента Ефремовича не удовлетворял в этой должности такой способный, всесторонне подготовленный оперативный работник, как М. В. Захаров, то уж я, безусловно, вряд ли ему подойду. Б. М. Шапошников предупредил меня, что вечером Ставка вновь будет заниматься Северо-Западным направлением и что, видимо, вопрос о моем назначении будет решен. Он рекомендовал использовать оставшееся время для более детального изучения оперативной обстановки на этом направлении.

Весь день я просидел, погрузившись в карты и бумаги. А глубокой ночью Борис Михайлович, вернувшись из Кремля, ознакомил меня с новым решением Ставки: я назначался начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба.

1 августа я приступил к исполнению этих обязанностей. Ставка и Генштаб помещались тогда на Кировской улице, откуда быстро и легко можно было во время бомбежки перебраться на станцию метро «Кировская», закрытую для пассажиров. От вагонной колеи ее зал отгородили и разделили на несколько частей. Важнейшими из них являлись помещения для И. В. Сталина, генштабистов и связистов.

Как-то очередная воздушная тревога застала меня во время переговоров с Юго-Западным фронтом как раз возле подземного телеграфа. Мне срочно потребовалось подняться наверх, чтобы захватить с собой некоторые документы. Возле лифта я встретил членов ГКО во главе с И. В. Сталиным. Поравнявшись со мной, Сталин, показывая на меня шедшему рядом с ним В. М. Молотову и улыбаясь, сказал:

– А, вот он где, все неприятности – от него, – а затем, здороваясь со мной, спросил: – Где же вы изволили все это время прятаться от нас? И куда вы идете, ведь объявлена воздушная тревога?

Я ответил, что работаю по-прежнему в Генеральном штабе и иду захватить необходимые материалы, после чего возвращусь...

Эта встреча произошла до моего назначения начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. С февраля 1940 года до этой встречи я не имел возможности видеть И. В. Сталина.

С начала августа 1941 года я, сопровождая Б. М. Шапошникова, ежедневно, а иногда и по несколько раз в сутки, бывал у Верховного Главнокомандующего. В августовские и сентябрьские дни 1941 года эти встречи, как правило, происходили в Кремле, в кабинете И. В. Сталина. Одним из основных вопросов, который тогда решался, было формирование и место сосредоточения наших главных резервов. В первой половине августа Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб после того, как были сорваны отчаянные попытки врага овладеть Москвой лобовым ударом с ходу, полагали, что и в дальнейшем его усилия преимущественно будут направлены на захват Москвы. При этом считалось наиболее вероятным, что противник на сей раз нанесет фланговые удары мощными танковыми группировками в обход главных сил Западного фронта и самой Москвы, с севера – через Калинин, с юга – из района Брянска, через Орел и Тулу. Поэтому в августе Ставка продолжала уделять основное внимание Центральному направлению.

История сохранила нам имена героев, которые первыми приняли на себя удар фашистских полчищ. Называть их не буду, они известны, но подчеркну, что их были тысячи и они внесли достойный вклад в нашу, тогда еще казавшуюся далекой, победу.

Несмотря на тяжелые неудачи, наша армия боролась, наносила врагу чувствительные удары. Он терпел потери в людях, причем терял свои наиболее опытные офицерские кадры и наиболее подготовленных солдат.

Мы в то время говорили о себе больше в критическом духе и не всегда обращали должное внимание на то, какое мужество и отвагу проявляли советские воины в борьбе с врагом, о чем писала пресса. Но, как теперь стало известно, таких фактов было намного больше, чем о них сообщалось. Достаточно указать на героическую защиту Брестской крепости, Либавы, Могилева, Лужской оборонительной полосы и другие. Так что начало войны было не только периодом, когда наша армия переживала неудачи. Она в те дни проявила и волю к борьбе, стойкость, героизм. Собственно, иначе и не могло быть: в Великой Отечественной войне слились воедино национальные и социальные задачи, и борьба за победу стала делом чести каждого воина, каждого труженика.

Трудности руководства ходом боевых действий осложнялись вначале тем, что Ставка и Генштаб не всегда имели точное представление о том, что происходило в приграничной полосе: связь с войсками нередко нарушалась. Уже к 25 июня передовые части противника углубились на 120–130, а затем и на 250 км... К середине июля Красная Армия оставила Латвию, Литву, Молдавию, часть Эстонии, Белоруссии и Правобережной Украины. Но недешево дались врагу эти успехи. Даже заниженные цифры потерь официальных немецких источников показывали 92 тыс. убитых и раненых за три недели войны, а к концу августа сухопутные войска вермахта потеряли свыше 441 тыс. человек. Немецкие войска потеряли половину своих танков и около 1,3 тыс. самолетов уже к середине июля 1941 года.

Центральный Комитет партии и Советское правительство не скрывали от народа правду и призывали его напрячь все силы на борьбу с коварным врагом. Принимались срочные меры по преодолению ошибок и просчетов, мобилизации советского народа на священную войну.

Из оборонительных сражений советских войск, проведенных летом и осенью 1941 года, особое место занимает Смоленское сражение. Наряду с упорным сопротивлением, оказанным врагу в районе Луги, и героической борьбой советских войск на Юго-Западном направлении, оно положило начало срыву «молниеносной войны» против Советского Союза, заставило врага вносить коррективы в пресловутый план «Барбаросса».

Смоленское сражение продолжалось два месяца и включало в себя целую серию ожесточенных операций, проходивших с переменным успехом для обеих сторон, и явившихся отлич-

нейшей, правда крайне дорогой, школой отработки военного мастерства для советского бойца и командира, ценной школой для советского командования, до Верховного Главнокомандования включительно, в организации современного боя со столь упорным, сильным и опытным врагом, в управлении войсками в ходе ожесточенной, часто менявшей свои формы борьбы.

Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб внимательно следили за ходом Смоленского сражения и оказывали всемерную помощь в руководстве им командованию фронтом. Особенно памятны ожесточенные бои, которые успешно вела почти в течение двух недель с войсками 46-го и 24-го моторизованных корпусов 2-й немецкой танковой группы окруженная в городе Могилеве часть соединений 13-й армии фронта во главе с командиром 61-го корпуса генералом Ф. А. Бакуниным. А разве могут быть забыты героические действия войск 16-й армии генерала М. Ф. Лукина в борьбе непосредственно за город Смоленск!

Полностью выполнить план Ставки войскам Западного фронта не удалось, и Смоленск пришлось оставить. Основные группировки врага, действовавшие на московском направлении, были изрядно измотаны. Задержка наступления врага на главном – московском направлении, явилась для нас крупным стратегическим успехом. Советское командование получило дополнительное время, как для создания новых мощных резервов, так и для укрепления Москвы.

В гитлеровской ставке начались серьезные дискуссии о необходимости изменения всего замысла кампании. Директивой от 30 июля фашистское командование вынуждено было остановить наступление группы армий «Центр» на Москву. Несколько позже 2-я танковая группа и 2-я армия группы армий «Центр» были повернуты на юг.

Это решение Гитлера и верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии (ОКБ) вовсе не свидетельствовало, что они отказываются от взятия Москвы. Они хотели закрепиться на юге, высвободить значительные силы, а потом пойти на советскую столицу.

В результате обстановка на Юго-Западном направлении усложнилась. Во всей полосе Юго-Западного и Южного фронтов шли ожесточенные оборонительные бои. На правом крыле Юго-Западного фронта 5-я и 37-я, армии, отражая отчаянное стремление фашистов овладеть Киевом, упорной обороной и непрерывными контратаками и контрударами сковали на участке Коростень – Киев 6-ю немецкую армию и часть сил 1-й танковой группы. На левом крыле фронта противник продолжал наступление в направлении Днепропетровска и Запорожья, тесня войска 6-й и 12-й армий. 2 августа главным силам 1-й танковой группы фашистов, совместно с войсками 17-й армии, удалось перехватить наши коммуникации, а затем в районе Умани окружить 6-ю и 12-ю армии. Тяжелая обстановка складывалась и на Южном фронте.

Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была чуть ли не ежечасно заниматься ходом событий на Юго-Западном направлении. Вечером 4 августа при обсуждении в Ставке фронтовой обстановки я получил указание вызвать к телеграфному аппарату для переговоров командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М. П. Кирпоноса и члена военного совета Н. С. Хрущева. Телеграфная переговорная для обслуживания Ставки в Кремле находилась в непосредственной близости от рабочей комнаты А. Н. Поскребышева – личного секретаря И. В. Сталина. Рядом с нею была комната библиотеки И. В. Сталина, которой пользовались мы, работники Генштаба, при отработке документов в Кремле. При телеграфных переговорах с фронтами в Кремле непосредственная работа на аппарате «Бодр» возлагалась на одного из лучших специалистов этого дела в Генштабе воентехника 2-го ранга А. М. Викулова. В упомянутый вечер переговоры с М. П. Кирпоносом и Н. С. Хрущевым шли в присутствии некоторых членов ГКО и Б. М. Шапошникова.

И. В. Сталин начал их с вопроса о целесообразности создания военного совета при главкоме Юго-Западного направления и о включении в него Н. С. Хрущева. Затем он спросил, кого, по их мнению, назначить в таком случае членами военных советов Юго-Западного и Южного фронтов. Назвал он при этом Л. Р. Корниенца и М. А. Бурмистенко. Затем И. В. Сталин

подчеркнул, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы немецкие войска перешли на левый берег Днепра, и потребовал от них совместно с главнокомандующим этим направлением С. М. Буденным и командующим Южным фронтом И. В. Тюленевым теперь же наметить план создания крепкой оборонительной линии, проходящей приблизительно от Херсона и Каховки через Кривой Рог, Кременчуг и далее, на север, по Днепру, включая район Киева на правом берегу Днепра.

– Если эта примерная линия обороны будет всеми вами одобрена, – говорил И. В. Сталин, – нужно теперь же начать бешеную работу по организации линии обороны и удержанию ее во что бы то ни стало. Хорошо было бы в этих целях теперь же подвести к этой оборонительной линии новые дивизии с тыла, устроить артиллерийскую оборону, устроить окопы и основательно зарыться в землю. В этом случае вы могли бы принять на этой линии отходящие усталые войска, дать им оправиться, выспаться, а на смену держать свежие части (имелись в виду не только новые стрелковые дивизии, но и новые кавалерийские дивизии в пешем строю).

Кирпонос и Хрущев доложили, что ими приняты все меры к тому, чтобы не позволить противнику взять Киев. Они попросили пополнения людьми и вооружением, чтобы восстановить существующие дивизии, согласились с предложением Сталина об организации нового оборонительного рубежа и пообещали немедленно приступить к его отработке. К 12 часам 5 августа они должны были представить Ставке свои окончательные соображения в связи с этим. Одновременно они доложили, что главнокомандующий Юго-Западного направления дал им задание оказать помощь войскам 6-й и 12-й армий и с утра 6 августа нанести удар из района Корсунь в направлении Звенигородки и Умани.

Они хотели уточнить, не возражает ли против этого Ставка, так как они усиленно готовятся к выполнению этого задания.

Сталин ответил, что Ставка не только не будет возражать, а, наоборот, приветствует наступление, имеющее своей целью соединиться с Южным фронтом и вывести на простор наши две армии. При этом он заметил, что считает директиву главкома Юго-Западного направления дельной, однако настаивает на разработке предложенной им линии обороны, ибо на войне «надо рассчитывать не только на хорошее, но и на плохое, и даже на худшее. Это единственное средство не попадать впросак». В заключение Верховный Главнокомандующий сказал, что примет все меры для того, чтобы оказать Юго-Западному фронту помощь, но в то же время просил их рассчитывать в этом вопросе больше на себя.

– Было бы неразумно думать, – говорил он, – что вам подадут все в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армиях запасные части, приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов, пошевеливайтесь как следует, и вы увидите, что можно многое создать для фронта в самой Украине. Так поступает в настоящее время Ленинград, используя свои машиностроительные базы, и он во многом успевает, имеет уже большие успехи. Украина могла бы сделать то же самое. Ленинград успел уже наладить производство эресов. Это очень эффективное оружие типа миномета, которое буквально крошит врага. Почему бы и вам не заняться этим делом?

Кирпонос и Хрущев передали:

– Товарищ Сталин, все ваши указания будут нами проводиться в жизнь. К сожалению, мы не знакомы с устройством эресов. Просим вашего приказа выслать нам один образец эреса с чертежами, и мы организуем у себя производство. – Последовал ответ:

– Чертежи есть у ваших людей, и образцы имеются давно. Но виновата ваша невнимательность к этому серьезному делу. Хорошо, я вышлю вам батарею эресов, чертежи и инструкторов по производству... Всего хорошего, желаю успеха.

5 августа во время телеграфных переговоров начальник штаба Юго-Западного направления генерал-майор А. П. Покровский передал мне для доклада Ставке просьбу главкома направления С. М. Буденного разрешить ему, в связи со сложившейся обстановкой, отвести

войска Южного фронта на линию реки Ингул. Я доложил эту просьбу начальнику Генштаба Б. М. Шапошникову, а тот – Верховному. Нам обоим приказали немедленно явиться в Ставку. Сталин продиктовал нам директиву, которую мы должны были срочно передать главкому Юго-Западного направления и командующему Южным фронтом. В директиве указывалось, что Ставка не может согласиться с предложением Буденного об отводе войск Южного фронта на линию реки Ингул и приказывает при отводе войск занять линию от восточного берега Днестровского лимана до Беляевки, от Беляевки на Березовку, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин. При этом указывалось, что отводить войска следует в ночное время, этапами, прикрываясь сильными арьергардными боями, и закончить отход не позже 10 августа. Требовалось также: Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая на помощь Черноморский флот. Далее в директиве разъяснялось, что указанную в ней линию отвода никак нельзя смешивать с оборонительной линией, о которой 4 августа И. В. Сталин говорил с Кирпоносом и Хрущевым. Линия отвода должна проходить на 100–150 км западнее оборонительной линии. Б. М. Шапошников получил приказ связаться с Буденным по телеграфу и лично разъяснить ему содержание передаваемой директивы Ставки. Буденный сообщил Шапошникову, что утром 4 августа противник, продолжая наступление, овладел районом Кировограда...

8 августа 2-я армия и 2-я танковая группа фашистов перешли в наступление в направлениях Могилев – Гомель и Рославль – Стародуб против войск Центрального фронта, прикрывавших брянское, гомельское и черниговское направления. Было очевидно, что враг стремится выйти во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта. Начались ожесточенные бои. Особенно сильный удар наносил противник по войскам 21-й армии. До 5 фашистских пехотных дивизий стремились здесь развить наступление на Гомель и не менее 3 дивизий начали 12 августа форсирование Днепра южнее Жлобина. С целью ликвидации угрозы, нависшей над войсками Центрального и правого крыла Юго-Западного фронта, и прикрытия направления на Брянск 14 августа Ставка приняла решение образовать Брянский фронт в составе 13-й и 50-й армий. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант А. И. Еременко, членом военного совета – дивизионный комиссар П. И. Мазепов, начальником штаба – генерал-майор Г. Ф. Захаров. Мне было приказано обязать А. И. Еременко к вечеру того же числа прибыть в Ставку для получения указаний по новой должности лично от Верховного Главнокомандующего. При этой встрече в кремлевском кабинете И. В. Сталина, кроме него самого и некоторых членов ГКО, присутствовали Б. М. Шапошников и я. Я тогда впервые увидел генерала Еременко. В какой мере знали его ранее И. В. Сталин и члены ГКО, мне неизвестно.

Верховный Главнокомандующий весьма тепло и радушно встретил Андрея Ивановича, расспросил его о здоровье, поинтересовался его впечатлениями о противнике, мнением об основных причинах наших серьезных неудач на фронте. А. И. Еременко держался с большим достоинством, очень находчиво отвечал на все вопросы. Да, сказал он, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но что бить его, конечно, можно, а порою и не так-то уж сложно. Надо лишь уметь это делать. Спесь врага за последнее время стала далеко не той, какой была в первые недели войны. При этом он сослался на ряд боевых эпизодов на Западном фронте, участником которых ему пришлось быть.

И. В. Сталин кратко, но четко обрисовал в целом сложившуюся на советско-германском фронте обстановку, особенно внимательно остановившись при этом на Западном и Юго-Западном направлениях. Поделился он вкратце своим мнением и об оценке врага, и о том, чего можно ожидать от него в недалеком будущем. Он заметил, что вероятнее всего противник и в дальнейшем свои основные усилия направит на взятие Москвы, нанося главные удары крупными танковыми группировками на флангах, с севера – через Калинин и с юга – через Брянск, Орел. Для этой цели фашисты на брянском направлении в качестве основной ударной группировки держат 2-ю танковую группу Гудериана. Это направление для нас является сейчас наи-

более опасным еще и потому, что оно прикрывается растянутым на большом участке и слабым по своему составу Центральным фронтом.

Сказал Сталин и о том, что, хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правофланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого все же надо. Исходя из всего этого, основная и обязательная задача войск Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надежно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Тут же был определен состав войск Брянского фронта: вновь формируемая 50-я армия, командующим которой назначался генерал-майор М. П. Петров (восемь стрелковых и одна кавалерийская дивизии), 13-я армия – командующий генерал-майор К. Д. Голубев (восемь стрелковых, одна танковая и две кавдивизии, две бригады 4-го воздушно-десантного корпуса); 3 стрелковые и 1 кавалерийская дивизии будут находиться в резерве фронта.

Выслушав Сталина, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что «в ближайшие же дни, безусловно», разгромит Гудериана. Эта твердость импонировала Верховному.

– Вот тот человек, который нам нужен в этих сложных условиях, – бросил он вслед выходящему из его кабинета Еременко...

В последующие дни оперативно-стратегическая обстановка на Юго-Западном направлении продолжала быстро осложняться. Войска Южного фронта, ведя ожесточенные бои, 15 августа оставили Кривой Рог, а 17 августа – Николаев. 16 августа войска Брянского фронта тоже вступили в тяжелые оборонительные бои против 2-й танковой группы и 2-й армии фашистов, наносивших удар на Конотоп и Чернигов. В Генштабе поняли, что командующий Брянским фронтом явно поторопился со своими заверениями. С каждым часом нарастала угроза правому крылу Юго-Западного фронта и особенно его 5-й армии, продолжавшей оборонять Коростеньский укрепленный район. 17 августа Б. М. Шапошников и я решили при докладе Верховному поставить вопрос об отводе войск правого крыла Юго-Западного фронта на левый берег Днепра. Сталин был уверен, что если Еременко и не разобьет 2-ю танковую группу фашистов, то, во всяком случае, задержит ее, не выпустит на юг, и отклонил наше предложение.

Член Ставки, командующий Резервным фронтом Г. К. Жуков направил 19 августа Верховному Главнокомандующему доклад. В нем говорилось: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает ближайшие наши возможности... Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крепкую группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на р. Десна...»⁴

В тот же день Ставка в ответе Г. К. Жукову сообщила, что его соображения насчет вероятного продвижения немецких войск в сторону Чернигов – Конотоп – Прилуки считает правильными. Это продвижение будет означать отход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. Известно, что одна колонна противника уже

⁴ Архив МО СССР. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 1–6.

пересекла Унечу и вышла на Стародуб. С целью помешать в осуществлении замысла противника создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых будет сообщено особо⁵.

Затем Шапошников и я под диктовку Сталина записали следующую директиву в адрес главкома Юго-Западного направления Буденного, члена военного совета Хрущева и начштаба Покровского (копии – командующему Юго-Западным фронтом и командующему Южным фронтом). Приведу выдержки из этой важной директивы:

«1. Противник сосредоточил превосходящие силы на Украине, имея целью овладеть Киевом и Одессой, занять всю Правобережную Украину и нанести отдельные поражения нашим войскам. Упорно обороняющиеся наши части заставили противника понести тяжелые потери под Киевом, Каневом, Черкассами и Одессой... Создавая из Правобережной Украины плацдарм для дальнейшего наступления, противник, по-видимому, поведет его: а) в обход Киева с севера и юга с целью овладения Киевом и выхода в район Чернигов, Конотоп, Пирятин, Черкассы; б) в направлении Кременчуг, Полтава, Харьков; в) с фронта Кременчуг, Николаев, на восток для захвата Донбасса и Северного Кавказа; г) на Крым и Одессу... 3. На Юго-Западный и Южный фронты возлагаются задачи: упорно обороняясь за р. Днепр, по восточному его берегу от Лоев (иск.) до устья, прочно удерживать Киевский и Днепровский районы, тет-де-пон⁶ у Берислава, Днепровский лиман и прикрыть с суши и воздуха Левобережную Украину, Донбасс и Северный Кавказ. 4. Юго-Западный фронт в составе: 29 стрелковых дивизий, 5 мотодивизий, 3 танковых дивизий и кавалерийских дивизий. Задача – обороняясь за р. Днепр по восточному его берегу от Лоев (иск.) до Переволочная, во что бы то ни стало удержать за собой Киев и прочно прикрыть направление за Чернигов, Конотоп и Харьков. При занятии новой оборонительной линии выделить в резерв фронта не менее 8 стрелковых дивизий... Штаб фронта – Прилуки. 5. Южный фронт в составе: 20 стрелковых дивизий, 1 танковой и кавалерийских дивизий. Задачи – обороняясь по восточному берегу р. Днепр от Переполочная до устья и на тет-де-понах у Днепропетровска, Херсона, Верислава, не допустить противника на восточный берег р. Днепр и прочно прикрыть Днепропетровск, Запорожье и Херсон. Во фронтовом резерве иметь не менее пяти стрелковых дивизий... Штаб фронта – ст. Синельниково...»⁷.

Таким образом, этой директивой Ставка разрешала Юго-Западному фронту отвести войска 5-й армии за Днепр и в то же время требовала во что бы то ни стало удерживать Киев. 20 августа из телеграфных переговоров с начальником оперативного отдела штаба Брянского фронта полковником Аргуновым Генеральному штабу стало известно, что в течение предыдущих суток в районе Унечи шел сильный бой 45-го стрелкового корпуса 13-й армии с окружившими его войсками противника. Корпус должен был нанести удар по коммуникациям врага между Мглином и Унечей, прорваться и, выйдя из окружения, занять фронт по линии Ветливка – Павловка. Из донесения командующего 13-й армией К. Д. Голубева известно, что части корпуса к полудню 20 августа прорвались в район Шамочки. Истинное положение и состояние корпуса, других соединений и частей армии уточняется. Но известно, что войска 13-й армии

⁵ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1974. С. 366.

⁶ Тет-де-пон – предмостное укрепление.

⁷ Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 29. Л. 52–55.

в предыдущих боях и в боях в районе Унечи понесли большие потери в людях и материальной части. Сейчас 13-я армия имеет задачу отойти и занять оборону по реке Судость⁸.

Итак, ситуация продолжала ухудшаться. Наши попытки убедить Сталина в том, что нависла очень серьезная угроза всему правому крылу и тылу Юго-Западного фронта с севера, привели лишь к тому, что нам было предложено, в связи с обстановкой у Стародуба и образовавшимся разрывом между правофланговой 21-й армией Центрального фронта и левофланговой 13-й армией Брянского фронта, разрешить командующему Центральным фронтом отвести 21-ю армию на фронт Лумки – Новое Место и далее по рекам Ипуть, Сояс до Бабовичей. При этом мы должны были особо отметить необходимость обеспечения стыка 21-й и 3-й армий. В этих целях правый фланг 3-й армии должен находиться на западном берегу реки Уза от Бабовичи исключительно до Телешей и далее, на Чернов. Кроме того, за стыком нужно иметь резерв. Командующему Брянским фронтом предписывалось отвести левое крыло 13-й армии на линию Солово – Борщево – Погар и далее по реке Судость. За стыком фронтов тоже должен быть резерв⁹.

Указания были переданы Генштабом 20 августа уже после 22 часов.

Все последующие дни Ставка и Генеральный штаб занимались вопросом ликвидации опасности, нависшей с севера над Юго-Западным фронтом. Они укрепили это направление и, прежде всего, Брянский фронт своими резервами – танками, артиллерией, людьми, вооружением, привлекли сюда авиацию соседних фронтов, Резерва Главного командования, а также части дальнебомбардировочной авиации. 24 августа при обсуждении вопроса пришли к заключению о целесообразности объединить усилия войск, действовавших против 2-й танковой группы и 2-й немецкой армии, наступавших с севера на конотопском и гомельском направлениях, расформировав Центральный фронт, передав его войска Брянскому фронту и возложив на А. И. Еременко ответственность за ликвидацию опасной группировки врага. Прежде чем окончательно принять это решение, Верховный Главнокомандующий решил запросить мнение Еременко. В телеграфных переговорах с ним вместе с И. В. Сталиным в моем присутствии принимал участие Б. М. Шапошников, уточнявший не вполне ясную к тому моменту обстановку на Брянском фронте.

Приведу несколько выдержек из разговора Верховного Главнокомандующего с Еременко.

Сталин:

– У меня есть к вам несколько вопросов. 1) Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? ...3) Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае, послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и 2–3 танковых батальона; очень ли они нужны Вам? 4) Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко:

– ...1) Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит – прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне... Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить,

⁸ Архив МО СССР. Ф. 202. Оп. 5. Д. 67. Л. 5.

⁹ Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 9. Л. 345.

задачу, поставленную Вами, выполнить, то есть разбить его. У меня к Вам больше вопросов нет...¹⁰

После окончания этих переговоров в ночь на 25 августа Ставка издала подготовленную нами тут же в Кремле директиву, по которой Центральный фронт с 26 августа упразднялся. Его войска передавались Брянскому фронту. Таким образом, он имел теперь в своем составе 50-ю, 3-ю, 13-ю и 21-ю армии. Управление войсками, действовавшими на брянском направлении, и войсками гомельского направления объединялось в руках командующего Брянским фронтом. Предусматривала директива и объединение войск, действовавших на гомельском и мозырском направлениях, с передачей войск 3-й армии в состав 21-й армии. По просьбе Еременко, управление 3-й армии разрешалось использовать на мглинском направлении, с передачей ему части дивизий из 50-й и 13-й армий. Командующий Центральным фронтом генерал-лейтенант М. Г. Ефремов назначался заместителем командующего Брянским фронтом. Таким образом, понимая всю сложность обстановки на Брянском фронте, Ставка Верховного Главнокомандования принимала серьезные меры помощи его войскам.

Читателю, видимо, покажется странным, как быстро принимались столь важные решения. Одни фронты расформировывались, другие создавались. Одни армии переставали существовать, другие возникали. Должен сказать, что одной из особенностей войны является то, что она требует скорых решений. Но в непрестанно меняющемся ходе боевых действий, разумеется, принимались не только правильные, но и не совсем удачные решения. У войны свой стиль и свой ритм руководства войсками. В данном случае организационные решения преследовали цель усилить Брянский фронт. Сталин все еще надеялся, что Еременко выполнит свое обещание.

27 августа Ставка решила провести 29–31 августа воздушную операцию против 2-й танковой группы противника на брянском направлении. К операции привлекались ВВС Брянского и Резервного фронтов и авиация Резерва Главного командования. В выполнении задания должно было участвовать не менее 450 боевых самолетов. В ночь на 30 августа в адрес Еременко была направлена директива, которая обязывала войска Брянского фронта перейти в наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая в дальнейшем наступление на Кричев, Пропойск (Славгород), к 15 сентября выйти на фронт Петровицы – Климовичи – Новозыбков – Щорс. Это означало бы крах правого фланга немецкой группы армий «Центр». Но попытки фронта выполнить эту директиву оказались безуспешными.

2 сентября Верховный Главнокомандующий продиктовал Генеральному штабу по телефону для немедленной передачи командующему Брянским фронтом следующие указания:

«Ставка все же недовольна вашей работой. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не сумели. Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуб, Почеп и разгромили его по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами. Ставка приказывает: Петрову¹¹ оставаться на месте и всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск. Гудериан и вся его группа должна быть разбита вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана»¹².

¹⁰ Архив МО СССР. Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 45–52.

¹¹ Заместитель командующего ВВС Красной Армии генерал-майор авиации И. Ф. Петров.

¹² Архив МО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 12. Л. 31–32.

К сожалению, действия войск фронта оказались малоэффективными. Сам же командующий фронтом получил ранение и попал в один из госпиталей Москвы, расположенный в зданиях Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, где его посетил И. В. Сталин, после чего он был эвакуирован на лечение в Куйбышев.

Ближе познакомился с А. И. Еременко я во время битвы на Волге. В августе 1942 года по заданию Ставки я находился в Сталинграде. В этот и в последующие выезды сюда я имел возможность наблюдать работу А. И. Еременко как командующего фронтом. Он показал себя настойчивым и решительным военачальником, организующим отпор врагу. С командного пункта, оборудованного в штольне на берегу реки Царицы, он умело маневрировал танковыми и артиллерийскими частями, боевой авиацией и резервом. Об этом неоднократно мною докладывалось Ставке.

На завершающем этапе войны А. И. Еременко командовал 4-м Украинским фронтом. Но если сравнить его успехи в периоды наступательных и оборонительных операций, то ярче и полнее проявил он себя как полководец, безусловно, в период оборонительных операций. И. В. Сталин называл А. И. Еременко «генералом обороны», давая тем самым ему боевую оценку. Безусловно, искусство, требуемое от полководца при организации и проведении оборонительных операций в условиях современной войны, также является очень сложным, важным и большим военным искусством.

Не дала ожидаемых результатов на участке Брянского фронта и воздушная операция, проводимая здесь против войск группы Гудериана. Соппротивление наших войск было героическим. Однако остановить врага они не смогли. Танковым соединениям врага удалось прорваться на левом фланге Брянского фронта за реку Десну. 7 сентября они вышли к Конотопу. Противник сумел активизировать свои действия во всей полосе Юго-Западного фронта, за исключением киевского направления, где он тогда активности не проявлял.

Вечером 7 сентября военный совет Юго-Западного фронта сообщил главкому Юго-Западного направления и Генеральному штабу, что обстановка на фронте еще более осложнилась. Противник сосредоточил превосходящие силы, развивает успех на конотопском, черниговском, остерском и кременчугском направлениях. Ясно обозначилась угроза окружения основной группировки 5-й армии. Фронт прилагал основные усилия на кременчугском направлении, чтобы ликвидировать здесь вражеский плацдарм. Резервов у фронта больше не оставалось. Военный совет фронта просил разрешить отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на рубеж реки Десны. Военный совет Юго-Западного направления согласился с предложениями военного совета фронта. Обсудив столь тревожное донесение, мы с Шапошниковым пошли к Верховному Главнокомандующему с твердым намерением убедить его в необходимости немедленно отвести все войска Юго-Западного фронта за Днепр и далее на восток, и оставить Киев. Мы считали, что подобное решение в тот момент уже довольно запоздало и дальнейший отказ от него грозил неминуемой катастрофой для войск Юго-Западного фронта в целом.

Разговор был трудный и серьезный. Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того чтобы бить врага, стремимся уйти от него...

Итак, все оставалось, как решила Ставка. И только 9 сентября нам было разрешено, наконец, передать командующему Юго-Западным фронтом, в копии главкому Юго-Западного направления, ответ: «Верховный Главнокомандующий санкционировал отвести 5-ю армию и правый фланг 37-й армии на реку Десна на фронте Брусилowo – Воропаево с обязательным удержанием фронта Воропаево – Тарасовичи и киевского плацдарма». Иными словами, было принято половинчатое решение. При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин выходил из себя и на мгновение терял самообладание. Нам же, видимо, не хватало необходимой твердости, чтобы выдержать эти вспышки неудержимого гнева, и должного

понимания всей степени нашей ответственности за неминуемую катастрофу на Юго-Западном направлении.

Ухудшилось положение и под Ленинградом. Ставка приняла решение назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Вместо освобожденного С. М. Буденного главкомом Юго-Западного направления назначался С. К. Тимошенко, Западного фронта – командующий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев. Нам было приказано вызвать Тимошенко в Ставку и продумать вместе с ним предложения по Юго-Западному фронту с тем, чтобы принять окончательное решение. 11 сентября состоялся такой разговор с военным советом Юго-Западного фронта в присутствии Тимошенко. Вел переговоры с М. П. Кирпоносом непосредственно Сталин. Он отметил, что отвод войск фронта в данной обстановке на восточный берег Днепра будет означать окружение наших войск, так как противник станет наступать не только со стороны Конотопа, то есть с севера, но и с юга, то есть со стороны Кременчуга, а также с запада, со стороны Днепра.

– Если конотопская группа противника соединится с кременчугской группой, Вы будете окружены.

Как видите, Ваши предложения о немедленном отводе войск без того, что Вы заранее подготовите рубеж на реке Псел и поведете отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Брянским фронтом, опасны. Они могут привести к катастрофе.

Кирпонос ответил:

– У нас мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба – в связи с расширившимся фронтом до восьмисот с лишним километров усилить наш фронт резервом... Указания Ставки Верховного Главнокомандования, только что полученные по аппарату, будут немедленно проводиться в жизнь.

Сталин тут же сказал:

– Первое. Предложения об отводе войск с Юго-Западного фронта исходят от вас и от Буденного – главкома Юго-Западного направления. Вот выдержки из телеграммы Буденного от 11-го числа: «Шапошников указал, что Ставка Верховного командования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным... Если Ставка Главного командования не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим». Как видите, Шапошников против отвода частей, а главком за отвод, так же, как и Юго-Западный фронт стоял за немедленный отвод частей. Второе. О мерах организации кулака против конотопской группы противника и подготовки оборонительной линии на известном рубеже информируйте нас систематически. Третье. Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки. Все. До свидания.

Кирпонос ответил:

– Указания ваши ясны. Все. До свидания¹³. Этот очень характерный для понимания обстановки разговор приводит в своих воспоминаниях и Г. К. Жуков. В нем ясно видно, как И. В. Сталин относился к предложению об отводе войск Юго-Западного фронта. Вплоть до 17 сентября он не только отказывался принять, но и серьезно рассмотреть предложения, поступавшие к нему от главкома этого направления, члена Ставки Г. К. Жукова, военного совета Юго-Западного фронта и от руководства Генерального штаба. Объяснялось это, на мой взгляд, тем, что он преуменьшал угрозу окружения основных сил фронта, переоценивал возможность фронта ликвидировать угрозу собственными силами и еще больше переоценивал предпринятое Западным, Резервным и Брянским фронтами наступление во фланг и тыл мощной группировке врага, наносившей удар по северному крылу Юго-Западного фронта. Сталин, к сожалению, всерьез воспринял настойчивые заверения командующего Брянским фронтом А. И.

¹³ Архив МО СССР. Ф. 96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 96–99.

Еременко в безусловной победе над группировкой Гудериана. Этого не случилось. И Б. М. Шапошников и я с самого начала считали, что Брянский фронт не располагает для этого достаточными силами. Но, видимо, тоже поддались уверениям его командующего. Незадолго до приведенного разговора Сталина с Кирпоносом в мою рабочую комнату зашел генерал армии Г. К. Жуков. Он улетал в Ленинград и хотел побеседовать об обстановке там, о войсках этого фронта. Затем Георгий Константинович спросил меня, как я расцениваю ситуацию на Юго-Западе. Я ответил, что мы уже опоздали с отводом войск за Днепр и что в этих условиях избежать катастрофы, нависшей над Юго-Западным фронтом, удастся только в том случае, если приказ об отводе войск на рубеж реки Псел будет отдан немедленно. Но это не было сделано...

Обстановка на Юго-Западном фронте продолжала катастрофически осложняться. Наступательная операция Брянского фронта на рославльском и новозыбковском направлениях, имевшая целью ликвидировать разрыв между 13-й и 21-й армиями, завершилась неудачно. В результате контрудара врага в районе Новгород-Северский разрыв между армиями возрос до 60–75 км. Тяжелые оборонительные бои вела 38-я армия Юго-Западного фронта, с 12 сентября она начала отход на восток. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. И. Тупиков в донесении на имя начальника Генерального штаба от 13 сентября сообщал, что положение войск фронта осложняется нарастающими темпами: прорвавшемуся на Ромны, Лохвица и на Веселый Подол, Хорол противнику пока, кроме местных гарнизонных и истребительных отрядов, ничто не противопоставлено, и продвижение его идет без сопротивления. Фронт обороны 21-й армии взломан окончательно, и армия фактически перешла к подвижной обороне. 5-я армия также не может стабилизировать фронт, и ведет подвижную оборону. В стык с 37-й армией противник прорвался на Кобыжчу. «Начало понятной Вам катастрофы, – докладывал он далее, – дело пары дней»¹⁴.

Ознакомившись с этим донесением, Верховный Главнокомандующий спросил Шапошникова, что он намерен ответить Тупикову. И тут же, не дождавшись ответа, сам продиктовал следующий ответ, адресованный командующему Юго-Западным фронтом, в копии – главному Юго-Западного направления: «Генерал-майор Тупиков номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания товарища Сталина, данные вам 11.IX. Б. Шапошников. 14.IX. 1941 г. 5 ч. 00 м.»¹⁵. После этого руководству Юго-Западного фронта оставалось лишь исполнить свой долг до конца.

Только 17 сентября Верховный Главнокомандующий, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию на юго-западе, разрешил Юго-Западному фронту оставить Киев. В ночь на 18 сентября командование фронта отдало приказ выходить с боем из окружения. Однако вскоре связь штаба фронта со штабами армий и со Ставкой была прервана. Войска отходили с ожесточенными боями. 5-я, 37-я, 26-я армии, часть сил 21-й и 38-й армий были окружены. Выход из окружения осуществлялся в крайне сложных условиях. Войска раздробились на многочисленные отряды и группы, которые пробивались самостоятельно. 20 сентября погибли в бою командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник М. П. Кирпонос, член военного совета, секретарь ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко и начальник штаба генерал-майор В. И. Тупиков.

Враг добился успеха дорогой ценой. Красная Армия в ожесточенных боях за Киев разгромила свыше 10 кадровых дивизий противника. Он потерял более 100 тыс. солдат и офице-

¹⁴ Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1133. Д. 7. Л. 139–140.

¹⁵ Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 9. Л. 431.

ров. Потери врага продолжали расти. Более месяца сдерживали советские войска группу армий «Центр» действиями на киевском направлении. Это было очень важно для подготовки битвы под Москвой.

Серьезная неудача, постигшая нас на этом участке боевых действий, резко ухудшила обстановку на южном крыле советско-германского фронта. Создалась реальная угроза Харьковскому промышленному району и Донбассу. Немецко-фашистское командование получило возможность вновь усилить группу армий «Центр» и возобновить наступление на Москву. Ставка вскоре расформировала Юго-Западное направление. С. К. Тимошенко стал командующим Юго-Западным фронтом, войска которого задержали врага на линии Белополье – Лебедин – Красноград – Сталиногорск (Новомосковск). Там им было приказано перейти к жесткой и упорной обороне.

Враг под Москвой

На Вяземском оборонительном рубеже. – ЦК ВКП(б), ГКО и Ставка принимают меры. – Наша рабочая группа при Ставке. – Итоги октября. – «Блицкриг» сорван. – От обороны к решительному контрнаступлению. – Успешный финал

Стратегическое положение Красной Армии к первой военной осени оставалось крайне напряженным. В Генеральном штабе считали, что накал боевых действий на фронтах в первую военную осень будет не меньше, чем в начале войны. Гитлеровские войска еще не утратили полностью своих преимуществ. Несмотря на огромные потери, которые с начала агрессии составили к концу сентября 1941 года более 530 тыс. человек, они продолжали продвигаться на восток. Фашистская армия по-прежнему владела стратегической инициативой, имела превосходство в силах и средствах, удерживала господство в воздухе. На северо-западе мы не сумели предотвратить прорыв фашистов к городу Ленина. Началась ленинградская блокада. Серьезная неудача, постигшая наши войска на южном крыле советско-германского фронта, создала реальную угрозу Харьковскому промышленному району и Донбассу. Под ударом оказались отрезанные от своих соседей наши войска в Крыму.

Предметом большой заботы Ставки и Генерального штаба являлось Центральное направление. Мы держали постоянно в поле зрения действия советских войск на этом направлении. К осени здесь обозначилась некоторая стабилизация. Было очевидно, что это произошло только после того, как наши войска беспримерной стойкостью в обороне и решительными контр-ударами нанесли крайне чувствительный удар войскам группы армий «Центр» и сорвали их первую попытку с ходу прорваться к Москве.

Вместе с тем в Генштабе отдавали ясный отчет в том, что переход врага здесь от наступления к обороне носил сугубо вынужденный и временный характер. Центр развернувшейся борьбы продолжал оставаться на Западном стратегическом направлении, и именно здесь, на московском направлении, гитлеровцы намеревались быстро решить судьбу войны в свою пользу. Военное и политическое руководство нацистской Германии не без основания полагало, что пока Москва остается вдохновляющим и организующим центром борьбы, победа над Советским Союзом невозможна.

Гитлеровское руководство начало планомерную подготовку наступления на советскую столицу. План этот являлся составной частью большого осеннего наступления гитлеровцев на Восточном фронте. Общая его цель заключалась в том, чтобы решительными ударами на всех трех стратегических направлениях добиться разгрома оборонявшихся войск Красной Армии и завершить войну до зимы. Главный удар, как и летом, решено было нанести на московском направлении; одновременно продолжались наступательные операции по захвату Ленинграда и Ростова-на-Дону.

Генеральный штаб, к сожалению, точно не предугадал замысла действий противника на московском направлении. Гитлеровское военное руководство планировало прорвать оборону советских войск ударами трех мощных танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки, окружить под Вязмой и Брянском основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов, после чего, без всякой паузы, пехотными соединениями наступать на Москву с запада, а танковыми и моторизованными частями нанести удар в обход города с севера и юга. На совещании в штабе группы армий «Центр» осенью 1941 года Гитлер говорил, что Москва в ходе этой операции должна быть окружена так, чтобы «ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок – не мог ее покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой». 6 сентября 1941 года Гитлер подписал директиву № 35 на проведение этой операции. Для ее осуществления немецкое командование стянуло на мос-

ковское направление свои лучшие силы. Группа армий «Центр» была пополнена 4-й танковой группой, двумя танковыми, двумя моторизованными дивизиями и двумя танковыми соединениями. Сюда же были возвращены с юга 2-я армия и 2-я танковая группа, а также брошены большое количество маршевого пополнения, боевой техники и 8-й авиационный корпус. Численность пехотных дивизий группы армий «Центр» к концу сентября была доведена до 15 тыс. в каждой. Против трех наших фронтов – Западного, Резервного и Брянского – враг сосредоточил 74,5 дивизии численностью более миллиона человек, 1,7 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 950 боевых самолетов.

Дав этой операции кодовое наименование «Тайфун», правители «третьего рейха» не сомневались в том, что выделенные для нее столь значительные силы, детально разработанный план «генерального наступления» на Москву и тщательная подготовка войск обеспечат им успех. Подводя итог всем приготовлениям к генеральному наступлению на Восточном фронте, Гитлер в обращении к войскам заявил: «За три с половиной месяца созданы, наконец, предпосылки для того, чтобы посредством мощного удара сокрушить противника еще до наступления зимы. Вся подготовка, насколько это было в человеческих силах, закончена... сегодня начинается последняя решающая битва этого года...»¹⁶.

Над Москвой нависла опасность. Центральный Комитет партии и Советское правительство принимали все меры к тому, чтобы отразить вражеский удар по столице. Но наши войска, действовавшие на московском направлении, количественно значительно уступали врагу. Здесь в составе Западного, Резервного и Брянского фронтов находилось к тому времени около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 677 самолетов. Отсутствие в распоряжении Ставки готовых стратегических резервов не позволило нам сделать более решительные шаги. Принимались также неотложные меры к созданию в тылу войск Западного фронта дополнительных оборонительных полос и рубежей. Были осуществлены меры и по отражению авиационных ударов противника. Хочу подчеркнуть, что усилия ГКО направлялись не только на создание глубоко эшелонированной обороны и надежного прикрытия Москвы с воздуха, но и на то, чтобы ускорить формирование и подготовку стратегических резервов. Наряду с завершением формирования армий, включенных в состав Резервного фронта, создавались новые войсковые части и соединения на Урале, в Средней Азии, Поволжье и на Юге страны. Словом, организации прочной обороны на Западном направлении Ставка уделяла первостепенное внимание. Здесь советское командование сосредоточило главные силы. Однако количественное и техническое превосходство врага было все еще очень значительным.

30 сентября – 2 октября гитлеровцы нанесли сильные удары по советским войскам, прикрывавшим московское направление. Все три наших фронта вступили в тяжелое, кровопролитное сражение. Началась великая Московская битва. Противнику удалось прорвать оборону советских войск и окружить наши 19-ю, 20-ю, 24-ю и 32-ю армии в районе Вязьмы. На рубеж Осташков – Сычевка были отеснены 22-я, 29-я и 31-я армии. Советские войска, оказавшиеся в окружении, ожесточенно сопротивлялись. Неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны. Вместо того, чтобы выделить Западному и Резервному фронтам самостоятельные полосы для обороны с полной ответственностью каждого из них за эти полосы в целом, как по фронту, так и в глубину, 24-я и 43-я армии Резервного фронта к началу наступления противника занимали оборону в первом эшелоне, находясь между левофланговой армией Западного и правофланговой армией Брянского фронтов. Остальные три армии Резервного фронта, растянутые в одну линию на широком участке, находились на позициях в непосредственной глубине обороны

¹⁶ «Völkischer Beobachter», 10 Oktober, 1941.

Западного фронта по линии Осташков – Оленино – Ельня. Оперативное построение крайне затрудняло управление войсками и взаимодействие фронтов. Даже в результате хорошо, правильно организованной обороны на направлении главных ударов врага ни Западный фронт, ни войска направления в целом не имели превосходства.

Бессмертной славой покрыли себя наши войска, сражавшиеся в районе Вязьмы. Оказавшись в окружении, они своей упорной героической борьбой сковали до 28 вражеских дивизий. В тот необычайно тяжелый для нас момент их борьба в окружении имела исключительное значение, так как давала нашему командованию возможность, выиграв некоторое время, принять срочные меры по организации обороны на Можайском рубеже. Сюда срочно перебрасывались силы с других фронтов и из глубины страны. Сюда спешили 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 арtpолков и другие части. К середине октября в 16-й, 5-й, 43-й и 49-й армиях, прикрывавших основные направления на Москву, насчитывалось уже 90 тыс. человек. Одновременно на Западный фронт перебрасывались три стрелковые и две танковые дивизии с Дальнего Востока.

Крайне неудачно сложилась обстановка на участке Брянского фронта. 30 сентября 2-я танковая группа врага из района Шостки – Глухов нанесла сильный удар на Севск в тыл войскам 13-й армии. 2-я немецкая армия, прорвав оборону 50-й армии, двигалась на Брянск и в тыл 3-й армии. Войска фронта оказались в тяжелом положении. Управление войсками было потеряно. Связь Ставки с командованием фронта временно нарушилась, и Ставка вынуждена была, не имея ясного представления о событиях, происходящих в районе Брянска, взять управление некоторыми армиями фронта непосредственно на себя. Согласно распоряжению Верховного Главнокомандующего, в ночь на 2 октября я дал указания командующему ВВС Красной Армии П. Ф. Жигареву, командующему Брянским фронтом А. И. Еременко и некоторым другим лицам немедленно создать для Брянского фронта авиационную группу во главе с заместителем начальника штаба ВВС полковником И. Н. Рухле (четыре авиадивизии дальнего действия и одна авиадивизия особого назначения). Со 2 октября группа должна была принять участие в разгроме танковой группировки противника, прорвавшейся в район Севска. Боевую работу группы приказывалось прикрыть истребителями. За это отвечал командующий ВВС Брянского фронта генерал-майор авиации Ф. П. Польшин.

3 октября моторизованные соединения 2-й танковой группы фашистов ворвались в Орел и попытались развить наступление вдоль шоссе Орел – Тула. Для прикрытия орловско-тульского направления Ставка в спешном порядке выдвинула из своего резерва 1-й гвардейский стрелковый корпус, усилив его двумя танковыми бригадами, авиационной группой, полком РС и несколькими другими специальными частями. Командование этим корпусом было возложено на заместителя начальника главного автобронетанкового управления генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. Подчинялся он непосредственно Ставке. Корпусу было приказано не позднее 5 октября сосредоточиться в районе Мценска, Отрады, Черни¹⁷. А к 6 октября полоса обороны Брянского фронта была прорвана в трех местах. Начался отход его войск в крайне трудных условиях.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, отдавал все свои силы на защиту родной столицы. В ночь на 5 октября ГКО принял решение о защите Москвы. Главным рубежом обороны для советских войск стала Можайская линия. Сюда теперь направлялись все возможные силы и средства. ЦК партии и Советское правительство мобилизовывали усилия партии и государства на быстрое создание крупных стратегических резервов в глубине страны, их вооружение и скорейший ввод в дело. Для помощи командованию Западного и Резервного фронтов и для выработки вместе с ними конкретных, скорых и действенных мер по защите Москвы ГКО направил в район Гжатска и Можайска своих представителей – К. Е. Ворошилова

¹⁷ Архив МО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 91. Л. 308, 311–312.

и В. М. Молотова. В качестве представителя Ставки туда же отбыл вместе с членами ГКО и я. Одной из основных задач, возложенных на меня, была срочная отправка войск, оторвавшихся от противника и отходивших с запада, на рубеж Можайской линии и организация обороны на этом рубеже. В помощь мне была выделена группа командиров Генштаба и две колонны автомашин. В мое распоряжение прибыл генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров с группой командиров. Они должны были принимать прибывавшие сюда войска с фронта и из тыла.

Леонида Александровича Говорова я знал еще по Академии Генерального штаба. Он был старшим в нашей учебной группе и пользовался всеобщим уважением. Он участвовал в борьбе с белогвардейцами, успешно служил в РККА, получил два высших военных образования. К началу Великой Отечественной войны являлся начальником Артиллерийской академии имени Дзержинского, а в дни войны быстро выдвинулся как превосходный артиллерист и, впоследствии, общевойсковой командующий. В великой битве за Москву Л. А. Говоров успешно командовал 5-й армией, а затем был направлен в блокированный Ленинград, где стал командующим войсками этого легендарного фронта. Из-за скромности Л. А. Говоров долго считал себя недостаточно подготовленным для вступления в ряды Коммунистической партии. Лишь 1 июля 1942 года он писал в партийную организацию штаба Ленинградского фронта: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины». Партийная организация штаба Ленинградского фронта приняла его кандидатом в члены партии, а через несколько дней Центральный Комитет партии вынес решение о приеме Л. А. Говорова в члены партии без прохождения кандидатского стажа. В свои предсмертные часы Леонид Александрович писал в ЦК КПСС и Министерство обороны: «Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог...». А сделал он для страны, для Вооруженных Сил, как во время войны, так и за десять лет своей деятельности после войны, много.

5 октября 1941 года мы прибыли в штаб Западного фронта, размещавшийся непосредственно восточнее Гжатска. Вместе с командованием фронта за пять дней нам общими усилиями удалось направить на Можайскую линию из состава войск, отходивших с ржевского, сычевского и вяземского направлений, до пяти стрелковых дивизий. О ходе работы и положении на фронте мы ежедневно докладывали по телефону Верховному Главнокомандующему. Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и командующий войсками Западного фронта генерал-полковник И. С. Конев, согласились с предложением И. В. Сталина назначить командующим объединенным фронтом генерала армии Г. К. Жукова, который к тому времени уже был отозван из Ленинграда и находился в войсках Резервного фронта.

Утром 10 октября вместе с другими представителями ГКО и Ставки я вернулся в Москву. В тот же день Ставка оформила решения ГКО об объединении войск Западного и Резервного фронтов, о назначении Г. К. Жукова командующим войсками объединенного Западного фронта, а И. С. Конева – его заместителем.

12 октября на заседании ГКО вновь рассматривались проблемы, связанные с обороной Москвы. Помню, какими уставшими и напряженными были лица участников заседания. Решался вопрос об укреплении ближних подступов к Москве. ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы третьей оборонительной линии – Московской зоны обороны. Руководство строительством рубежей, организация обороны и управление войсками Московской зоны были возложены на командующего МВО генерал-лейтенанта П. А. Артемьева и военный совет округа.

Итак, пружина сжалась до отказа. Дни сливались с ночами. Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы об одном – отстоять Москву. Ставка энергично наращивала силы Западного фронта. В его состав наряду со многими другими были переданы и войска, находившиеся на Можай-

ской линии. К 13 октября положение здесь было таково: на калининском направлении вели ожесточенные бои 29-я, 31-я и 30-я армии; на волоколамском оборонялась воссозданная 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского; на Можайском направлении стояла 5-я армия, созданная 11 октября на основе войск Можайского боевого участка и резервных дивизий Ставки. Командовать ею после ранения Д. Д. Лелюшенко стал Л. А. Говоров. На Наро-Фоминском направлении действовала 33-я армия генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. На Малоярославецком – сражалась 43-я армия генерал-майора К. Д. Голубева, на Калужском – 49-я генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина.

14 октября враг, возобновив наступление, ворвался в Калинин. 17 октября Ставка создала новый, Калининский фронт под командованием генерал-полковника И. С. Конева. В его состав вошли действовавшие на этом направлении три армии правого крыла Западного фронта (22-я, 29-я, 30-я), а также 183-я, 185-я и 246-я стрелковые дивизии, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии, 46-й мотоциклетный полк и 8-я танковая бригада Северо-Западного фронта. Упорной обороной войска Калининского фронта остановили наступающего врага и заняли выгодное оперативное положение по отношению к его северной ударной группировке на московском направлении.

Наступила вторая половина октября. Гитлеровцы продолжали рваться к Москве. На всех основных направлениях к столице разгорелись ожесточенные бои. Опасность неизмеримо возросла. В связи с приближением линии фронта непосредственно к городу ГКО принял и осуществил в те грозные дни решение об эвакуации из Москвы некоторых правительственных учреждений, дипломатического корпуса, крупных оборонных заводов, а также научных и культурных учреждений столицы. В Москве оставались Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования и минимально необходимый для оперативного руководства страной и Вооруженными Силами партийный, правительственный и военный аппарат. Эвакуировался и Генеральный штаб. Возглавлять Генштаб на новом месте должен был Б. М. Шапошников. Между ним, по месту новой дислокации, и Ставкой устанавливалась прочная, надежная и постоянная связь. Оставшийся в Москве первый эшелон Генштаба – оперативная группа для обслуживания Ставки не должна была превышать десяти человек. Возглавлять ее было приказано мне.

Вопросы об обязанностях, ответственности рабочей группы и ее персональном составе Б. М. Шапошников и я решали, исходя из содержания задач, которыми, прежде всего, необходимо было заниматься этой группе. Остановлюсь несколько подробнее на этом и расскажу, что же за вопросы входили в круг обязанностей этой группы. Прежде всего, она должна была всесторонне знать и правильно оценивать события на фронте; постоянно и точно, но без излишней мелочности, информировать о них Ставку; в связи с изменениями во фронтовой обстановке своевременно и правильно вырабатывать и докладывать Верховному Главнокомандованию свои предложения; в соответствии с принимаемыми Ставкой оперативно-стратегическими решениями быстро и точно разрабатывать планы и директивы; вести строгий и непрерывный контроль за выполнением всех решений Ставки, а также за боеготовностью и боеспособностью войск, формированием и подготовкой резервов, материально-боевым обеспечением войск. Это было основное и, как ясно из перечня, не малое, чем должна была заниматься группа. В ее состав были включены начальники основных оперативно-стратегических направлений Оперативного управления и по одному работнику от основных управлений Генерального штаба, а именно (привожу по памяти): В. В. Курасов, М. Н. Шарохин, П. П. Вечный, Ф. И. Шевченко, А. Г. Карпоносов, А. И. Шимонаев, М. Т. Беликов, П. Н. Белюсов, К. И. Николаев и А. И. Гриненко.

16 октября должен был отбыть из Москвы Генеральный штаб.

Я позвонил И. В. Сталину и попросил разрешения проводить на вокзал Б. М. Шапошникова и других работников Генштаба. Однако в ответ получил указание прибыть в Ставку, где

и проработал до поздней ночи. Так мы с Борисом Михайловичем и не попрощались. Почти не покидал я Ставку все последующие дни.

С каждым часом нарастало напряжение. Участились бомбежки. Однако ЦК ВКП(б) и Советское правительство продолжали наращивать силы для защиты Москвы.

19 октября ГКО постановил ввести с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах осадное положение. Жители Москвы сутками не выходили с заводов, не покидали строительство оборонительных рубежей. Усиленный выпуск военной продукции, форсированное строительство оборонительных рубежей, дополнительные формирования соединений и частей народного ополчения, коммунистических и рабочих батальонов – все это явилось неоценимым вкладом москвичей в дело защиты города.

К концу октября советские воины остановили врага на рубеже Волжского водохранилища, восточнее Волоколамска и далее, по линии рек Нара и Ока, а на юго-западных подступах к Москве – в районе Тулы, где 50-ю армию стойко поддерживали отряды тульских рабочих.

Итоги октябрьских событий были очень тяжелы для нас. Армия понесла серьезные потери. Враг продвинулся вперед почти на 250 км. Однако достичь целей, поставленных планом «Тайфун», ему не удалось. Стойкость и мужество защитников советской столицы, помощь тружеников тыла остановили фашистские полчища. Группа армий «Центр» была вынуждена временно прекратить наступление. В этом – главный итог октябрьского периода Московской битвы, очень важного и ответственного во всем сражении за Москву. Еще и еще раз хочу отметить, что советские воины выстояли, сдержали натиск превосходившего нас численностью и вооружением врага, и что большую роль в этом сыграла твердость руководства со стороны Центрального Комитета партии и ГКО во главе с И. В. Сталиным. Они осуществляли неустанную деятельность по мобилизации и использованию сил страны.

Хочется сказать также и о том, что даже в эти исключительно тяжелые дни правительство нашло возможным отметить работу нашей группы работников Генерального штаба, обслуживавших Ставку в оперативном отношении. В конце октября во время одного из телефонных разговоров И. В. Сталин спросил, не смог ли бы я написать постановление о присвоении очередного воинского звания одному из генералов. Я ответил согласием и спросил, о присвоении какого звания и кому идет речь, совершенно, конечно, не подозревая, что будет названо мое имя. Услышав свою фамилию, я попросил освободить меня от выполнения этого поручения. Сталин, шутя, ответил:

– Ну хорошо, занимайтесь своими делами, а уж в этом мы как-нибудь обойдемся и без вас.

Поблагодарив за такую высокую оценку моей работы, я поинтересовался, можно ли отметить также и заслуги моих прямых помощников, не менее меня работающих в столь напряженное время. Сталин согласился с этим предложением и обязал меня сообщить А. Н. Поскребышеву, кого и как следует отметить. 28 октября 1941 года постановлением СНК СССР четверым из нашей оперативной группы были присвоены очередные воинские звания: мне – генерал-лейтенанта, А. Г. Карпоносову, В. В. Курасову и Ф. И. Шевченко – генерал-майора.

Это внимание, проявленное к нам, тронуло нас до глубины души. Уже говорилось, что И. В. Сталин бывал и вспыльчив, и несдержан в гневе, тем более поразительной была эта забота в условиях крайне тяжелой обстановки. Это один из примеров противоречивости личности И. В. Сталина. Припоминаются и другие факты. В особо напряженные дни он не раз говорил нам, ответственным работникам Генштаба, что мы обязаны изыскивать в сутки для себя и для своих подчиненных как минимум пять-шесть часов для отдыха, иначе, подчеркивал он, плодотворной работы получиться не может. В октябрьские дни битвы за Москву Сталин сам установил для меня отдых от 4 до 10 часов утра и проверял, выполняется ли это его требование. Случаи нарушения вызывали крайне серьезные и в высшей степени неприятные для меня разговоры. Разумеется, это не была мелкая опека, а вызывавшаяся обстановкой необходимость.

Напряженнейшая работа, а порой и неумение организовать свое время, стремление взять на себя выполнение многих обязанностей зачастую заставляли ответственных работников забывать о сне. А это тоже не могло не сказаться на их работоспособности, а значит, и на деле.

Иногда, возвратившись около четырех часов утра от Сталина, я, чтобы реализовать принятые в Ставке решения, обязан был дать исполнителям или фронтам необходимые указания. Порою это затягивалось далеко за четыре часа. Приходилось идти на хитрость. Я оставлял у кремлевского телефона за письменным столом адъютанта старшего лейтенанта А. И. Гриненко. На звонок Сталина он обязан был докладывать, что я до десяти часов отдыхаю. Как правило, в ответ слышалось «Хорошо».

Говоря о тяжелых и опасных для нашей столицы и страны в целом октябрьско-ноябрьских днях, когда враг стоял у стен Москвы и Ленинграда, не могу не сказать о том огромном значении, которое имели для москвичей, для советского народа и Вооруженных Сил, состоявшееся 6 ноября торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями столицы, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября – традиционный парад войск на Красной площади. И у нас в Генштабе, несмотря на крайне тяжелое положение на фронте под Москвой, чувствовалось какое-то особенно торжественное настроение. Доклад на торжественном заседании и выступление на Красной площади Сталина явились выражением спокойствия советских руководителей за судьбу советской столицы.

Под руководством Сталина над докладом трудился ряд членов Политбюро. Однажды в моем присутствии этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро.

Призывы Коммунистической партии, прозвучавшие в выступлениях И. В. Сталина, – отдать все силы для защиты Родины и победы над врагом, да и сам по себе парад вызвали могучий патриотический подъем в стране, вдохновили наших людей на новые героические подвиги, на фронте и в тылу, укрепили уверенность в неизбежном переломе в ходе войны, в победе над фашистами.

Выигранное время было использовано советским командованием для дальнейшего усиления войск Западного направления и укрепления оборонительных рубежей. Крупным мероприятием явилось завершение подготовки очередных и внеочередных резервных формирований. На рубеже Вытегра – Рыбинск – Горький – Саратов – Сталинград – Астрахань создавался новый стратегический эшелон для Красной Армии. Здесь, на основании решения ГКО, принятого еще 5 октября, формировалось десять резервных армий. Создание их на протяжении всей Московской битвы было одной из основных и повседневных забот ЦК партии, ГКО и Ставки. Мы, руководители Генерального штаба, ежедневно при докладах Верховному Главнокомандующему о положении на фронтах детально сообщали о ходе создания этих формирований. Без всякого преувеличения должен сказать: в исходе Московской битвы решающее значение имело то, что партия и советский народ своевременно сформировали, вооружили, обучили и перебросили под столицу новые армии.

В Генеральном штабе не сомневались, что гитлеровское командование также готовит войска к возобновлению наступления. В течение первой половины ноября оно создало две мощные ударные группировки. 15–16 ноября они перешли в наступление, стремясь обойти Москву с севера, через Клин и Солнечногорск, и с юга, через Тулу и Каширу. Тяжелые оборонительные бои продолжались всю вторую половину ноября. К концу ноября фашистским войскам удалось северо-западнее столицы продвинуться к каналу Москва – Волга и форсировать его у Яхромы, а на юго-востоке достичь района Каширы. Дальше враг не прошел. Утратив свои наступательные возможности, обескровленные и измотанные активной обороной советских войск, соединения группы армий «Центр» в первых числах декабря всюду вынуждены были перейти к обороне: 3 декабря – войска 4-й немецкой армии, 5 декабря – войска 3-й и 4-

й танковых групп, а также 2-й танковой армии. Этим завершился наиболее трудный для нас оборонительный период битвы под Москвой.

В течение 20-дневного второго наступления на Москву фашисты потеряли более 155 тыс. убитыми и ранеными, около 800 танков, не менее 300 орудий и большое количество самолетов.

К началу декабря изменилось соотношение сил воюющих сторон. В составе нашей Действующей армии было около 4,2 млн. человек, до 22,6 тыс. орудий и минометов, 583 установки реактивной артиллерии, 1954 танка и 2238 боевых самолетов. (Правда, почти две трети наших танков и до половины самолетов были еще старых типов.) Вражеская армия (без ВМФ), включая союзников Германии, имела в то время около 4 млн. человек, 26,8 тыс. орудий и минометов, 1940 танков и штурмовых орудий и 3280 боевых самолетов.

Превосходство противника сохранялось в артиллерии и самолетах, но он уже уступал нам по количеству танков. Гораздо важнее то, что в начале декабря наше Верховное Главнокомандование располагало крупными стратегическими резервами, которые Ставка могла использовать для усиления Действующей армии. Наличные резервы врага на советско-германском фронте были в основном израсходованы. Таким образом, на нашей стороне был ряд благоприятных факторов. Имелись, однако, и обстоятельства, которые осложнили обстановку: блокада Ленинграда, наметившийся прорыв на Кавказ из Крыма, непосредственная близость линии фронта к Москве. Перед нашим народом и его Красной Армией стояла задача не только ликвидировать угрозу Ленинграду, Москве и Кавказу, но и вырвать стратегическую инициативу из рук врага, создав перелом в ходе войны. Ставка предусматривала сосредоточить основные усилия на Западном направлении, где предполагалось подготовить решительное контрнаступление. Сюда, естественно, и перебрасывалась большая часть резервов Ставки, маршевых пополнений, боевой техники и боеприпасов.

В конце ноября – начале декабря в район Москвы прибыли 1-я ударная и 20-я армии, начали подходить 10-я, 26-я и 61-я резервные армии. Они выдвигались на фланги Западного фронта и на стык его с Юго-Западным фронтом. Часть сил этих армий приняла участие в нанесении контрударов севернее Москвы. На Западный фронт прибыли также соединения из других резервных армий и военных округов. Пополнялись и войска Калининского фронта. Значительное усиление войск Западного направления, хотя оно и не создавало общего превосходства над группой армий «Центр», явилось одним из важных условий для перехода в контрнаступление. В начале декабря 1941 года группа армий «Центр» вместе с военно-воздушными силами имела под Москвой 1708 тыс. человек, около 13,5 тыс. орудий и минометов, 1170 танков и 695 самолетов, а мы к началу контрнаступления – 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1 тыс. самолетов.

Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования еще в начале ноября, после того, как первая попытка противника прорваться к столице была сорвана. Но от нее пришлось тогда отказаться, вследствие нового фашистского натиска, для отражения которого потребовались имевшиеся у нас резервы. Лишь в конце ноября, когда противник исчерпал свои наступательные возможности, его ударные группировки оказались растянутыми на широком фронте, и он не успел закрепиться на достигнутых рубежах, Ставка возвратилась к идее контрнаступления. Уверенность в успешности контрнаступления под Москвой у ГКО и Ставки была настолько велика, что 15 декабря, то есть через десять дней после его начала, было принято решение о возвращении в Москву аппарата ЦК и некоторых государственных учреждений. Генеральный штаб во главе с Б. М. Шапошниковым возвратился еще в 20-х числах ноября и тут же включился в работу по подготовке контрнаступления.

Нельзя не отметить, что проведение контрнаступления под Москвой в значительной мере облегчили успешные наступательные действия, предпринятые в ноябре и декабре на тихвинском и ростовском направлениях. Разгром вражеских группировок под Тихвином и Ростовом,

хотя он и потребовал от Верховного Главнокомандования посылки туда части резервных сил, позволил решить не только эти локальные задачи, но и сковать противника на Северо-Западном и Южном направлениях. Тем самым фашисты были лишены возможности перебросить войска с этих направлений на усиление своей центральной группировки. 29 ноября Верховный Главнокомандующий направил 9-й и 56-й армиям, их командующим генерал-майору Ф. М. Харитонову и генерал-лейтенанту Ф. Н. Ремезову приветствие, а главнокомандующему Юго-Западным направлением маршалу С. К. Тимошенко и командующему Южным фронтом генерал-полковнику Я. Т. Черевиченко поздравление в связи с освобождением Ростова. Это было одно из первых поздравлений такого рода. Почти полгода, с самого начала войны, все ждали момента, когда мы начнем громить фашистов, не отступая, а заставляя их обороняться. И вот, наконец, дождались! В дальнейшем приветствия Верховного Главнокомандующего войскам-освободителям стали традицией.

Замысел контрнаступления на Центральном направлении сводился к тому, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Ставка заранее довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи, потребовала от них конкретных предложений по их реализации. Основную роль в этом историческом контрнаступлении должен был сыграть и сыграл в действительности Западный фронт. 30 ноября командующий этим фронтом Г. К. Жуков прислал в Генштаб план контрнаступления Западного фронта и попросил меня «срочно доложить его народному комиссару обороны т. Сталину и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой»¹⁸

¹⁸ Архив МО СССР. Ф. 16-А. Оп. 947. Д. 36. Л. 70–72.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.